KING OF RUSSIA

один год в российской суперлиге

ДЭЙВ КИНГ

при участии Эрика Духачека

АМФОРА СПОРТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дэйв Кинг девять лет был тренером национальной хоккейной сборной Канады. Он готовил команду к трем Олимпиадам, и она завоевала серебряные медали в Альбервиле в 1992 году. Позже тренировал команды НХЛ Калгари Флэймз и Коламбус Блю Джэкетс и был помощником тренера в Монреаль Канадиенз. Он принял предложение работать с ведущей командой Финляндии ХИФК, прежде чем Магнитогорск начал переманивать его к себе в Металлург. Эта книга - дневник первого тренера из Канады, попавшего в недра российской хоккейной Суперлиги. Это необычайно пристальный и ироничный взгляд изнутри на жизнь ключевых игроков, владельцев команд, менеджеров и болельщиков.

- Клуб «Металлург» Магнитогорск
- Июль 2005 года
- Август
- Сентябрь
- Октябрь
- Ноябрь
- Декабрь
- Январь 2006 года
- Февраль
- Март
- Апрель
- Эпилог
- Послесловие

Клуб «Металлург» Магнитогорск

Руководство команды: Виктор Рашников, владелец, олигарх, президент «ММК»; Геннадий Величкин, генеральный директор; Олег Куприянов, помощник генерального менеджера; Дэйв Кинг, главный тренер; Федор Канарейкин, тренер; Виктор Королев, тренер; Юрий Шундров, тренер; Виктор Сухов, тренер; Виктор Гудзик, тренер по физподготовке; Игорь Муравьев, переводчик.

Игроки: Трэвис Скотт, вратарь; Константин Симчук, вратарь Андерс Эрикссон, защитник; Владислав Бульин, защитник; Виталий Атюшов, защитник; Евгений Варламов, защитник; Александр Бойков, защитник; Александр Селуянов, защитник; Владимир Маленьких, защитник; Евгений Бирюков, защитник; Дмитрий Юшкевич, защитник; Евгений Малкин, нападающий; Станислав Чистов, нападающий; Игорь Королёв, нападающий; Илья Воробьёв, нападающий; Алексей Кайгородов, нападающий; Алексей Тертышный, нападающий; Дмитрий Пестунов, нападающий; Николай Кулемин, нападающий; Эдуард Кудерметов, нападающий; Руслан Нуртдинов, нападающий; Евгений Гладских, нападающий; Равиль Гусманов, нападающий; Юрий Добрышкин, нападающий; Денис Платонов, нападающий; Александр Савченков, нападающий; Роман Кухтинов, защитник; Ренат Ибрагимов, защитник.

Июль 2005 года

5 июля

Некоторые люди говорили мне, что я сумасшедший, поскольку так поступил, — и сейчас я не уверен, что стал бы возражать. Я стою на льду магнитогорской арены, в сердце матушки-России, в моем новом на ближайшие десять месяцев доме, далеко от родного очага. Я чувствую себя не в своей тарелке из-за длительных перелетов через многие часовые пояса и дефицита сна, переполненный противоречивыми чувствами. Тридцать шесть часов назад я был на другой стороне земли, в Саскатуне (город в Канаде — прим. пер.), и готовился к главному приключению в своей жизни. В середине весны прошлого года на меня вышел Сергей Левин, российский хоккейный агент, чтобы узнать, интересно ли мне стать первым канадцем, тренирующим команду российской Суперлиги. Тогда он не сказал, что это за команда. Он только лишь хотел выяснить степень моей заинтересованности в приезде в Россию. В течение последней четверти века поток хоккейных талантов между Россией и Северной Америкой шел, преимущественно, в одном направлении. Все возрастающий аппетит НХЛ на лучших игроков привел к их массовому набору в России, и с течением времени появились россияне, возглавившие списки бомбардиров лиги, завоевавшие призы лучших новичков года, и десятки россиян, увидевших свои имена выгравированными на Кубке Стэнли. С недавних пор, после того, как экономические и политические потрясения в России после падения коммунизма поутихли, появилось нечто вроде обратной миграции. Зарплаты в России стали более конкурентоспособны, и ряд клубов, которым доллары «жгут карманы», переманили часть своих доморощенных талантов обратно.

Помимо того, в год локаута в НХЛ даже некоторые из самых известных канадских хоккеистов (Vincent Lecavalier, Dany Heatley, Brad Richards, например) приехали играть в Суперлиге. А тренеры? Здесь — другое дело. Такого не было никогда. Несколько россиян поработали в НХЛ неглавными тренерами, несколько тренеров из Европы поработали в России, но ни один клуб еще не передавал ключи канадцу. до сего момента.

За два дня до того, как я вылетел из Канады, я съездил в Эстон, провинция Саскачеван, чтобы повидаться с семьей. И, поскольку тренировочные сборы здесь, в России, начинаются в начале июля, я вылетел из Саскатуна в Торонто-Лондон-Москву, и прибыл в российскую столицу в 15:45. К сожалению, время

вылета последнего рейса моего путешествия — из московского аэропорта Домодедово в Магнитогорск — было перенесено на пять с половиной часов, с 18.00 на 23.30, вследствие перехода на новое, летнее расписание. Пока Россия сбивчиво идет по пути к капитализму, у авиакомпаний постоянно не хватает самолетов, и в результате последние вынуждены быть на обслуживании фактически 24 часа в сутки. На менее популярных маршрутах рейсы часто отменяются и объединяются с другими, в зависимости от наличия самолетов. Таким образом, последнее из того, что мне хотелось бы, приключилось сразу же — длительная задержка в столице России. С учетом двухчасовой разницы между Москвой и Магнитогорском, к моменту, когда рейс № 12 авиакомпании «Сибирь» приземлился, было уже 3.30 утра.

Через час, в кромешной тьме, я, насколько мог, разглядывал свое новой жилище, где я вместе с женой Линдой буду жить до конца хоккейного сезона. Мой новый клуб захотел, чтобы я был на льду в тот же день, поэтому у меня был выбор — поспать часа полтора или не ложиться и поднапрячься без сна. Я решил слегка вздремнуть, а затем пошел из своей квартиры в сторону арены, впервые (но, вероятно, не в последний раз) задавшись вопросом: «Что я тут делаю?»

Мне 57 лет. Я тренировал сборную Канады на трех зимних Олимпиадах. Я дважды был главным тренером в клубах НХЛ (в Calgary Flames и Columbus Blue Jackets). Последние два года я провел в сравнительно стабильном мире немецкой Элитной Лиги, тренируя команду Гамбурга. А когда меня приглашали русские, мне уже была подыскана работа в Хельсинки на один год.

И хотя переговоры о моем контракте с Магнитогорском были завершены несколько месяцев назад, я действительно очень мало знаю о том, во что я ввязался. Я не знаю тренеров — своих помощников, я не знаю языка, я не знаю — за исключением одного-двух — своих игроков.

Я приступаю к этому делу с ощущением холода в груди, и, хотя на дворе июль, сегодня пасмурный прохладный день. С другой стороны, идеальная погода для хоккея. Снаружи арена выглядит соответственно погоде — да и моему настроению тоже. Для России характерно, что здание, которому всего 15–20 лет (и оно должно бы находиться в относительно приличном состоянии), теряет свой вид гораздо быстрее, чем следовало. При прежнем политическом режиме деньги часто выделялись на строительство, но ничего не откладывалось на содержание зданий, поэтому никакого ухода за ними не было. Время — 08:15 моего первого рабочего дня, и первая группа хоккеистов должна по графику появиться на льду в 10. Если бы здесь применялась

практика НХЛ, тут были бы уже все — тренеры, специалисты по экипировке и, естественно, хоккеисты. Вместо этого, здесь — только я и пара вахтерш, одна из которых узнала меня и впустила.

Много лет назад у меня в Calgary Flames был русский хоккеист Сергей Макаров, участник знаменитой тройки КЛМ. Советские хоккеисты в то время ежегодно выигрывали чемпионаты мира, и Макаров всегда был одним из игроком, вносившим ключевой вклад в эти победы. В конце концов, он приехал в НХЛ, в возрасте 31 года, вместе с другими хоккеистами своего звена — Игорем Ларионовым, Владимиром Крутовым, Алексеем Касатоновым и Славой Фетисовым. Когда он играл за мою команду, я так и не смог привыкнуть к тому факту, что Макаров делал именно то, что моя команда делала в этот момент. Он появлялся непосредственно перед началом тренировки, а потом уходил через считанные минуты после ее завершения. Я думал, что то была просто его, Сергея, манера. Теперь я начинаю подозревать, что такой образ действий характерен для русских в целом. Посмотрим, изменится ли это в течение сезона.

Наконец, все пришли, начиная с моих новых коллег-тренеров. Один из них — Фёдор Канарейкин, мой основной помощник, который немного говорит по-английски. Еще есть три Виктора — Виктор Королев, Виктор Сухов и Виктор Гудзик (прим. пер.: victor — англ. победитель), ни один из которых не говорит по-английски ни слова. Это может вызвать проблемы.

Вскоре после того, как я принял это назначение, я купил учебные кассеты фирмы Berlitz и выучил несколько основных русских слов и выражений — привет, до свидания, спасибо и т. д. Я планирую тренировать, все же, преимущественно на английском языке, и для этого мне потребуется проводить предварительный инструктаж по всем нашим тренировкам. Я имею в виду, что буду проводить занятия сначала с тренерами, и затем они смогут перевести за меня команде. Когда я выходил на лёд, в голове у меня была лишь одна мысль — не брякнись на задницу, Кингер! — ибо такое начало стало бы вдохновляющим, не так ли?))

Итак, я дунул в свисток и подозвал хоккеистов к бортику, как я делал тысячи раз за время своей тренерской карьеры. Я подумал, что начну с чего-нибудь легкого — с простого упражнения для разогрева вратарей, которое я считал гарантированно безрисковым. Ошибка. Очевидно, самые простые упражнения могут быть скомканы, когда натыкаются на языковой барьер. Через 30 секунд после начала моего первого упражнения мне пришлось свистком остановить игру, внести коррективы и

начать все сначала. Через полтора часа, ближе к окончанию тренировки, некоторые игроки сидели, в интервалах между упражнениями, на коленях, тяжело дыша.

В нашем представлении, вероятно, под воздействием слишком большого количества фильмов про Рокки, русские спортсмены подготовлены лучше, чем их североамериканские визави. Позднее я узнАю, что российские хоккеисты относятся к тренировочным сборам так, как относились игроки НХЛ во времена Гордии Хоу — как к средству постепенного набора формы, но первое мое впечатление было далеко не таким.

Никогда я не ожидал, что российские игроки будут настолько уставшими и обвисшими, как мешки, после лишь одного занятия на льду. Всего в тот день я провел четыре ледовых тренировки, после чего побрел к себе в квартиру. Я пролетел через 12 часовых поясов и спал всего полтора часа из 36, но, подпитываемый адреналином, сменой времени и возбуждением от полной перемены обстановки, совершенно не хотел спать, хотя должен бы, по всем правилам, уснуть крепким сном. Лежа в кровати и делая записи в своем дневнике, я испытывал широкий диапазон чувств — от грусти в связи с разлукой с дорогими мне людьми до волнения в связи с перспективой вхождения в плотно охраняемый мир российского хоккея. Это был один из самых тяжелых дней в моей тренерской карьере, и в то же время — великий день. Я был очень взволнован тем, что нахожусь на льду вместе с русскими хоккеистами, гоняю этих парней через упражнения и вижу, на что они способны. До сих пор сама мысль о тренерстве в России была абстрактной. Теперь она стала моей новой реальностью.

7 июля

Магнитогорск — город с населением около 400,000 (так у автора — прим. пер.) человек, расположенный у подножия Уральских гор, недалеко от границы с Казахстаном, в 2,5 часах лета к юго-востоку от Москвы. Фактически, мы находимся в западной части Сибирской равнины.

Каким образом я тут оказался? Добровольно, и это требует краткого пояснения. 1 мая я согласился взяться за тренерскую работу в одном из топ-клубов в Финляндии — IFK Helsinki. IFK уволил своего тренера посреди плэй-офф, и сам Pentti Matakainen, генеральный менеджер и бывший тренер национальной сборной, принял пост до конца года. Через три дня после того, как я согласился тренировать IFK Helsinki, мне позвонил хорошо известный хоккейный агент Сергей Левин и сказал, что один российский клуб хотел бы взять к себе главным тренером специалиста из Северной Америки. Они, вроде, договорились о чем-то с Барри Смитом (Barry Smith), тренером Detroit Red Wings,

но сделка сорвалась, и они вновь занялись поисками. Интересна ли мне такая возможность?

В январе я вкратце разговаривал с Сергеем о таком варианте, и сказал: «Да, было бы здорово, мне это тоже интересно,» — но продолжения от него не последовало, и я больше об этом не думал. Вдруг, по прошествии такого времени, он позвонил и сообщил эти подробности. Этим клубом, по его словам, был Магнитогорск, и, поскольку я следил за Суперлигой, я знал, что это — конкурентоспособный клуб. Он обрисовал положение команды, назвал некоторых игроков. Я тут же сел за компьютер и прошелся по хоккейным базам данных. Через два-три часа поисков я понял — о-го, это очень, очень интересно.

Тогда я сказал Линде: «Интересно, как IFK прореагировал бы на такой поворот?» Мы подумали, посовещались и пришли к выводу, что, похоже, это был шанс, который выпадает раз в жизни. Когда потихоньку стареешь, в профессии тренера живешь от года к году. Мне уже не 45, когда можно позволить себе подождать сезон-другой, а урегулирование контрактных обязательств в Финляндии не должно было стать большом вопросом. Мне предложили хорошую российскую команду, да и в финансовом плане была заметная разница. Поэтому я взял трубку, позвонил генменеджеру Pentti Matakainen и президенту Harri Tuomo и рассказал о появившейся возможности. Я сказал им, что всерьез хотел бы рассмотреть предложение из России, даже с учетом того, что уже подписался за Хельсинки. Естественно, они не хотели ничего менять, потому что уже объявили новость о принятии меня на работу, но, все же, согласились поговорить со мной в Вене, где проводился ЧМ-2005 по хоккею.

К тому времени я уже вернулся на лето из Европы домой, поэтому пришлось лететь в Вену. Россияне встретили меня в аэропорту большой группой, и первой моей мыслью было: «они такие эмоциональные, так взволнованы перспективой нанять этого североамериканского тренера и не просто жмут руки — они целуют». Я ожидал объятия, но никак не поцелуи. Сцена в аэропорту развернулась совершенно хаотичная. Меня встречал целый отряд, одним из встречающих был Mark Gandler, агент многих российских хоккеистов, включая Алексея Яшина. Марк не занимался этой сделкой, но, поскольку он говорил по-английски, а русским был нужен кто-нибудь для перевода, он вызвался помочь в течение дня-другого. Из аэропорта мы поехали прямиком в Renaissance Hotel. После проведенных в дороге ночи и большей части дня я планировал подняться к себе в комнату и немного отдохнуть, прежде чем мы встретимся для обсуждения

контракта. Но у них были другие намерения. Мне помогли занести багаж в комнату, и мы тут же отправились обратно в фойе отеля, чтобы начать переговоры.

Теперь представьте себе такую картину: мы находимся в центре крупного венского отеля в разгар чемпионата мира по хоккею, мимо нас снуют люди, мои знакомые машут мне рукой, и одновременно я пытаюсь говорить с этими русскими на иностранном языке о сложном контракте. Геннадий Величкин, генеральный директор, практически постоянно разговаривал по своему мобильному телефону. Иногда у кого-нибудь звонил другой телефон, и он передавал его Величкину, и теперь тот одновременно вел два разговора по телефонам. Олег Куприянов, помощник генерального директора, высокий, энергичный парень, чуть-чуть говоривший по-английски, пытался попрактиковаться в своем английском на мне — по важнейшим вопросам переговоров — и я не мог понять ни слова. Из-за этого я повторял: «Через переводчика, пользуйтесь переводчиком». Все курили. Полный хаос.

У Олега была такая черная сумочка, набитая американскими долларами. Первым делом он спросил меня: «Где ваши билеты и квитанции?», потому что он хотел оплатить мои проездные расходы тут же. Я сказал: «Олег, мы можем сделать это завтра, я только что с самолета!» Но он на самом деле хотел сделать это здесь и сейчас — оплатить мои расходы, наличными долларами, посреди фойе отеля.

Они достали и положили на кофейный столик контракт, готовый для подписания. Я пытался объяснить им, через Марка, что я никак не мог подписывать что-либо, пока надлежащим образом не будет аннулирован мой контракт с IFK. Когда Марк объяснил ситуацию, вдруг стало совершенно тихо. Я почувствовал, что Величкин начинал нервничать. Они упустили Барри Смита, когда думали, что уже получили его, а теперь я просто видел, как он думал: «Неужели опять?»

Но они отступили и ждали достаточно долго, пока я не встретился в Харри Туомо два раза. IFK не хотел менять что-либо; фактически, я не был уверен, пойдут ли они на такое изменение вообще. Когда я рассказал Величкину о позиции IFK, он позвонил моему агенту, они переговорили, затем Величкин передал мне трубку. Очевидно, русские были готовы сделать то, что они делают всегда — бросить на решение проблемы деньги. Величкин предложил заплатить IFK щедрые отступные за аннулирование моего контракта и попросил меня сообщить это предложение Туомо. Видимо, это было — «другое дело». Харри не был очень уж доволен, но он понимал, что на том этапе моей карьеры это был

шанс, который никогда не повторится. Он сказал, что не хочет иметь у себя тренера, работающего неохотно, но добавил, что хотел бы большей денежной компенсации, если возможно. Нынче, похоже, все считают, что у россиян — глубокие карманы.

Вечером того же дня, перед ужином, вновь возник контракт, и в этот раз я мог подписать его, прямо на столе, за которым мы ужинали. Как только это случилось, появились бокалы. Сейчас я пью совсем мало, но здесь было необходимо выпить за контракт. Поэтому они достали бутылку водки, которую я не пью, и вовсе не стопки. Это были огромные бокалы, размером со стакан для воды.

В тот вечер, помню, я шел к себе в комнату и думал обо всей ситуации. Да, теперь я реально связан обязательствами с Россией. До сих пор это было что-то вроде хорошо-бы- если-б, некоей возможностью. Теперь это была действительность.

Затем я стал размышлять. Бог ты мой, мне уже доводилось немного тренировать русских — не могу сказать, что было легко. В большинстве своем они показались мне упрямыми. Они всегда и обо всем спорили, а теперь мне предстоит тренировать их аж тридцать человек. Будет очень интересно.

Помимо одного-двух новшеств, которые мы можем привнести, я буду единственным чужеродным элементом команды, поэтому потребуется некое уравновешивающее действие. Наряду с тем, что я должен предложить что-то для них новое, мне необходимо помнить, что я не собираюсь кардинально менять этих людей или манеру их игры. Мне придется быть осторожным в отношении того, что я попытаюсь изменить, и делать это постепенно, с самого начала завоевав их доверие. Реальные изменения могут прийти не ранее второй половины сезона. Не в моем характере смиряться с таким положением, но, в конечном итоге, возможно, так и придется поступить.

Помню, когда первые россияне приехали в НХЛ, для некоторых из них переход давался не просто. Теперь, вдруг, все развернулось. Хоккеисты будут говорить тебе, что ты довольно упрямый человек, поэтому в течение лета я много думал, не столько о хоккее, сколько о том, как можно было бы облегчить изменения. Какие для этого надо предпринять шаги?

В тренерском деле очень большое значение имеет, знаешь ли ты, что именно сработает в отношении каждого отдельного человека. Неважно где ты тренируешь — в НХЛ, в Германии, в Японии, где бы я не работал ранее — нужно достучаться до 20–25 хоккеистов. Некоторые реагируют на пряники. Другие — на кнут. Не все схватывают на лету, но, по крайней мере, когда ты общаешься с кем-либо на одном языке, ты в конечном итоге

знаешь, на какие кнопки нажимать.

Это — важнейшая часть тренерского дела, но я должен признать, что с некоторыми русскими хоккеистами, с которыми я работал в прошлом, мне так и не удалось даже найти эту кнопку, не говоря уже — нажимать на нее.

В России отношения между тренером и игроком всегда казались иными. Я наблюдал российских тренеров с хоккеистами на льду, и часто видел споры, очень активные споры. С размахиванием руками, с указанием на других хоккеистов: «Это не я, это вот он», при этом другой хоккеист отвечает: «Ничего подобного». Я видел это много раз, наблюдая тренировки российских команд.

В Северной Америке решение, обычно, простое: ты садишься с парнем за чашку кофе, или идешь с ним просто прогуляться, или катаешься с ним вокруг катка и беседуешь, или приглашаешь к себе в кабинет и решаешь проблему таким образом. Сейчас мне будет трудно обсуждать важные вопросы с любым хоккеистом, потому что придется делать это через переводчика.

Переводимые им слова могут быть теми же самыми, но сможет ли он передать мои эмоции или интонации? Скорее всего, нет. Некоторым образом, мне придется активнее использовать жесты, чтобы по рукам и выражению лица игрок мог визуально дополнять воспринимаемую информацию. Я сказал себе: «Когда я буду выделять что-либо в своих словах, передаваемых через переводчика, хоккеист должен видеть мое лицо, смотреть мне в глаза и воспринимать язык жестов.

Когда я работал тренером в Германии, я постоянно ловил себя на словах: «Вот делают в НХЛ» — что, конечно, будет неправильно здесь. Здесь мне потребуется отделить те вещи, которые я, как я полагаю, смогу изменить, от того, что не смогу — и потом просто относиться к остальному с юмором и не беспокоиться по этому поводу. Я уже знал, что буду в некотором шоке, в плане хоккейной культуры. Например, я увижу врачей, делающих хоккеистам уколы или дающих им те или иные таблетки. Венсан Рьяндо, бывший вратарь St. Louis Blues, играл за «Ладу» (Тольятти) и однажды рассказал мне, что, когда бы врач команды ни заходил в раздевалку, он старался уйти в другую сторону — потому что они всегда пытались что-либо дать ему, таблетку или инъекцию, при этом не говорили, что это всё было. Мне будет очень заманчиво посмотреть, какие вопросы я таки буду задавать, а какие моменты я готов проигнорировать.

9 июля

Через несколько дней мы отправляемся в Гармиш-Партенкирхен, Германия, потренироваться пару недель в

условиях высокогорья. Это даст мне возможность лучше понять состояние команды. Откровенно говоря, после трех дней занятий на льду впечатления у меня не очень. В мою бытность тренером канадской сборной я бывал здесь минимум два раза в год и знаю, как было дело в прежние годы — во времена Советского Союза, не России, когда тренеры держали все в ежовых рукавицах — отнюдь не в бархатных перчатках. Тогда графики их тренировок были настолько жестко выстроены, что уже к августу их команды были в такой же форме, как в середине сезона, и нашей сборной приходилось играть на максимуме своих возможностей, чтобы быть в состоянии хотя бы минимально противостоять. Я прекратил свои регулярные приезды сюда в 1992, когда начал тренировать Calgary Flames, и с тех пор был здесь только один раз — на чемпионате мира 2000 г. в Санкт- Петербурге. Даже тогда произошедшие на всех уровнях изменения — политические, экономические, социальные — просто ошеломляли.

В политическом плане изменения начались еще в конце 80-х: glasnost и perestroika — вот самые ходовые слова, которыми характеризовалась постепенная эволюция от коммунизма к капитализму. За период времени с прихода Михаила Горбачева к власти в марте 1985 до того момента, когда он, под Рождество 1991 г., власть потерял, поменялось все. Некоторые сравнивали Москву середины 90-х с Чикаго времен Аль-Капоне или с Диким Западом — из-за насилия, преступности и беззакония, пронизавшего все общество, постоянно изменяющееся и эволюционирующее.

В плане хоккея тоже произошли большие изменения, и во многих случаях — почти по полному кругу. Вплоть до падения коммунизма единственным способом, которым советский хоккеист в расцвете сил мог перебраться в НХЛ, было бегство. Горстка людей пошли таким путем, самый известный пример — Александр Могильный в 1989 г., но большинство русских приехало только с начала 90-х, когда ручеек российских хоккеистов превратился в настоящее русское вторжение. Сергею Федорову был только 21 год, когда он в 1990 г. сбежал с Игр Доброй Воли прямо в расположение Detroit Red Wings (и через семь лет, вместе со своими соотечественниками Игорем Ларионовым, Славой Козловым и Владимиром Константиновым привез Кубок Стэнли на Красную площадь). Год спустя, в 1991, приехал Павел Буре и в 21-летнем возрасте сразу стал обладателем приза лучшему новичку года в НХЛ.

Российское представительство в НХЛ стремительно увеличивалось, но очень немногие задумывались об оборотной

стороне медали — о том, насколько исход русских опустошил их собственные лиги. В течение нескольких лет российская топ-лига состояла только из старых и совсем юных игроков — и никого между ними. Дмитрий Юшкевич, бывший защитник Торонто и Филадельфии, рассказывал мне как-то, что его товарищи в Череповце, с которыми он вырос и которые остались дома, когда он в 1992 г. уехал в НХЛ, зарабатывали в те дни настолько мало, что им приходилось буквально рыбачить, чтобы их семьям было чего поесть на ужин.

В те первые, пробные, годы по дороге к капитализму в их обществе всё было так тревожно и нестабильно, что это, честно говоря, внушало мне опасения. В те дни правил хаос, и даже теперь Линда и я серьезно рассматривали вопрос безопасности, взвесив все за и против, прежде чем браться за эту работу.

В то лето Норм Маракл, поигравший в системе Detroit Red Wings и играющий сейчас за омский Авангард, рассказал мне дикую историю, случившуюся как раз перед его приездом в магнитогорский клуб. В сезоне 2001 г. 25-летний вратарь команды, Сергей Земченок, был застрелен при выходе из лифта своего дома. Мотивом преступления было ограбление. У Сергея была хорошая машина, он всегда был хорошо одет и носил с собой барсетку, которая, по мнению милиции, и сделал его целью преступников. Двое убийц были, в конце концов, пойманы и осуждены, причем поймали их по следам такого же убийства и грабежа в Челябинске. Все-таки, такого рода истории заставляют задуматься.

Я знал также, что Валентин Сыч, бывший президент федерации хоккея, был найден в заброшенном гравийном карьере, использовавшемся как свалка, убитый, как считалось, в связи с деятельностью русской мафии. Произошло следующее: в первые годы перехода от коммунизма Федерация хоккея России не имела средств на свои программы. Она была просто банкротом. Члены федерации были в отчаянном положении. Поэтому, когда они выезжали за границу, обратно везли с собой в большом количестве беспошлинные сигареты и перепродавали их посредникам, которые, в свою очередь, перепродавали их на рынке. Сыч делал это не для собственного обогащения. Он делал это для финансирования детских программ. Но это был опасный путь, потому что табачный рынок контролировался российской организованной преступностью. Мне рассказывали, что его даже не предупреждали. Просто расстреляли и отправили в федерацию письмо, наложенным платежом, с требованием к федерации убраться из сигаретного бизнеса.

Поэтому, были вопросы самого разного характера, о которых

приходилось задумываться — опасения по поводу физического насилия, здоровья, санитарного обеспечения. Летом 2005 Россия была совсем другой страной, по сравнению с тем, что была мне знакома ранее, и здесь могли быть как хорошие отличия, так и плохие.

В том числе и по этой причине я, когда Геннадий Величкин спросил, хочу ли я встретиться с владельцем команды Виктором Рашниковым, ухватился за эту возможность. Магнитогорск — это город металлургической промышленности, а Рашников управляет ММК, одной из крупнейших металлургических компаний России. Комбинат спонсирует команду. Говорят, что Рашников стоит около 3 миллиардов долларов — да, 3 млрд. долларов США — что делает его четырнадцатым-пятнадцатым по размеру богатства человеком в стране. Он — один из олигархов, о которых так много говорят. Некоторые, как Роман Абрамович, знамениты тем, что владеют футбольными клубами вроде Chelsea United, а ближе к дому он владеет клубом российской Суперлиги «Авангард» Омск. Другие, вроде Михаила Ходорковского из теперь государственной нефтяной компании «Юкос», сидят в тюрьме за уклонение от налогов. Рашников был просто инженером, который сумел собрать при переходе от коммунизма к капитализму необходимые ресурсы, позволившие ему и его инвесторам купить государственный металлургический завод по цене много ниже рыночной. За короткое время олигархи разбогатели непостижимым образом. Они — полы гетти и эндрю карнеги, уильямы хёрсты и эндрю меллоны своей эпохи, и мысль о встрече с таким человеком заворожила меня.

Подъезжая с Величкиным к комбинату, я все более поражался его огромным размерам. Он раскинулся на десяток бесконечных километров вдоль по берегу реки Урал. По Уралу проходит граница между Азией и Европой. Когда мы подъехали ближе, я увидел дым, клубящийся над заводом и близлежащей территорией, причем двух-трех оттенков, один из которых был ярко оранжевым. Величкин уверял меня, что завод сделал очень много для соответствия новым, более жестким экологическим стандартам, но вид этого оранжевого облака меня озадачил. Один факт бесспорен: качество воздуха в Магнитогорске типично для крупных металлургических городов годов эдак 50х. Постоянная и устойчивая дымка висела над городом все время с моего прибытия.

Офисное здание Рашникова находится глубоко внутри территории комбината и спроектировано так, чтобы производить впечатление. Марта Стюарт (www.marthastewart.com — доб. переводчиком) почувствовала бы себя в нем как дома —

ультрасовременный офис, с элегантной и, в то же время, впечатляющей отделкой. Рашникову 58 лет, и он находится в великолепной физической форме. Он выглядит как высеченный из гранита. В нем безошибочно виден лидер. Он внушает уважение. Даже при первой встрече с ним легко понять, как он смог стать руководителем ММК во времена, когда за контроль над активами комбината, несомненно, шла борьба. Сегодня он ездит по всему миру, защищая бизнес-интересы ММК, но, по словам Величкина, он посещает практически все домашние матчи команды, если находится в городе.

За время нашей полуторачасовой встречи он рассказал мне о своих ожиданиях на предстоящий год: ничего особенно затруднительного. Чтобы сезон считался успешным, команда должна занять место в тройке, т. е. завоевать медали. Что-либо меньшее будет рассматриваться как провал. По его мнению, он финансирует команду очень хорошо, и с нашим бюджетом в размере около 22 миллионов долларов мы должны достичь полуфинала Суперлиги. Мне он показался очень напряженным и невероятно сосредоточенным. Никаких пустых разговоров. Никаких «рад Вас видеть, как дела, как семья, есть ли у вас жена?» Чисто бизнес. Никакой болтовни. «Вот столько мы тратим на команду. Вот это я ожидаю. Вот это я хочу». И всё.

Фактически, наш бюджет выше нижнего потолка зарплат в 21,5 миллион долларов, закрепленный НХЛ в последнем коллективном соглашении. В год локаута в НХЛ больше всех в России потратил казанский Ак Барс, его бюджет составлял 60–70 миллионов. Это был Нью Йорк Рейнджерс Суперлиги, и он ничего не выиграл. С постепенным ростом экономики в российской Суперлиге стали платить больше, чем где-либо за пределами НХЛ. Ввиду меньшего налогового пресса некоторые игроки — из числа лучших — могут зарабатывать здесь больше, чем в НХЛ. Витязь, один из новых клубов, попавших в лигу после ее расширения, предложил, по некоторым сообщениям, Алексею Жамнову и Владимиру Малахову 3 миллиона долларов чистого заработка, что эквивалентно примерно 5- миллионному контракту в НХЛ. Оба отказали. Сейчас на сборах в России тренируется ряд выдающихся игроков НХЛ — Павел Дацюк, Илья Ковальчук, а у нас — Евгений Малкин, которым еще предстоит решить, где они хотят играть в этом году, здесь или в НХЛ. Для высокооплачиваемых хоккеистов деньги будут примерно такие же, с учетом налоговых преимуществ в России, поэтому вопрос упирается в выбор образа жизни. Захотят ли они остаться дома и выступать перед своими друзьями и родственниками? Или захотят играть в НХЛ, по-прежнему лучшей лиге мира? Будет

очень интересно узнать, как будут разворачиваться события.

После встречи с Рашниковым, Величкин пригласил меня, вместе с Федором Канарейкиным, моим помощником номер один, к себе домой на ужин. Я уже не был уверен, что ожидать увидеть, так как мое первое впечатление от Магнитогорска было такое — скромный, город производства и рабочих. Поэтому я был шокирован, когда мы подошли к его дому в огороженном пригороде, который мог бы с таким же успехом быть в фешенебельном пригороде Финикса, Майами или иного американского города. Это был не дом. Это был, практически, дворец, как будто сошедший со страниц журнала Architectural Digest. В саду при доме устроен водопад, деревья освещаются отраженным светом, есть пруд с рыбами. Трое из руководителей клуба — Величкин, Олег Куприянов (человек с черной сумочкой, полной американской валюты) и Владимир Алеко, тоже финансист — живут здесь по соседству. Горячие ванны. Сауна, огромный телевизор со спутниковыми каналами и бильярдный стол. Я бывал в домах многих генеральных менеджеров клубов НХЛ, и этот впечатлял никак не меньше.

Величкины пригласили на ужин еще три пары, так что для меня это был важный момент для установления контактов, возможность посмотреть своих новых коллег вне ледового дворца, в светской обстановке. Команды Величкина были очень успешны на протяжении многих лет — они были чемпионами в 1999 и 2000 г.г. Они рассчитывали выигрывать, и награды за победу были, очевидно, большими. Но встреча с Рашниковым и этот ужин у Величкина привели меня к еще одной мысли — у поражения тоже может быть своя цена. И мой опыт подсказывает, что обычно эту цену платит тренер, не генеральный менеджер. Если ни в чем другом, так хотя бы в этом НХЛ и Суперлига, похоже, имеют что- то общее.

10 июля

Одним из моментов, который заинтересовал меня больше всего во всей предстоящей кампании, было то, что мы должны были почти сразу же выехать в Гармиш-Партенкирхен, красивый городок в Альпах. Сегодня мы прибыли к месту назначения и заселились в Renaissance Riesersee Hotel, великолепный пятизвездочный пансионат. Замысел состоял в том, чтобы провести самую изнурительную часть летней подготовки в одном из прекраснейших мест на Земле, с расчетом, что это облегчит процесс набора формы. Мы, 34 хоккеиста и 10 клубных работников, проведем здесь 12 дней. По прибытии каждый хоккеист получил арендованный горный велосипед, однако большинство предпочло пользоваться маршрутным автобусом для

проезда к находящемуся внизу Олимпийскому ледовому стадиону Гармиша, где ежедневно проводились двухразовые занятия на льду и однократное занятие по общефизической подготовке. Расходы казались чрезвычайно высокими, и вновь я с удивлением отмечал бесконечный, похоже, поток денег, тратившихся на команду. У нас есть всё, а если потребуется что-то еще, решение состоит в том, что открывается черная сумочка Олега Куприянова и достаются наличные.

Сбор проходит в жестком режиме, и это хорошо, потому что видно, как в таких условиях закаляется характер хоккеиста. Поскольку вся предсезонная подготовка длится 9 недель, первые дней десять я бы потратил на проведение большого количества упражнений, что дало бы мне возможность почувствовать свою команду, понять, на что она способна, и, самое главное, выяснить, кто может быть лидером команды. Еще я хотел оценить дух состязательности этих ребят. Честно говоря, мое первое впечатление было такое: многие из них вполне квалифицированные игроки, но слишком многие из них были не в форме. Я обнаружил настоящее противоречие — мы проводили сборы как команда НХЛ, но укомплектованы были, преимущественно, хоккеистами уровня АХЛ, хотя и высокого класса.

Единственное и самое очевидное исключение — Евгений Малкин, который постоянно выделяется на фоне других, просто потому, что хоккеистов подобных ему немного. Питтсбург Пингвинз выбрали Малкина вторым на драфте новичков НХЛ 2004 г., сразу после другого российского хоккеиста Александра Овечкина, которого под общим первым номером задрафтовали Вашингтон Кэпиталс. И Магнитогорск — родной город Малкина, что делает его еще более ценным для клуба. У него есть все шансы стать лучшим игроком лиги в этом сезоне, и очень скоро борьба за него может начаться всерьез. Дело шло к тому, что локаут в НХЛ заканчивался, и можно было не сомневаться, что игрок масштаба Малкина был бы привлекателен для Питтсбурга, который финишировал в прошедшем сезоне НХЛ безнадежным аутсайдером и хотел бы заполучить хорошего игрока для привлечения публики.

Я могу уверенно сказать, что Малкин — настоящий талант. Иногда бывает много шумихи вокруг какого-нибудь парня, который оказывается обычным, средним игроком. Малкин — не такой. Несомненно, он станет великим хоккеистом. У него рост — 191 см, атлетичное телосложение. Он чрезвычайно одарен в спортивном плане. Он не только отличный хоккеист, но и лучше всех среди нас играет в футбол и великолепно в теннис. Его

владение собственным телом — это нечто. Он может быть грациозным, но в нужный момент может стать и взрывным. В упражнениях на обводку один-в-один для защитника он просто испаряется, проезжая мимо. И, как у всех великих игроков, голова у него всегда поднята, и он постоянно видит игру на один-два шага вперед.

Анатолий Тарасов, легендарный российский тренер, говорил, что в игре кто-то должен «владеть» пасом — подразумевается, что иногда игроку нужно избавляться от шайбы и создавать «окна» для того, чтобы у игрока, ведущего шайбу, была возможность отдать пас в нужный момент. Это трудно понять, и этому почти невозможно научить. Это — то самое шестое чувство, которое позволяло таким снайперам как Майк Босси и Бретт Халл снова и снова появляться в нужном месте в нужное время. Малкин очень хорошо умеет делать это, но он также обладает способностями выдать пас с большой точностью. Он так хорошо маскирует свои намерения, что его пасы похожи на пасы Уэйна Гретцки.

Наверное, больше всего в Малкине мне нравится то, что он любит свою работу. Иногда российские игроки могут быть мрачными и угрюмыми. Малкин все делает с улыбкой. Кажется, что тренировка доставляет ему удовольствие. Он любит соревноваться. Он играет в скоростной хоккей. Он неэгоистичен. И самое важное — он умеет то, что умеют все великие игроки: он видит происходящее перед ним, одновременно осознавая происходящее сзади него, что дает ему возможность рассчитывать свои время и действия. Самое главное для него будет, как он справится со всем вниманием, которое обязательно обрушится на него, и повлияет ли это на его самооценку.

12 июля

Трэвис Скотт, наш вратарь-легионер и на данный момент единственный, кроме меня, канадец в клубе, прилетел сегодня в Германию, и все взгляды устремлены на него. У Магнитогорск в прошлом были проблемы с вратарями, за исключением локаутного года, когда клуб на 1 год подписал Евгения Набокова из Сан-Хосе Шаркс. Но Набоков вернулся в НХЛ, и нам нужен был кто-нибудь ему на смену. Мы пытались заручиться обещанием Жана- Себастьяна Обена и, фактически, прождали на 2–3 недели дольше, чем собирались. Но затем стало ясно, что он по-прежнему надеялся остаться в НХЛ, подписавшись за Торонто и их фарм-клуб, и мы решили закрыть эту страницу. У нас был список других киперов, и Трэвис Скотт, из-под Оттавы, был в нем под первым номером — он действительно хорошо играл на уровне АХЛ. В НХЛ он сыграл один раз, за Лос-Анджелес Кингс в сезоне 2000-01 г.г., а в основном всю свою карьеру выступал в

низших лигах.

Правилами Суперлиги допускается наличие трех легионеров на одну команду в сезон, и мы с самого начала знали, что используем одну из вакансий на вратаря. В предыдущие два года Трэвис играл в системе Флорида Пантерс, за клуб АХЛ из г. Сан-Антонио. Из года в год он выдавал приличные процентные показатели пропущенных голов и отбитых бросков, хотя часто выступал за средненькие или даже слабые клубы АХЛ. И, конечно, я навел справки насчет Трэвиса. Я звонил Дэйву Прайору, тренеру вратарей Вашингтона. Я звонил Франсуа Аллеру, учителю-гуру Патрика Руа, Жан-Себастьяна Жигера и других вратарей. Еще я позвонил своему бывшему помощнику, Ги Шаррону, который в предыдущий год работал, из-за локаута, с фармом Флориды. И все говорили мне одно: он — очень неординарный кипер. Он не играет в стиле баттерфляй. Он не делает одинаковые сэйвы одним и тем же способом, но таки останавливает шайбу. А для тренера это имеет самое главное значение — он останавливает шайбу.

Трэвис вел вместе со своей семьей кочевой образ жизни, что случается с хоккеистами, когда они постоянно пребывают на пороге НХЛ, но города, в которых он жил (Батон-Руж, Вустер, Лоуэлл, Манчестер, Сан-Антонио) никак не могли подготовить его к культурному шоку прибытия в Магнитогорск. Поэтому, чтобы облегчить ему переход, мы не стали требовать от него прибыть в клуб в начале июля. Мы просто сказали ему присоединиться к команде здесь, в Гармиш-Партенкирхене, чтобы он мог познакомиться с ребятами и решить для себя, надо ли ему это все. Потому что, честно говоря, последнее, чего хотелось бы, так это взять человека на ключевую позицию, вроде вратарской, и затем обнаружить, что ему ненавистно играть здесь, или что он не готов выкладываться, и оказаться подставленным.

Наш запасной вратарь, Константин Симчук — это личность. Он родился в Киеве, очень хорошо говорит по-английски и, подобно Трэвису, был чем-то вроде кочевника от хоккея. Ему 31 год, и три года назад после многих попыток он тоже понял, что больше не будет пытаться заиграть в НХЛ. Он играл большей частью в низших лигах — за клубы Такома, Лас- Вегас, Бейкерсфилд, Порт-Хьюрон, Ноксвилл, Сан-Диего и Форт Уэйн. В 2002 он вернулся в Россию, два года поиграл за Салават Юлаев из Уфы, затем переехал в Новосибирск, а в прошлом году перебрался в Магнитогорск.

Симчук — очень разговорчивый человек, и я спросил у него, почему бывает так трудно разговорить остальных игроков во время тренировок. Мы могли бы в значительной мере устранить

несогласованность при игре в обороне, если бы игроки просто не молчали на льду. Константин пожелал мне удачи в попытке внести такие перемены. Он сказал, что такое поведение — часть русской культуры: люди стараются быть внешне спокойными, даже если переполнены эмоциями внутри; и что такое стремление прятать свои чувства шло от еще тех советских времен, когда люди привыкли беречься. Константин, наверное — самый голосистый вратарь их тех, кого мне приходилось тренировать, а его манера дала мне повод подумать вот о чем: может быть, у нас получится убедить небольшую группу ветеранов, которые поиграли в Северной Америке и понимают английский. Если они начнут говорить на льду, то молодые хоккеисты последуют их примеру.

24 июля

Сбор в Гармише вчера закончился, и ситуация для меня стала проясняться. Мы вылетели в Россию и приземлились в аэропорту Домодедово, где пробыли два часа в зале, рассчитанном на сотни две пассажиров, но никак не на 700–800, набившихся в него.

Кошмар. Было воскресенье и одновременно возвращались все чартерные рейсы. Но при этом большинство кабин паспортного контроля были пусты. Люди начали ругаться и жаловаться, что, конечно, не приносило облегчения — «паспортники» только лишь позвали дополнительных охранников, что еще больше увеличило размеры толпы и общего негодования. На следующий день в одной московской газете появилась большая статья о проблемах на паспортном контроле, где говорилось, что они работают как во времена Советского Союза — когда решение, а вернее отстранение, проблемы заключалось в увеличении количества силовиков. В новой России этот способ уже не работает. Второй раз я прилетаю в Магнитогорск, и опять в четыре утра. Пока мы добрались до своих домов, на горизонте уже начало всходить солнце.

27 июля

Обычно команда НХЛ играет свой первый тренировочно-товарищеский («выставочный», в терминологии НХЛ — прим. пер.) матч через неделю после начала тренировочного сбора («лагеря» — прим. пер.), но теперь, когда мы вернулись в Магнитогорск, мы только приступаем к своему предсезонному соревновательному графику, и ясно, что хоккеисты начинают переживать — когда же игры? Мы начинаем двумя матчами с командой «Молот» (Пермь), последней командой лиги предыдущего сезона. Судя по всему, они опять будут бороться за выживание. В первой встрече мы выиграли 9–0; это было похоже на матч Харлем Глобтроттерс-Вашингтон Дженералс

(баскетбольно-цирковые шоу- команды — прим. пер.). мы практически все время контролировали шайбу и через некоторое время начали выпендриваться. В целом, это была бесполезная трата времени.

На второй матч я выставил только 15 игроков, включая шестерых новичков, и второй матч был больше похож на соперничество. Он закончился со счетом 2–2, наши игроки постоянно удалялись, и это дало нам возможность потренировать игру в меньшинстве. Малкин особенно ударялся в индивидуальную игру и пару раз нарвался на хорошие силовые приемы. Александр Бойков и Владислав Бульин, имеющие большой североамериканский опыт, выступили на защиту Малкина, и смысл их послания был «не надо вольностей с нашим лидером».

Сейчас я использую Бойкова преимущественно как помощника в переводе. Бойков сыграл 10 игр в НХЛ за Нэшвилл Прэдейторс в первые два сезона этой команды, а в целом провел в Северной Америке 11 лет, еще с тех времен, когда юниором играл за Виктория Коугарс в Западной хоккейной лиге. Три года назад он перешел в Магнитогорск. Он хорошо владеет английским, но перевод — это искусство, и я вижу — ему нелегко. Тренер с годами разрабатывает свой собственный хоккейный язык, который практически невозможно перевести. Многие описательные ключевые слова и фразы — типа «ride the passer»(буквально — оседлай пасующего, езжай на нем) или «get close and stay close» (будь ближе и оставайся ближе) — для англоязычного слушателя могут передать ньюансы значений; к сожалению, они не могут быть переведены в точном соответствии с английского на русский, и, поэтому, сейчас остаются практически бесполезными для меня. Я полагаю, есть что-то в выражении «картинка стоит тысячи слов» и поэтому собираюсь скоро ввести видеоанализ. Я сделал нарезку записи двух игр с Молотом и жду, как это будет воспринято.

Теперь наша команда почти ежедневно занимается на льду; на протяжении всего сезона кормить ее будут трижды в день, здесь во дворце, в нашей собственной столовой. Это — нечто совершенно новое для меня, не имеющее абсолютно никаких аналогов в НХЛ. Здесь обычно где-то две трети команды приходят рано утром, завтракают во дворце, затем идут в раздевалку, делают растяжку и — на лед. На завтрак предлагается полноценное меню — каша, яичница, рыба, холодное мясо, и все-что-угодно прочее. Затем, после утренней тренировки, предлагается обед, по типу шведский стол. Если у нас бывает тренировка во второй половине дня, предлагается и ужин. Игроки

вправе приходить в столовую или нет — на свое усмотрение. Меню разнообразное, блюда хорошо приготовлены.

Себя я не считаю привередливым едоком, но есть вещи, которые для моего пищеварения даются с трудом. На обед всегда бывает один-два вида супов, хороших супов. Затем следуют два-три вторых блюда — обычно рыба, говядина или свинина с картофелем или рисом. Затем часто подают рыбные головы. Для меня это выглядит просто невероятным. С рыбными головами они поступают так: берут кастрюлю, вылавливают голову рыбы из горячего бульона, пальцами или, вгрызаясь, зубами, вскрывают то место, где должен быть мозг, достают его и едят. Отвратительно. Честно говоря, я сижу в конце стола и просто отворачиваюсь, смотрю в другую сторону.

Еще одна штука, на которую я нарвался — кобылье молоко. Вообще, я люблю молоко, и пью молоко в большом количестве, но лошади, по-моему, предназначены для езды и для ставок, не для доения. Кобылье молоко гуще, чем коровье, бутылку перед употреблением надо встряхнуть, потому что молоко ложится слоями, на дне выпадает осадок. Водянистая фракция выглядит молочно-серой, почти прозрачной. Когда я попробовал его в первый раз, я не знал, что это было кобылье молоко, поэтому встряхнул, затем попробовал — нет, это не для меня.

28 июля

Моя жена Линда подъедет примерно через месяц и очень хорошо, что именно сегодня ее здесь нет, потому что в моей квартире проблемы с водой. Не те, про которые вы могли подумать. Горячая-то вода есть, нет — холодной, и, в результате, по утрам душ превращается для меня в ошпаривание. Если так будет продолжаться, мне придется принимать душ во дворце. В туалетах также используется холодная вода, поэтому, чтобы смыть, приходится ходить с парой ведер между кухней (по необъяснимым причинам, там холодная вода есть) и туалетом. Позже я выяснил, что кому-то в нашем доме потребовалось заменить старые трубы. В отличие от Северной Америки, где в таком случае к вам бы подошли и предупредили об отключении воды, здесь приходится узнавать причину самому.

Наша квартира маленькая, но очень чистая. Она принадлежит клубу, была недавно отремонтирована и предоставляется тренеру, кто бы это ни был в текущем сезоне. Она полностью обставлена мебелью, есть спутниковое телевидение и нам обеспечиваются любые удобства, которые мы могли бы запросить.

В отличие от Германии, где повсюду имеются рестораны и кафе, здесь их, похоже, немного. С другой стороны, продуктовые магазины вполне нормальные. В 80-х годах, когда я приезжал в

Россию, магазинные полки были пустыми. Это была страна дефицита, с длинными очередями за молочными продуктами. Население получало талоны на дефицитные товары, перечень которых был велик. Когда жёны первых российских энхаэловцев приехали в Америку, они закупали полные тележки продуктов, боясь, что на следующий день полки магазинов опустеют. Приходилось им объяснять, что мясо, или птица, или рыба, будут в наличии всегда — сегодня, завтра, на следующей неделе.

По контракту мне полагалась автомашина, но я отказался от нее. В первую очередь потому, что по прибытии увидел, как здесь водят — просто безумие. Затем увидел и улицы, и отсутствие разметки на части из них. Некоторые используемые автомобили настолько изношены, что для их хозяев не имеет значения, если они кого-либо заденут. Будет просто еще одна вмятина из многих. Водители всегда спешат и ездят слишком быстро, ремни безопасности не пристегивают, а зачастую вовсе снимают.

Кроме того, моя квартира находится в доме почти напротив дворца, через улицу. Мне сказали, что, если я не хочу сам водить автомобиль, клуб может в любое время предоставить мне водителя. Я также обнаружил, что такси обходится очень дешево. В центр города можно доехать за один доллар.

Кроме того, я не хотел усложнять себе жизнь беспокойством и переживаниями за машину— стоит ли она утром по-прежнему на своем месте. Угоны автомобилей здесь — серьезная проблема. По соседству с нашим домом находятся три открытые хоккейные коробки и две из них превращены в автостоянки. Будка при катке, в которой раньше люди надевали коньки, занята охранником, сидящим в ней круглосуточно. По сути, эти катки стали летними парковочными площадками. Машины здесь угоняют так часто, что немногие оставляют свои авто рядом с домами — на следующее утро его может не оказаться на месте, или оно может оказаться помятым. Поэтому люди предпочитают ставить машины на платные стоянки в квартале от жилья и забирать их оттуда по утрам. После работы их опять отставляют на ночь на стоянках.

29 июля

Сегодня мы провели первый разбор с использованием видеозаписи игр с пермским Молотом. Для анализа каких-то игровых моментов или действий игроков я использовал световую указку — с таким подходом хоккеисты сталкиваются впервые. Впоследствии Игорь Муравьев, мой переводчик вне льда, говорил мне, что презентация получила лестные отзывы. Российские тренеры обычно не пользуются видеозаписями в качестве учебного пособия. Мы показали одиннадцать нарезок и англо-

говорящие хоккеисты сказали, что это занятие прояснило для них многие вещи. Для меня же было важно, чтобы эти занятия были краткими и всегда заканчивались тремя-четырьмя позитивными клипами.

30 июля

Мы едем на автобусе в Уфу для участия в турнире четырех команд, часть из которых входит в число лучших в лиге. Это принимающий клуб — Салават Юлаев, плюс Ак Барс (Казань) и Лада (Тольятти).

Два часа нашей дороги пришлись на Уральские горы, где мы проезжали через маленькие поселения, существующие как бы в искривлении времени. Дома старые и обветшалые, но в месте пересечения с дорогой имеется современная АЗС и что-то вроде российского эквивалента магазина товаров первой необходимости. По поселкам бродят коровы и овцы, нам дважды пришлось замедлить ход, чтобы пропустить или проехать сквозь эти стада. На обочине лежали две мертвые коровы и было ясно, что кто-то сбил их ночью. Часть коров встали под навес автобусной остановки, прячась от солнца. Мы проезжали мимо других автобусов, которые останавливались на обочине, чтобы их пассажиры — мужчины, женщины и дети — быстренько сбегали в кусты, поскольку в автобусах туалетов нет, как нет и стоянок для отдыха на дорогах в сельской местности.

Уфа, стоящая на берегу реки Белая — красивый город, с множеством искусственных и естественных парков. Чистый город. Клуб назван в честь Салавата Юлаева, знаменитого предводителя, одного из лидеров восстания против «Царицы» Екатерины II, имевшего место двести лет тому назад. Царские армии взяли верх, Юлаев умер в заключении на острове в Балтийском море. Его сообщник был привезен на Красную площадь в Москве, где был казнен через четвертование. В России проигравшие платят высокую цену — это надо помнить на протяжении всего сезона.

Август

1 августа

Сегодня на уфимском турнире мы сыграли с Ладой. В предыдущем сезоне они были одной из лучших команд лиги, поэтому я мог, наконец, увидеть как наша команда может выглядеть в этом сезоне. Тренировочный сбор и две победы над Молотом не оставили у меня хорошего первого впечатления, но сегодня мы бились и матч закончился вничью — 1:1. По дороге в отель наш автобус остановился на перекрестке у светофора, где пол-десятка цыганят, возрастом 8-10 лет, стояли на белой разделительной полосе. Когда машины останавливались на красный свет, эти дети начинали стучаться в окна, прося деньги. У некоторых не было обуви, все были очень плохо одеты. Поразительный контраст. Вот мы, сидим в автобусе, хоккеисты, зарабатывающие целые состояния по российским меркам, и вот эти бедные дети, в истрепанных до ниток одеждах, с печальным и виноватым выражением лиц. Это было как возврат к реальности, произведшей отрезвляющий эффект на всех, не только на меня.

3 августа

Сегодня, в финале уфимского турнира, мы сыграли вничью 3:3 в основное время и затем уступили в серии буллитов. Несколько дней тому назад три наших хоккеиста — вратарь Константин Симчук, Сергей Арекаев и Юрий Добрышкин — подошли ко мне и спросили: «По окончании турнира есть прямой рейс Уфа-Москва, можно мы улетим на нем?» Они хотели слетать домой на несколько дней, чтобы повидаться с семьями. Я сказал: «Нет проблем», потому что мы и так собирались дать хоккеистам два дня отдыха. Они забронировали билеты, но рейсы оказались слишком близки по времени к окончанию матча. Когда игра закончилась, им нужно было сразу ехать в аэропорт, потому что времени было мало. Проблема была в том, что я не знал точное время вылета, знал только, что после игры. Итак, финальный матч турнира, закончилось основное время, начинается овертайм. Он ничего не дает, и мы переходим к буллитам. Как и положено, лайнсмен подъехал ко мне и дал карточку для указания пятерых хоккеистов на исполнение буллитов. Моей первой мыслью было поставить в ворота Симчука, потому что он показывал себя лучше на тренировках, чем Трэвис Скотт, но я подумал: «Нет, оставлю Скотта», потому что в матче он сыграл хорошо.

Но двух других хоккеистов, отправлявшихся в Москву, Добрышкина и Арекаева, я в список включил. После того, как судья подписал карточку, я зачитал фамилии. По скамейке

прошел гул. Я увидел, что хоккеисты машут руками и что-то говорят, но не мог понять, что. Оказалось, что сразу по окончании основного времени Добрышкин и Арекаев ушли в раздевалку, переоделись и уехали на такси в аэропорт. Вот-вот должна была начаться серия штрафных бросков, а их уже нет. Тогда я подозвал судью и попытался объяснить, что включить-то этих игроков в список я включил, но они уже переоделись. Спасибо ему, судья разрешил произвести замену. Иначе, я подумал, пришлось бы обходиться серией из трех бросков вместо пяти? Неужели я настолько опозорился бы в своем дебюте в этой лиге? Да, весело. В дальнейшем, подумал я, мне предстоит еще много узнать что к чему в этих краях.

4 августа

Сейчас, по окончании уфимского турнира, пора принимать решения по составу. На данный момент у нас шесть полных пятерок — слишком много. Я уже увидел 7–8 команд, и все они смотрятся примерно одинаково.

У нас много квалифицированных российских игроков, по-настоящему умных и хитрых. Выходя на лед, они выглядят на «миллион баксов» — пока не попадают в «трудные» зоны площадки, где за возможность забить гол приходится платить всерьез, и тогда у них нет понятия что делать. Здесь становится видно, почему их статистика столь плоха. Понимаешь, почему некоторые из них не могут играть в НХЛ. У них есть навыки и умения, но нет твердости характера и способности добиваться своего. Их игра не годится для НХЛ. Сейчас я вижу, почему у многих наших форвардов возникают проблемы в лигах, играющих в силовой хоккей. Они гораздо больше подходят для здешнего хоккея.

Другая заметная глазу проблема — нехватка защитников. У нас немного высококачественных пасующих защитников. В каждой из команд, с которыми мы до сих пор сыграли, есть вполне мобильные парни с хорошими габаритами, и их способности дать пас хороши, но не исключительны. У них получается лучше, чем в Америке, но по стандартам международного хоккея они — не великие распасовщики.

В конце концов, мы решаем освободить трех хоккеистов — братьев Макаровых, Дмитрия и Константина, и Сергея Пискунова. У всех троих были проблемы с весом и они оказались недостаточно конкурентоспособными для нашей команды. Это было первое освобождение в нашей команде, и первая тренировка после ухода этих трех игроков прошла очень хорошо. Показалось, что оставшиеся хоккеисты поняли суть. Когда освобождаешь трех игроков на столь раннем этапе предсезонной подготовки, это

становится хорошей проверкой действительностью для всех остальных.

7 августа

Моя жизнь резко облегчилась: в нашей команде появились два знакомых лица (оба — долго поигравшие за Торонто Мэйпл Ливз). Сначала мы заполучили хоккеиста, которого я добивался в течении месяцев — Дмитрия Юшкевича, в предыдущем сезоне игравшего за Череповец. Юшкевич семь лет, с 1995 по 2002 г.г., играл за Кленовые Листья и было вполне очевидно, даже на этом, позднем, этапе его карьеры, почему бывший генеральный менеджер Клифф Флетчер отдал за него Филадельфии право выбора в первом раунде драфта. Он — боец, во всех смыслах этого слова. В день, когда приехал Юшкевич, мы узнали, что к нам едет еще Игорь Королев. Королев отыграл в Торонто четыре сезона, с 1997 по 2001 г.г., и не оставил столь большого следа, как Юшкевич (хотя забил двадцать голов в сезоне 1999–2000 г.г., неплохой показатель для центрфорварда сдерживающего звена). Всего Юшкевич сыграл в НХЛ 786 матчей, Королев — 795, и я просто не смогу передать, насколько ценным весь этот их опыт будет для меня. Во-первых, оба превосходно говорят по-английски. Во-вторых, оба знакомы с тренировочными понятиями, используемыми в Северной Америке. В-третьих, оба они пользуются уважением своих коллег. Юшкевичу — тридцать три года, Королеву — тридцать пять. По российским стандартам это много, фактически они слишком стары для нашего руководства. Или, по меньшей мере, они уже находятся в начале своей осени. Когда меня еще только брали на работу, я говорил о том, чтобы взять обоих в команду, но мне было сказано просто: «Нет, мы не можем взять этих парней». У них обоих были проблемы с коленями на протяжении их карьер в НХЛ, их выбили, потому что они на самом деле бились и заплатили высокую цену за то, чтобы играть в НХЛ. Наконец, после месяца упрашиваний я убедил их, что нам нужен еще один защитник, и мы подписали Юшкевича. Но у него в контракте была оговорка, что, если будет возможность уехать в НХЛ, он мог бы поехать — а именно это Дмитрий и хотел сделать. Поэтому он не присоединился к нам 28 июня, как все остальные игроки. Он приехал сегодня, как и говорил, что приедет, если исчерпает варианты с НХЛ.

Когда он вошел в раздевалку, вау! все просто замерли на своих тренажерах, потому что, во-первых, он очень хорошо сложен, а во-вторых, шагал, явно прихрамывая на правую ногу. У него были две серьезные операции на правом колене. На протяжении всей своей карьеры в НХЛ Юшкевич играл через

боль. Тренеры говорили мне: «Юшкевич … мне нравится этот парень, потому что он играет через боль». Вероятно, тем самым сокращая свою карьеру. Он настолько близок к образу одноногого хоккеиста, насколько это вообще можно представить.

Первые четыре дня его пребывания с нами мы проходили очень интенсивную программу тренировок вне льда, в нее входило много плиометрических (т. е., требующих резкого напряжения мышц) прыжков через препятствия. Наконец, я сказал ему: «Дмитрий, зачем ты это делаешь! Это же тяжело, с твоим-то коленом». Он ответил: «Я постоянно принимаю антивоспалительное средство, чтобы колено не беспокоило». Я говорю: «Почему ты не сказал мне об этом?». А он отвечает: «Потому что я только-только приехал. Все остальные уже полтора месяца, как тренируются. Я не хочу быть исключением». Я привел его к врачу, и врач сильно удивился, что Дмитрий пытался делать эти прыжковые упражнения. Поэтому теперь, когда мы прыгаем или делаем что-либо подобное, он занимается с тяжестями. За исключением этого пункта, он занимается по общей программе.

Но мне он ничего не говорит — вот такой он человек. Он не подойдет и не скажет, мол, я не могу это делать. Он просто выжимал из своего колена все, до последнего. Он говорил: «Кататься-то мне относительно легко, вот ходить тяжело — колено опухает и болит». И все же, его мобильность ограничена и односторонне. Но видно, что он умело выходит из положения — он сам направляет соперника в нужную ему сторону. Он владеет всеми этими приемами и навыками, которые приобретаешь, играя столь долго. Иногда, правда, он срывается на бег наперегонки и не может выиграть, потому что подвижность и быстрота уже не те, что были в молодости. Я видел его в самом начале его карьеры, когда он играл за сборную России на Олимпиаде 1992 г. И Дмитрий, и Игорь Королев играли против нас в том турнире и в первых же разговорах со мной напомнили о золотом матче, который они выиграли, оставив нас вторыми. Так что, я их знал «с детского возраста», и Дмитрий — настоящий боец и великий спортсмен. Когда видишь, как он блокирует удар, под который никто другой и не рискнет броситься, это — что-то. И он уже привнес изменения в нашу команду: я вижу, что некоторые из молодых игроков под влиянием Дмитрия стали выкладываться больше.

Что касается Игоря, его семья живет в Торонто, у него есть канадский паспорт. Как россиянин с канадским паспортом, он может играть за нас в качестве нелегионера. Его семья собирается оставаться в Канаде и приезжать к нему время от времени. В НХЛ Игорь играл и в центре, и на фланге, он — универсал. У него

была вполне приличная статистика, он из тех парней, которые прибавляют мощи атаке своей команды. Глядя на его цифры — 14, 15, 16 голов за сезон — можно подумать, что среди них, должно быть, есть голы очень важные для его команды. Кроме того, он — центр сдерживающего звена, и может сыграть против любого, выполняя оборонительную работу. Настоящий парень с характером. В прошлом году он играл за Ярославль и причиной, по которой я так сильно хотел его видеть в своей команде, была рекомендация от Пола Хенри, давнишнего скаута сборной Канады, еще со времен моей работы в ней. В прошлом году, во время локаута, Пол работал спортивным психологом в Ярославле. Он очень хорошо знает Николая Антропова из Мэйпл Ливз, поэтому во время локаута, когда Антропов играл за Ярославль, Пол действительно помог ему выступать. Пол сказал мне: «Ты должен заполучить Королева, потому что этот парень невероятно хорош». Он сказал, что во время тренировок Игорь выполнял всю переводческую работу для финского тренера команды. Он рассказал, как хорош Игорь на вбрасывании, как упорно он бьется за место в составе и как здорово сыграл в плей-офф. Поэтому я спорил до синевы, утверждая, что нам нужен Игорь, но никак не мог убедить наше руководство.

Все изменилось за пару месяцев. Игорь должен был появиться в Ярославле только в начале августа — и это вызвало недовольство Владимира Юрзинова, который тренировал команду. Он хотел, чтобы все хоккеисты были на месте одновременно, без исключений. Затем получилось так, что из-за визовых проволочек Игорь задержался еще дольше и появился еще позже. Видимо, для Юрзинова это было уже слишком. Поэтому агент Игоря, Марк Гандлер, неожиданно позвонил мне и сказал: «Там слишком много шума по этому поводу и я не думаю, что Игорю следует ехать туда». С Марком я разговаривал все лето, и он знал о моих мыслях насчет Королева. Поэтому он спросил: «Можешь поговорить со своим менеджментом еще раз?». В тот момент наш тренировочный сбор был в разгаре, и я видел, что глубина состава в центре может стать для нас проблемой. Даже с Королевым у нас оставался дефицит в центре, и это было очевидно всем, поэтому в этот раз они сказали: «Отлично, цена хорошая, подписываем Королева». Я был рад, как никогда! Не мог дождаться его приезда! Совершенно неожиданно все изменилось. Мы получили Юшкевича, а через два дня — еще и Королев приехал. Просто манна небесная.

8 августа

Я делаю пробежки каждый день. На прошлой неделе, когда мы были в Уфе, исполнилось ровно 18 лет, как я бегаю, не

пропустив ни единого дня. Сейчас многие люди, которые занимаются бегом, всерьез говорят, что бегают ежедневно. Но я говорю это буквально. Я бегал, будучи простуженным или подхватив грипп. Я бегал при +30 градусах на улице, и при -30. Я бегал в тот день, когда мне удалили карциному на лице (после того, как врач сказал мне, что не следует этого делать, и я реально не мог). Я бегал, когда в Коламбусе мне сломали ребра, и в тот день я был как никогда близок к тому, чтобы пропустить, потому что было очень больно. Но врач дал мне на ночь морфина и на следующий день я сказал Линде: «Ничего не чувствую». Она в течение нескольких часов пыталась отговорить меня и, в конце концов, пошла на компромисс, выйдя на пробежку вместе со мной. Скрючившись, как старик, я ковылял по дороге, но с глупым упрямством совершил-таки свою пробежку и в этот день. На следующий день мне было дико больно, я попросил Линду обвязать мне туловище, чтобы я не мог слишком глубоко вдыхать, и бегал таким образом, через боль, в течение 3–4 недель. У меня были шпоры в пятках. У меня были все болезни, как и у всех других людей, но я просто так хочу и так поступаю.

Я начал бегать летом 1987 г в Калгари, в предолимпийский сезон. Джордж Кингстон, мой друг и помощник в олимпийской команде 1984 года, бегал постоянно, редко пропуская день. В тот год мы начали бегать вместе, отправляясь в длинные пробежки по 15–20 километров, которые мы рассматривали как легкий разминочный бег. В те моменты я, бывало, думал про себя — когда же мы повернем обратно? А 1 августа того года я решил себя проверить — смогу ли я бегать каждый день в течение целого календарного года. Я хотел сделать это для себя и хотел подать пример хоккеистам, чтобы, слыша мои разговоры о поддержании формы и выполняя изнурительные наземные упражнения, они знали, что я и сам тоже упорно работаю. Таким образом, я пробегал целый год и затем решил: «Не брошу. Буду продолжать». Мне нравится бегать. Моей жене удивительно как я встаю по утрам и выскакиваю за дверь, накинув спортивный костюм и кроссовки. Я считаю, что бег дает лечебный эффект. У меня бывали невероятные пробежки и я видел невероятные вещи за многие годы занятий бегом, включая мой участок проноса олимпийского огня в Олд Коуве, провинция Нова Скотия, под дождем, перед началом Олимпиады-88.

Я считаю также, что собственное стремление к поддержанию формы помогает устанавливать доверие. Я не прошу своих хоккеистов делать что-либо для обретения формы, чего я не готов делать сам. С некоторыми игроками такая философия дает результат. Другие впечатляются меньше. Многие думают, что я

сошел с ума. Некоторые полагают, что я слишком целенаправлен. Они говорят: «Вот еще один пример человека, который никогда не расслабляется». Но я считаю, что мое поведение влияло на нашу команду в 1987-88 г.г. — потому что ни один хоккеист не высказал недовольства по поводу того, как много мы работали в тот год.

Итак, сегодня, в рамках нашего четырехдневного тренировочного блока высокой интенсивности, мы пробежали 8 км при 30-градусной жаре, причем я пробежал вместе с игроками. Я прибежал в середине группы, со временем 43 минуты. Почему-то во время пробежек я несильно потею и, когда пересек финишную черту, все сотрудники и игроки удивились, что моя майка была почти сухая — это произвело на них впечатление. Здесь в Магнитогорске бег довольно небезопасен, ввиду очень плохого состояния тротуаров и дорог. Мне пока везет. В половине седьмого, когда я выхожу на пробежку, бывает еще темно. Сейчас я пытаюсь определиться с безопасным для бега маршрутом. Я пришел к такому заключению: по мере приближения зимы и укорачивания светового дня я могу перенести пробежки с утра на время после тренировок. К декабрю в 8 утра будет все еще темно, и я беспокоюсь, потому что тротуары и дороги находятся в очень плохом состоянии. Можно бежать по прекрасной ровной дорожке и вдруг она прерывается, опускаясь на двадцать сантиметров вниз и становясь гравийной и неровной. Часто люки канализации выступают на 10–15 см над уровнем бетона.

10 августа

С тех пор, как Pittsburgh Penguins выиграл драфт-лотерею НХЛ и затем выбрал Сидни Кросби в первом раунде, здесь все нервничают по поводу возможного отъезда Малкина в НХЛ. Откровенно говоря, мы не можем этого допустить, если целью в этом году является победа в чемпионате. Малкин — лучший хоккеист из тех, кого я видел в лиге в этом году.

В 1992 г. у меня был Эрик Линдрос и вся эта шумиха вокруг него выглядела очень похоже на то, что сейчас творится вокруг Кросби. Линдрос в 19-летнем возрасте играл на Олимпиаде, а в 22 года завоевал титул лучшего снайпера НХЛ, но на нынешней стадии его развития я поставил бы Малкина выше, чем Линдроса в таком же возрасте. Питтсбург тоже чувствует это, вот почему они отчаянно хотят, чтобы он прямо сейчас уехал из России и уже в этом сезоне начал играть вместе с Кросби, Марио Лемьё и остальными хоккеистами их усиливающейся команды. Для нас это было бы катастрофой.

Московские газеты утверждают, что мы, конечно же,

проиграем борьбу за него. Овечкин уже уехал. У него был контракт, по которому он должен был играть за команду Романа Абрамовича — омский Авангард, но он сделал выбор в пользу Кэпиталз. Когда переговоры стали накаляться, наш клуб поручил мне обсудить положение напрямую с Марио Лемьё. Мы в дружеской манере переговорили по телефону относительно Малкина и об их планах насчет него. Марио сказал: «Послушай, мы хотим его к себе в команду прямо сейчас». Я ответил: «Мы хотели бы, чтобы он оставался здесь, потому что в него вложили много усилий и времени. Этот клуб растил его с малых лет, и иметь его в составе, доведя до такого уровня, всего лишь один год — слишком дорого».

Я не мог на голубом глазу сказать Лемьё, что Малкин не готов к НХЛ, потому что Марио видел его на чемпионате мира 2005 года и знал, что тот из себя представляет. Поэтому я сказал, что Малкину необходимо окрепнуть и что наш календарь из 51 матча и тренировочная методика помогут ему в этом плане. По телефону Величкин, наш генеральный менеджер, немного говорящий по-английски, сказал Марио, что клуб строит Малкину дачу — летний дом — и расходует на это 300.000 долларов США, подчеркивая тем самым важность этого хоккеиста для нашей команды.

Наше клубное руководство пребывает в стрессе. В течение последних двух недель Величкин выглядит как призрак. В конце концов, решать будет сам Малкин, вместе со своими агентами из компании IMG Group. Они рассказали мне, что хотят, чтобы он остался в России по трем причинам: он мог бы поиграть здесь у канадского тренера и узнать многое из того, что ему встретится в НХЛ; его шансы попасть в олимпийскую сборную отсюда гораздо выше; и за денежным вознаграждением дело не станет.

Во время переговоров я встречался с Малкиным в моем кабинете для обсуждения его вариантов — довольно разочаровывающий опыт, поскольку общаться нам приходилось через переводчика, и мы не могли установить такое взаимопонимание, какое я хотел бы. У нас состоялся хороший, но довольно-таки стерильный разговор. Я сказал ему: «Я тренировал много таких игроков, как ты — хороших молодых хоккеистов». Я дал ему понять, что считаю его готовым к НХЛ. И не пытался сказать ему, что он не готов, но сказал, что, если он решил бы остаться, здесь есть некоторые преимущества. Я говорил — и с ним, и с Марио Лемьё — о лидерстве. Я сказал: «Ты можешь развить здесь свои навыки и стать сильнее и быстрее, а вдобавок, полагаю, ты будешь иметь возможность показать свои лидерские качества». Малкин воспринимается как лидер даже возрастными

игроками, потому что у него есть харизма. Это имеет решающее значение, и встречается довольно редко. Старшие хоккеисты любят его и уделяют ему много времени. Я знаю, что у Евгения есть возможность стать еще более сильной личностью, чем он уже является, если он решит остаться. Мы поговорили и о том, что Кросби уже состоит в команде, я сказал: «Если ты останешься на год, этого прессинга уже не будет». Сама попытка стать хоккеистом НХЛ уже оказывает достаточно сильное давление на психику, и тем более такое давление имеет место при конкуренции в одной команде с первым номером драфта. Мой совет был такой: «Просто подожди, поедешь в НХЛ на следующий год, став еще лучше». Если Питтсбург будет терпелив, они получат готового игрока, который когда-нибудь сможет заменить самого Марио.

Еще я начинаю осознавать, что одним из самых располагающих к себе качеств Малкина является его отношение и подход к хоккею. Он так сильно отличается от некоторых из российских хоккеистов, которых я тренировал в прошлом. Он жизнерадостный, оптимистичный, улыбающийся — всегда счастливый.

У нас есть еще один молодой хоккеист, которого я прозвал Фиш (Рыба) — очень талантливый парень, но как личность — абсолютно отличающийся от Малкина. Малкин — общительный и брызжущий энергией. Всегда веселый. В противоположность ему Фиш — мрачный, замкнутый в себе человек. Во время сборов я ставил Фиша в одно из двух первых звеньев, потому что слышал, какой он умелый хоккеист, и какой у него был номер энхаэловского драфта, и на меня производило хорошее впечатление то, что я видел в его игре до сих пор. Я стараюсь по возможности больше разговаривать с игроками, чтобы лучше узнать их, но этот Фиш — крепкий орешек. С ним никогда не удается встретиться взглядом, и выражение его лица никогда не меняется. Он хорошо сыграл на турнире в Уфе, но, когда бы он ни забивал гол и получал поздравления от ребят, от него не было никакой ответной реакции. Он никогда не бывает радостным, никогда — грустным. Он просто предстает миру холодным, как рыба. Он мог бы забить три гола за игру, и выражение его лица не изменилось бы. Фиш близок к Малкину по уровню мастерства, но в личностном плане он находится на противоположном конце условного спектра характеров. Интересно, что, если вообще что-либо, мы увидим от Фиша в этом году?

12 августа

Сегодня мы вылетели в Москву и остановились в тренировочном центре Одинцово, где есть гостиница, новая арена

с двумя ледовыми площадками и великолепный тренажерный зал. Мы сыграли товарищеский матч с воскресенским Химиком и выиграли 4–3. Химик — вторая из двух команд лиги, где тренером работает иностранец, это — Милош Ржига из Чехии. Я в первый раз со дня моего прибытия провожу ночь в Москве, и я вижу огромную, как день и ночь, разницу с той Москвой, которую я знал раньше. Рядом с нашей гостиницей находятся футбольные поля, беговая дорожка, парк для прогулок, с искусственным озером посередине, фонтан, множество скамеек. Мне сказали, что в Москве построено тридцать новых хоккейных дворцов, причем во многих — по два льда. Говорят, что это — результат деятельности Вячеслава Фетисова в качестве министра спорта. Он, несомненно, ускорит появление большего количества российских хоккеистов, чем когда- либо раньше, ведь в течение долгого времени недостаток льда был ограничивающим фактором.

13 августа

Сегодня на утренней раскатке у нас появился неожиданный посетитель — Федор Федоров, младший брат Сергея Федорова, звезды Anaheim Mighty Ducks. Федор играл некоторое время за Магнитогорск во время локаута, и если его дела в НХЛ не сложатся — а следующий месяц он проведет на тренировочном сборе Vancouver Canucks — то, возможно, он будет выступать за нас. У него великолепные габариты, скорость и навыки, но он никак не мог пробиться в первый состав команды НХЛ.

Он — Федоров, у него отличные хоккейные гены, и при большем внимании в НХЛ он еще может доказать, что способен играть на высшем уровне. Сегодня мы сыграли товарищеский матч со Спартаком на их арене. Она напомнила мне старый монреальский Forum, хоккейную святыню, своей огромной расписанной стеной и старыми фотографиями, запечатлевшими важные моменты в истории Спартака, когда он выигрывал чемпионаты страны. Спартак всегда был самой популярной командой России в советские времена и, возможно, остается и сейчас. Динамо — это команда КГБ, ЦСКА — команда армии, а Спартак — команда трудящихся. Под сводами дворца висят свитера таких известных в прошлом хоккеистов, как братья Борис и Евгений Майоровы, Шепелев, Якушев. Перед игрой я натолкнулся на Дэвида Линга — канадца, который сыграл у меня в Коламбусе несколько матчей. За Спартак играл также вратарь Тайлер Мосс, некогда подававший надежды в системе Calgary Flames, солидный по меркам АХЛ кипер — как Трэвис Скотт.

Сыграв вничью 1–1, мы на автобусе доехали до вокзала и отправились ночным поездом через С.-Петербург в финский город

Лахти, где мы примем участие в розыгрыше Кубка Тампере, нашем предпоследнем турнире предсезонья. Русские называют финскую часть путешествия «бархатным ковром», потому что железнодорожное полотно намного ровнее и, соответственно, тише, чем на российской стороне границы.

16 августа

Сегодня к нам приехал Геннадий Величкин, наш ГМ. После встречи с хоккеистами он сказал мне, что они жаловались на усталость и хотели бы выходной день. Вместо двух мы запланировали на сегодня только одну тренировку, но старания было так мало, что на сорок пятой тренировке с этой командой я взорвался. Фактически, с моей стороны это был вполне рассчитанная вспышка гнева. На самом деле я не был зол, а просто хотел показать хоккеистам «свою темную сторону», и дать им понять, что я очень даже могу рассердиться, если посчитаю, что команда сачкует. В частном порядке я отвел Юшкевича и Королева в сторону и дал им понять, что сделал это, в общем-то, демонстративно. Я считал важным, чтобы хоккеисты видели, что недостаточные усилия встретят понятную реакцию с моей стороны.

Я люблю плавать, а как раз напротив тренировочного центра, в котором мы проживаем, есть озеро, поэтому каждое утро я спускаюсь к воде и плаваю. Все это проходило вполне спокойно — до сего дня. Я плыл вдоль берега, метрах в двадцати, напротив какого-то дома, и слышал, как лаяла собака. Вдруг я увидел огромную немецкую овчарку, с лаем срывающуюся в воду и плывущую за мной. Размышляю: за все годы моих занятий бегом на меня ни разу не нападала ни одна собака, а теперь нападет в воде? Что делать? Эта зверюга догоняет меня. Может ли собака кусаться, находясь в воде? Вдруг на причале появляется какой-то парень, что-то кричит ей, и она, наконец, разворачивается и плывет обратно. Какое облегчение! Бывало такое, что меня преследовал лось, и всякое-разное случалось во время пробежек, но что-либо подобное — никогда.

20 августа

Мы выиграли три матча кругового турнира и вышли в финал, но по дороге к нему потеряли из-за травм четырех хоккеистов. Величкин обеспокоен, потому что у нас осталось три пятерки и приходится играть с четырьмя 19-летними игроками в составе. Но я видел ситуацию иначе. Я хотел знать, сможем ли мы выстоять против хорошей финской команды вроде Espoo, и я не разочарован результатом. Мы выиграли 3–2 и взяли Кубок Тампере, при этом дважды убив двухминутное большинство соперника 5x3. Трэвис Скотт сыграл великолепно и произвел

неизгладимое впечатление на наше руководство. В конце первого периода Малкин получил большой пятиминутный штраф, команде пришлось по-настоящему сплотиться. И мы сделали это. Я доволен.

26 августа

НХЛ и ИИХФ пытаются договориться о новом трансферном соглашении, и Величкин принимает самое активное участие в этих переговорах. Он состоит в переговорной комиссии и очень хочет заключить соглашение на том только условии, что оно будет учитывать существующие контракты хоккеистов. Он пользуется влиянием в этой группе, и в конце концов Россия стала единственной страной в Европе, не подписавшей новое трансферное соглашение.

По иронии судьбы, сегодня мы получили хорошую новость о том, что Малкин намерен остаться и отыграть весь год. Мы узнали об этом после тренировки, когда вся команда вместе с женами, подругами и детьми выехала на горнолыжный курорт, построенный ММК в горах Южного Урала, в 40 км от города. Малкин выждал время и официально заявил прессе о своем решении.

Это случилось, конечно, после того, как клуб переписал контракт в его пользу, включив стоимость дачи — подарок от клуба. Дача — что-то вроде коттеджей у нас в Канаде, то есть, все выглядело, как если бы клуб НХЛ, например Торонто, решил купить хоккеисту дом на озере Маскока, чтобы убедить его подписать контракт. Так что, для Малкина в ходе этих переговоров все сложилось хорошо, и я предвижу, что для нас тоже все сложится хорошо. В прошлом месяце (так в оригинале, на прошлой неделе — прим. пер.) в Финляндии, на Кубке Тампере, он был просто великолепен. На наш матч против Таппары, местной команды, собралось много зрителей, и Малкин вытворял с шайбой такое, что болельщики просто вставали и аплодировали ему. Такое не часто бывает с иностранным хоккеистом в чужой стране, но мастерство Малкина привело их в восхищение. Я надеюсь еще неоднократно услышать такие аплодисменты в ходе сезона.

27 августа

Сегодня суббота, и после утренней тренировки мы с Линдой пошли в город. Мы прошли к зданию городского совета, в котором, точнее — в загсе, проходила регистрация десятков браков. Это была картина, достойная того, чтобы ее увидеть. Автомобили с невестами и женихами, вместе с их свидетелями, выстроились в ряд, и через каждые пятнадцать минут пары заходили внутрь, выходили, уже женатые/замужние, и,

счастливые, разъезжались по городу, при этом машины гудели в ознаменование столь важного события. Отсюда молодожены обычно отъезжали к Военному Мемориалу, находящемуся на берегу реки Урал, или к новой православной церкви, для фотографирования.

В Магнитогорске церквей немного, поскольку город был основан только в 1929 году, когда Россия была в тисках «безбожного» коммунизма. Все церкви, которые мы видели — либо абсолютно новые, либо построены всего несколько лет назад. Религия как бы возвращается сюда, и одно из самых интересных проявлений этого я вижу в нашей раздевалке. Внутри шкафчиков практически всех игроков висят иконки. Люди не могли показывать свою веру и исполнять религиозные обряды на протяжении многих лет, и теперь они наверстывают упущенное, украшая стены этими иконами. Перед выходом на лед многие хоккеисты осеняют себя крестным знамением точно так же, как в Северной Америке спортсмены делают это уже многие годы.

Позже, гуляя по городу, мы набрели на еще одну очень важную находку — только что открывшуюся пиццерию. Маленькое признание: я — просто «пиццеман», и это просто рай — тонкая хрустящая корочка с качественным сыром. Было здорово встретить такое в этом удаленном месте.

28 августа

Вчера вечером к вратарю Трэвису Скотту на десять дней приехали жена Лиза и двое детей. Они — канадцы, проживающие в Сан-Антонио; за сезон она приедет к нему 2–3 раза, дорогу оплачивает клуб. Она еще раз приедет в декабре, а он съездит домой в ноябре, когда у нас будет 10-дневный перерыв на турнир сборной страны. Ежедневно я стараюсь поговорить с Трэвисом на льду — и часто разговор бывает не о хоккее. Обо всем, что угодно. Мы сравниваем свои мнения об увиденном, сравниваем, как мы адаптируемся, и насколько все здесь отличается от привычного нам. По какой-то неведомой причине возможность обсудить с кем-либо эти вещи крайне важна. Или, если я услышу что- нибудь через сарафанное радио, я спрашиваю его: «Ты слышал, что происходит в Северной Америке?»

На днях мы говорили с ним об урагане в Новом Орлеане, и он сказал, что два года играл за команду города Батон Руж, и что у него там есть знакомые. Даже российское телевидение довольно широко освещало ту ситуацию, и, конечно, у нас в квартирах был канал CNN, так что мы могли быть в курсе событий. Трэвис сказал, что не может поверить, дворец, по его предположению, должен был совершенно разрушиться, потому что он и был- то неважным, и затопило его полностью.

Как может подтвердить любой человек, имеющий отношение к хоккею, вратари — это особая порода, потому, видимо, что им приходится вставать на пути шайбы, выстреливаемой со скоростью полтораста километров в час, часто — в голову. Некоторые вратари — веселые везунчики, как например, Грант Фюр (Grant Fuhr) и Майк Вернон (Mike Vernon), и кажется, что у них совершенно нет забот. Так они справляются с ситуацией. Другие — наглухо закрытые, такие, как Патрик Руа.

Трэвис Скотт больше подпадает под вторую категорию. Он — серьезный парень, спокойный, можно сказать — размышляющий. Когда я думал о нем вне тренировок, именно эти мысли несколько беспокоили меня. Все, у кого я интересовался, говорили мне, что он — по-настоящему хороший командный парень и партнер, но тихо делающий все по-своему. Я подумал: «Да… это может превратиться в проблему». Потому что, когда я ввожу хоккеистов в команду, всегда учитываю, насколько они вольются в коллектив и справятся с новой ситуацией. По Трэвису у меня сложилась запутанная картина, потому что некоторые говорили: «Нет-нет, он очень сильный духом человек». Так что нам пришлось присматриваться к нему. Он очень спокоен. И наблюдателен. И в нем чувствуется сила. Его присутствие ощущается. Когда он выходит на лед тренироваться, он полностью погружается в работу.

Я знаю, что случаются моменты, когда он бывает раздражен. Вратарю здесь приходится нелегко, потому что во время тренировки партнеры по команде могут сделать двадцать пять пасов от центра круга до сетки ворот. Я пытался говорить ребятам, чтобы они бросали по воротам, но они не делают этого. Иногда с другого конца катка доносится громкое «Fuuuuuuuck», и, не оборачиваясь, я знаю, что это Трэвис. Потому что хоккеисты так изобретательны и мастеровиты, что практически заводят шайбу пасами в ворота. Еще одно сильное отличие для него — объем работы на земле, который мы проделываем во время тренировочного сбора. Тренер вратарей у нас — Юрий Шундров, из Киева, работник украинской федерации хоккея, он заставляет этих парней прыгать через препятствия — то, чего Трэвис никогда не делал. Вот вам пример. Игра у нас будет через два дня. Сегодня утром мы собрались в десять часов, и провели с ребятами получасовую разминку в спортзале. Затем полтора часа позанимались на льду. После льда мы поднялись в тренажерный зал для занятий плиометрией (упражнения, при выполнении которых мышцы развивают максимальное усилие в кратчайший период времени — прим. пер.) и работы с тяжестями. Так что, Трэвис оказывается в совершенно новой для него обстановке,

поскольку в Американской хоккейной лиге приходится так много ездить, что проводить хорошие тренировки вне льда просто нет возможности. Я доверяю ему, потому что он проявляет вполне достаточную приспосабливаемость. До сих пор он успешно проходил этот тест, но нынешняя ситуация означает для него огромные изменения и вызов, и нам придется постоянно отслеживать ее.

На второй или третий день пребывания здесь Линда напекла ему шоколадного печения. Он сказал: «Здорово! Пока сохраню, отнесу домой, в квартиру». Он был просто поражен этим жестом — тем, что кто-то думает о нем. Линда живет здесь уже несколько дней и постепенно привыкает, но даже простейшие мелкие вопросы могут оказаться тяжелой задачей. Пример: у нас есть пластиковая карта российского банка, и сегодня утром Линда позвонила мне на работу: «Дэйв, я только что была в двух разных банках с нашей карточкой, она не работает. У нас вообще есть деньги на счету?» Да, есть. Я сказал: «Не волнуйся. Скорее всего, в банкомате просто кончились деньги». Ну, конечно, так оно и оказалось. Дело кончилось тем, что мы обошли пять разных банкоматов, и все они были пусты — потому что на выходные дни их иногда не заполняют. Поэтому, если в пятницу вечером не позаботишься, к полудню субботы зачастую остаешься у разбитого корыта.

29 августа

Если бы вы увидели тренировки или игры моей команды, на вас произвело бы впечатление общее мастерство и количество пасов, даваемых игроками. Однако, если начать анализировать чуть глубже, и рассматривать не столько количество пасов, сколько их «ценность» или преимущество, достигаемое пасом, — вы пришли бы к тому же выводу, что и я.

Мы слишком много передаем шайбу без особой цели, особенно когда пересекаем синюю линию атаки. Я начинаю понимать, что это будет существенной частью моей тренерской задачи: принуждать наших хоккеистов забрасывать шайбу в сетку ворот. Для нас характерно делать так много лишних передач, что мы проскакиваем зону поражения ворот, уходя в зону, откуда голы не забиваются. Стоя за скамейкой во время игры, я вдруг подумал, что нам интересно, скорее, развлекать публику распасовкой, чем забивать голы. Мы начинаем играть так заумно и артистично, что становимся сами себе врагами; в конце концов, плохой пас становится началом контратаки соперника, при этом нам сложнее обороняться из-за усталости вследствие старательных усилий развлечь болельщиков. Я надеюсь, что эта мысль постепенно дойдет до команды, и к середине сезона я

устраню эту тенденцию в игре нашей команды. Я не жду, что она исчезнет полностью. Я был бы рад, если бы она даже проявлялась время от времени — мы были бы менее предсказуемой командой, против которой сложнее защищаться.

30 августа

Сегодня, работая в своем кабинете перед тренировкой, я услышал нечто необычное: звуки тишины. Никакой привычно ревущей музыки из раздевалки; никаких звуков ремонтных работ из столярки, где хоккеисты доводят свои клюшки. Я выглянул из-за двери, прошел по коридору, вошел в раздевалку и оказался посреди церковной службы. Священник Русской Православной церкви с двумя певчими ходили по комнате, разбрызгивая святую воду на хоккеистов. Хоккеисты стояли, склонив головы, у своих шкафчиков. Это был совместный молебен за успешный и свободный от травм сезон. Медленно отойдя в уголок, чтобы наблюдать эту торжественную церемонию, я вновь поймал себя на мысли — насколько всё теперь совершенно по-другому в России.

31 августа

Наступило время конечного этапа подготовки к регулярному чемпионату. Название этого этапа — Кубок Ромазана, и здесь это — очень важное событие. Это турнир, в котором мы выступаем в качестве хозяев, он проводится в честь отца магнитогорского хоккея — Ивана Ромазана, который был директором металлургического комбината до Рашникова. Ромазан скончался от инфаркта в молодом возрасте — пятидесяти пяти или пятидесяти шести лет. Во дворце висит его портрет; его здесь глубоко уважают за то, что он вывел магнитогорский хоккей на уровень XX века. Как гласит история, после Олимпиады-80 строительство каких- либо спортивных сооружений в России было заморожено, потому что Олимпиада оказалась очень затратной. Но Ромазан убедил Москву, что он строит объект культуры — театр. На самом же деле он строил крытый хоккейный стадион. И в конечном итоге это помогло клубу выйти в Суперлигу.

Все тренеры команд-участниц посетили могилу Ромазана. Вместе с ними были его вдова, дочь, и, по моим прикидкам, еще человек 70–80 — целый автобус плюс два микроавтобуса. Мы все возложили цветы. Было много венков, у всех в руках было по розе; по одному человеку все подходили и клали цветок у основания большой статуи. Это был не бюст, а именно статуя. Это была очень торжественная церемония. Огромное уважение к этому человеку и ко всему, что он сделал для хоккея в Магнитогорске, впечатляло.

Сентябрь

4 сентября

Сегодня закончился подготовительный период. Мы здорово позанимались в эту предсезонку. С появлением Юшкевича и Королева мы сформировались как команда. Теперь, вдруг, наши тренировки стали проходить в более быстром темпе. Перевод стал гораздо точнее, потому что Игорь Королев знает, как играют в НХЛ и что нам требуется делать; кроме того, одноклубники уважают его как авторитетного старшего игрока.

Сегодня мы провели голосование по выбору капитана, и хоккеисты избрали Евгения Варламова, 29-летнего защитника, играющего за клуб уже несколько лет. Первым помощником стал Малкин, и мне было очень интересно то, что хоккеисты проголосовали за 19-летнего помощника капитана. Вторым ассистентом капитана стал Игорь, и это говорит о том, каким уважением он пользуется, даже несмотря на пока очень короткий период его здесь пребывания.

Мы не проиграли ни одного матча из 12, проведенных в эту предсезонку, и все очень рады, но всего за три дня до начала регулярного чемпионата я все еще не до конца понял, что же из себя представляет наша команда. Поэтому, когда мы, наконец, проиграли казанскому Ак Барсу во второй игре турнира — и проиграли довольно показательно — я, фактически, испытал облегчение. Мы вели в счете 2–1, но они сравняли за менее чем три минуты до конца. Потом они еще раз забили, за тридцать секунд до финальной сирены, что стоило нам победы в этом матче и во всем турнире. Ранее я говорил тренерам своего штаба: «Надеюсь, мы когда-то проиграем какой-нибудь матч, чтобы посмотреть, как команда отходит от поражения». На мой взгляд, лучшего сценария и быть не могло. Мы выигрывали у хорошей команды, и вдруг упустили победу. Все были сильно расстроены. Парни ломали с досады клюшки. Я сказал: «Именно такую реакцию я и надеялся увидеть». Я бы предпочел проиграть именно так, а не со счетом 1–4 или 1–5. На следующий день мы провели великолепный матч против московского Динамо, действующего чемпиона лиги, и победили. Турнир мы закончили на втором месте, что неплохо, и на следующей неделе начинаем регулярный сезон.

Впоследствии у меня появилась возможность поговорить с тренером Казани, Зинатуллой Билялетдиновым, или — как он известен в НХЛ — «Биллом». Билялетдинов долго играл в национальной сборной у Виктора Тихонова и имел самый

длительный среди россиян стаж работы вторым тренером в клубе НХЛ — до возвращения домой он работал в Виннипеге и Финиксе.

Казань привлекла к себе большое внимание во время локаута в НХЛ, поскольку клуб энергичнее, чем кто-либо иной в мире, подписывал игроков НХЛ в попытке выиграть чемпионат. Предстояло тысячелетие Республики Татарстан (так в оригинале — прим. пер.), и местные нефтяные олигархи решили, что деньги не будут проблемой — они не остановятся ни перед какими расходами на привлечение лучших игроков, самых ярких звезд из возможных, и пошли на риск, понадеявшись на продолжение локаута в течение всего сезона. Начали они с подписания двух игроков из клуба-обладателя Кубка Стэнли, Tampa Bay Lightning, — Венсана Лекавалье и Брэда Ричардза. Когда, перед Рождеством, Ричардз травмировался и уехал домой, его заменили Дэни Хитли. Еще они подписали Илью Ковальчука из Атланты, забившего в чемпионате НХЛ предыдущего сезона 41 гол — результат, приравнявший его к Джерому Игинле и Рику Нэшу в споре лучших снайперов лиги. В команде были еще несколько известных российских хоккеистов — Алексей Морозов, Дарюс Каспарайтис, Алексей Ковалев и — с Нового года — вратарь Николай Хабибуллин, одноклубник Лекавалье по Тампе. У клуба денег было — выше крыши, и вскоре они получили в хоккейном мире известность как ответ России клубу New York Rangers. Как ни печально для них, они получили тот же урок, что и Рейнджерз — что в командной игре деньги не гарантируют чемпионство. Казань хорошо закончила регулярный чемпионат, но проиграла в играх навылет.

На днях Билялетдинов подписал двух канадских хоккеистов — Рэя Жиру, из фарма Нью-Джёрзи, и Джеффа Хэмилтона, забившего 40 голов в чемпионате Американской Хоккейной Лиги. Они оба — хорошие игроки, вместе учились в Йейльском университете, так что это была пакетная сделка. Кроме того, в этом году они вернули Морозова, а также Фредди Брэзуэйта, поигравшего в НХЛ за Эдмонтон и два моих бывших клуба, Калгари и Коламбус. Так что, теперь у них заполнены три легионерские вакансии. Фреди здорово сыграл против нас. Наверное, мы бы выиграли этот матч, если бы он не встал перед нами стеной.

Российские хоккеисты рассказывали мне, что до приезда энхаэловцев Фредди был лучшим вратарем в Суперлиге. Потом приехал и тут же начал играть Хабибуллин, так что Фредди отошел на задний план. Но в играх навылет Хабибуллин оступился, Фредди вернулся на первые роли и сыграл отлично,

даже несмотря на неуспех Казани в плэй-офф. Все российские хоккеисты в Казани любят его. Он очень популярен. У меня в команде есть пара игроков, которые в предыдущем сезоне играли в Казани. Когда они увидели Фредди, тут же подбежали к нему. Забавно то, что он ни слова не знает по-русски. Они говорят по-английски совсем немного, и все равно любят парня. Когда он не попадал в стартовый состав и не играл, Фредди часами оставался на льду со всеми остальными хоккеистами — россиянами, не проходившими в состав с приездом энхаэловцев. Он бесконечно работал с ними, отбивая броски, и для них это было невероятно, вот поэтому его так сильно уважали. Итак, я знаю тренера Билла, и очень хорошо знаю одного из их хоккеистов — Геннадия Разина. Это защитник, игравший за нас в Монреале, когда я был там вторым тренером в клубе Montreal Canadiens. Его выбрали на драфте новичков 1997 года в шестом раунде, и он жил в одной комнате с моим сыном Скоттом в г. Фредериктон. Они жили в одном доме в течение года, а сейчас Геннадий играет в Казани. Он рассказывал, как тяжело было в прошлом году и насколько лучше в этом.

Фактически, все, с кем я разговаривал по поводу Казани, говорили одно. Билли сказал мне, что для него, как тренера, в прошлом году были тяжелые времена, потому что с приездом всех этих суперзвезд в команде вдруг установились двойные стандарты.

Энхаэловцы жили в отелях. Перед матчами они не ночевали в общежитии или, как это здесь называют, «на базе». Игроки-иностранцы кучковались отдельно и не интегрировались в команду, как того хотел бы Билл. Билли даже сказал мне такое: «Я просто не мог тренировать их привычным для себя образом. Мне было трудно с установлением дисциплины у этих ребят или с тем, чтобы заставить их усерднее играть или работать вне льда». Но все игроки, с которыми я переговорил, сказали, что теперь он — настоящий коуч. Он снова стал жестким, как обычный российский тренер. Ко всем — абсолютно одинаковое отношение, и дела у них в этом сезоне идут гораздо лучше. Посмотрим.

5 сентября

В начале каждого сезона бывает соблазнительный оптимизм. Неважно, насколько плохо дела шли в предыдущем сезоне, или даже если они шли хорошо: новый сезон — новое начало. Все кажется возможным и достижимым. Надежда — осязаема, шанс начать все заново — опьяняет. Самое удивительное в большом спорте — это то, что каждый год появляется несколько неожиданно успешных команд, и такое же количество горько разочаровывающих. Иногда лучшие команды побеждают, но часто

— не побеждают, по целому ряду труднопредсказуемых причин.

Интуитивно я чувствую, что для нашей команды будут жаркие дни — времена, когда все будет хорошо, и все будет получаться, как задумано, и времена, когда все будет наоборот, и мир будет казаться перевернутым с ног на голову. Мы провели, в целом, хороший предсезонный период. Выиграли Кубок Тампере. Были вторыми на Кубке Ромазана и на турнире в Уфе. Мы должны бы быть одной из лучших команд лиги, но кто знает, во что все обернется, когда мы начнем играть за результат, за очки? Спорт непредсказуем. Вот поэтому люди и играют в спортивные игры. Могут случиться спады, возможны травмы, а если вдруг потеряешь основного вратаря на сколько-либо продолжительный период времени, возможны проблемы.

Конечно, есть разница между надеждами и ожиданиями. Я тренировал две команды НХЛ, Калгари и Коламбус. С Flames в 1994 г. мои ожидания были достаточно серьезные. Я рассчитывал, что мы будем одной из лучших команд своего дивизиона, и если все пойдет хорошо, мы будем претендентами на самые высокие цели. В противоположность этому, когда я принял Blue Jackets, мы были командой-новичком, попавшей в НХЛ благодаря расширению лиги. Точно так же ты исполнен надежд, но ожидания — другие. Надеешься прыгнуть выше головы, и если это удается, можешь считать год успешным, даже если не попадаешь в плэй-офф.

В НХЛ оптимизм строится на протяжении всего лета, обычно — начиная с июньского драфта новичков. Независимо от того, кого клуб задрафтует, от скаутов всегда слышишь одну песню: «Невероятно, что этот парень оставался свободным вплоть до нашей очереди». Даже в дремучем десятом раунде от них слышишь: «Ёлы-палы! Как этого парня не выбрали до сих пор!» И по ходу лета все твои хоккеисты становятся в твоем воображении все лучше и лучше — даже когда они еще и не играют. По какой-то причине мы так же автоматически исходим из того, что любой игрок, проведший плохой год накануне, выстрелит в наступающем сезоне. Если же у хоккеиста выдался отличный сезон, ты не беспокоишься, что у него может и не получиться повторение успеха. Ты просто полагаешь, что он повторится. Поэтому всегда вступаешь в новый сезон, исполненный только позитивных мыслей, и ощущаешь себя великолепно. Пока реальность не опустит тебя на землю, что почти наверняка произойдет.

В этот раз, в моей ситуации — с приездом в Россию — все было совершенно иначе, в сравнении с моим прежним опытом, потому что я не знал команду. Я знал, что в ней есть несколько

хороших игроков. Я видел, как на чемпионате мира играл Малкин, и знал, что он — выдающийся талант. Предыдущий сезон Магнитогорск завершил пятым, а лет за пять до того выигрывал звание чемпиона, так что я знал, что еду в довольно стабильный клуб. Но до начала предсезонных сборов два месяца тому назад я ни разу не видел команду. Поэтому, хотя считаю себя, в целом, оптимистом, я ощущаю неопределенность больше, чем обычно, потому что не знаю лигу, не знаю свою команду, не знаю своих хоккеистов и не знаю, насколько сработает мой подход к игре и тренировкам. В Суперлиге есть много команд, которых я еще не видел, а игры за очки чемпионата всегда проходят в более интенсивном соперничестве. Так что, сегодня я испытываю чувства ожидания, небольшой тревоги, возбуждения и нервозности в умеренной пропорции.

Практически любой хоккеист, поигравший у меня, скажет, что я дотошен в деталях. Я верую в хорошую подготовку и доведение до кондиций, в работу с видеозаписями и изучение тактики и тенденций для того, чтобы, выходя на лед, хоккеист любого уровня был готов играть. Но даже я нахожу прошедшие два месяца подготовки избыточно долгим периодом. Очевидно, что игроки были готовы к этому, в отличие от меня. Задним числом я могу предположить, почему они вышли на сборы в далеко не идеальном состоянии. Они понимали, что у них было два месяца для вхождения в ритм. Полагаю, сейчас они готовы. Наш матч открытия сезона должен состояться через два дня, с Витязем, одним из двух новичков лиги. В результате последнего расширения в суперлиге установлен новый формат игр навылет. В прошлом году в плэй-офф выходили восемь команд из шестнадцати. В этом сезоне, при восемнадцати участницах, в плэй-офф выйдут шестнадцать, и чем выше ты закончишь гладкий турнир, тем легче будет твой путь в кубковой фазе. Регулярный чемпионат состоит из 51 тура, которые разделены на три круга по 17 туров. В первом круге все играют по разу со всеми. Во втором — все играют с теми же соперниками, но в обратном порядке. На третий круг расписания еще нет — оно определится по итогам 34 туров. Верхние девять команд получат по одной дополнительной домашней игре, т. е. расписание будет более благоприятным в отношении тех команд, которые были успешнее в течение первых двух третей регулярки. Мне нравится эта схема, но я с трудом могу представить, чтобы она когда-либо была опробована в НХЛ. Вы можете представить себе, как объявить владельцам сезонных абонементов, что они не будут знать расписание последней трети чемпионата, пока фактически не наступит ее время? Я тоже не могу.

Ну, и есть еще много вещей, которые здесь делаются иначе. Например, в России действует такая же система трансферов хоккеистов из клуба в клуб, как и в остальной Европе. Обменов, как они совершаются в НХЛ, не существует. Вместо них во время двух заранее назначенных перерывов в расписании клубы могут менять или пополнять свои составы, обычно — путем подписания хоккеистов из других лиг или покупки на рынке. Поскольку зарплаты в России выросли, клубы могут обоснованно рассматривать непрошедших в НХЛ игроков в качестве потенциальных новобранцев по ходу турнира. Проблема только в том, что тренировочные лагеря в НХЛ еще даже не открывались, и до окончательного формирования составов еще целый месяц.

Как только это случится, ряд клубов, включая нас, будут смотреть какие из игроков не прошли в составы клубов НХЛ, чтобы, возможно, предложить им контракты. На данный момент у нас есть только один легионер, Трэвис Скотт. Две другие легионерские вакансии у нас оставлены свободными. Мне нравится, как сейчас смотрится наша команда, и я готов начать чемпионат с этой группой игроков, по меньшей мере, вплоть до открытия первого трансферного окна в ноябре. Тогда мы и посмотрим — что нам нужно, какие кандидаты будут в наличии — и примем решение. Помимо того, невозможно спрогнозировать возможные в предстоящие месяцы травмы, поэтому я был за то, чтобы оставить все как есть, держать эти вакансии незаполненными и вернуться к вопросу во время первого перерыва в расписании. Сейчас у нас в составе 25 человек, и, даже с учетом травмированных хоккеистов, есть лишние.

Завтра владелец и президент клуба Рашников обратится к команде, что, видимо, делается ежегодно перед началом регулярного чемпионата. Я не видел его с нашей первой встречи в начале июля, поэтому с интересом жду, что он скажет. В НХЛ хозяин клуба иногда заезжает поговорить с командой, или заходит после игры к игрокам, с друзьями или членами семьи, желающими познакомиться со «звездой». Почему-то, зная о Рашникове то немногое, что я знаю, предполагаю, что встреча с ним пройдет совершенно по-другому.

6 сентября

Мне очень интересен Рашников. Я много читал и слышал о российских олигархах, но у меня нет четкого ответа на вопрос о том, как он взошел к власти в постсоветскую эпоху, или — как он столь быстро аккумулировал такое огромное богатство. Как и было обещано, он пришел и выступил перед командой в день перед нашим первым матчем. Это происходило в ресторане дворца спорта.

Он появился в сопровождении двух телохранителей. У обоих были наушники, прям как у агентов американской секретной службы. Это были очень крупные мужчины. Один встал у двери в конце ресторана, другой закрыл собой дверь на входе. Я подумал: «Бог ты мой, этот парень стоит сумасшедших денег; наверное, он вынужден постоянно так вот ходить». Мне рассказывали, что самые крупные преступления в России — это не ограбления банков или что-либо подобное, а похищения людей. Поэтому Виктор Рашников стал очень и очень осмотрительным.

Его обращение к хоккеистам было очень конкретным, таким же, какими были слова, сказанные мне при нашей первой встрече два месяца тому назад — что никакой результат ниже полуфинала Суперлиги не будет считаться хорошим. Он сказал, что Магнитогорский металлургический комбинат вкладывает в команду миллионы долларов, и спортивные результаты важны в плане маркетинга компании. Её работники внимательно следят за командой и гордятся ее успехами, а таковых в недавнем прошлом было много. Команда дважды брала корону в Суперлиге. Дважды выиграла Лигу европейских чемпионов. Хоккейная команда делает город с населением менее полумиллиона человек заметным на карте страны.

После ужина с Рашниковым все хоккеисты сели в автобус, доставивший их на базу. База — это традиция российского хоккея, уходящая своими корнями в годы коммунистического прошлого, когда игроки изолировались от своих семей на долгие отрезки календаря. В общем, база — это клубная гостиница, в которой хоккеисты спят в ночь перед домашними матчами, где они могут подготовиться к игре, не отвлекаясь на семью, друзей и повседневные житейские заботы. В прежние времена коммуналок спортсмены жили в квартирах с общими кухнями и туалетами, в таких квартирах не всегда было возможно готовиться к игре в тишине и спокойствии. Клубы хотят, чтобы игроки сосредоточивались только на хоккее, и руководство считает, что размещение на базе накануне матча помогает решить вопрос. На мой взгляд, результат может быть прямо противоположным. Мы проводим так много времени на выездах, что заставлять игроков быть на базе, когда они находятся фактически дома, контрпродуктивно, именно по причине их отрыва от семей.

Другим осложняющим фактором является то, что ММК строит не только новую арену, но и новую базу, и вследствие этого строительства у нас нет постоянной базы. Пока новый комплекс не будет достроен, мы будем использовать в качестве базы местную гостиницу. Когда я услышал об этом, с невинным видом предложил обойтись, может быть, годик без базы. Эта идея

была убита тут же, на месте. Моя мысль прозвучала как какое-то святотатство. Мне сказали: «У нас должна быть база. У нас всегда бывает база!' Я сказал: «Так ведь, многим ребятам это не нравится, потому что они проводят шесть дней в неделю на базе или в гостинице, и даже когда их семьи находятся рядом, они все равно не могут видеться». Но нет, мы должны отправиться на базу, и вечером мы туда поехали. Такой тип мышления продолжает удивлять меня. В новой России все эти парни подъезжают к стоянке у дворца на своих БМВ, но, как только они входят во дворец, всё возвращается в старорежимные времена, вплоть до необходимости быть на базе. Сильный контраст.

7 сентября

Прекрасный солнечный день (а дома сегодня — День труда), и совсем не хоккейная погода. По пути в ледовый дворец я вижу слева утренний ММК, работающий на полную мощь, и вдруг мне в голову приходит мысль, что наш дворец работает очень похоже. Фактически, это хоккейная фабрика, интенсивно работающая с восьми утра одиннадцати вечера. Ежедневно оба льда используются на полную пропускную способность. Этим утром, когда я вошел во дворец, на льду занимались 11- и 12-летние ребята, и я остановился на несколько минут посмотреть их тренировку.

Я отметил высокий уровень концентрации и быстрый темп занятия. Когда я проходил мимо скамейки, тренер остановил занятие и подозвал всех к бортику. Все ребята подъехали и хором поприветствовали меня: «Oodachee», пожелав удачи. Я уже чувствовал возбуждение и прилив адреналина с самого утра; я даже ускорил темп своей пробежки, чтобы взбодриться и зарядиться энергией. После всей помпезности и церемониальности турнира на Кубок Ромазана я хотел узнать, что задумано на открытие чемпионата, и пришел в свой кабинет намного раньше кого-либо, чтобы просмотреть, не отвлекаясь, план тренировки и стартовый состав.

По окончании предматчевой раскатки Игорь Королев и Дмитрий Юшкевич подъехали ко мне и рассказали, что наша временная база, маленькая гостиница на окраине Магнитогорска, где команда провела предшествующую ночь, была просто кошмарной. Кровати — маленькие и прогнувшиеся. Бар при гостинице был открыт до двух часов ночи, и его посетители стучали в двери к игрокам, приглашая их в свою компанию. Кроме того, у некоторых хоккеистов в номерах были мыши. Самой собой разумеется, наше руководство было в гневе и пообещало игрокам поменять гостиницу к следующему матчу. Я обеспокоен, смогут ли хоккеисты справиться с возникшей

ситуацией и будут ли готовы играть, потому что сегодня вечером все ждут легкую победу.

Перед первым вбрасыванием я стоял у скамейки, слушал российский гимн и, посмотрев на противоположную трибуну, увидел Линду, приветствующую нас, и вдруг вся ситуация показалась мне нереальной. Вот я здесь, сейчас официально стану первым канадским тренером в российской Суперлиге, и я все еще не могу привыкнуть к этой мысли. Первый короткий промежуток времени, проведенный здесь, был для меня огромным переходным этапом. Каждый день я спрашивал себя, впишусь ли я в эту действительность, приспособлюсь ли? Скоро я это узнаю.

Получилось так, что наш старт выдался ужасным. Первый гол забил Витязь — Александр Королюк, бывший игрок San Jose Sharks. В самом начале мы получили удаление и позволили им выйти вперед, но затем ребята стали играть строже, и мы начали их переигрывать. В конечном итоге мы победили с комфортным счетом 6–2. По правде говоря, я почувствовал, скорее, облегчение, чем радость. Я просто хотел пройти этот рубеж и положить разыгрываемые в этом матче очки в копилку команды. На послематчевой пресс- конференции меня засыпали вопросами о том, каково быть первым канадским тренером в России. Я отвечал просто и коротко. Для меня это большая честь — тренировать в России, и мы с Линдой с интересом ожидаем удивительный период в своей жизни, что на самом деле так и было.

После матча, по принятому в России обычаю, тренер со своей женой следуют в ВИП- ложу и какое-то время общаются с руководством. Я обычно сразу иду домой и разбираю видеозапись игры, но эта традиция возникла раньше моего здесь появления и она явно важна для них, поэтому я «поплыл по течению». Это было хорошее мероприятие, потому что оно дало возможность узнать о других событиях первого дня во всей лиге. Оказалось, что действующий чемпион, московское Динамо, оказался не таким удачливым, как мы. Они проиграли, в овертайме, ХК МВД, еще одному новичку лиги. Это был знаменательный день для всей лиги, потому что именно сегодня Динамо и омский Авангард, как сообщалось, уладили спор по поводу контракта Павла Дацюка. Дацюк, молодой игрок, звезда Detroit Red Wings, в локаутный год играл за Динамо, но в межсезонье подписал новый контракт с Омском. Дацюк тренировался с Омском весь август и сентябрь, он, фактически, отказал своему энхаэловскому клубу, и здесь это была очень большая новость, потому что впервые российский клуб перебил контрактное предложение команды из НХЛ. Ну, или так это в тот момент казалось.

Динамо объявило, что их клуб повторил предложение Омска,

и утверждало, что это давало им право сохранить игрока у себя. В обоих случаях Дацюк должен был зарабатывать чуть более 4 миллионов долларов (а 4-миллионный контракт в Суперлиге эквивалентен приблизительно 6-миллионному в НХЛ, из-за благоприятного налогообложения в России). Дацюк сыграл очень важную роль в успехе Динамо локаутного сезона. Я видел видеозаписи с его игрой в плэй-офф — он в одиночку приносил победы. Наверное, он был лучшим среди хоккеистов лиги в прошедшем сезоне, включая всех энхаэловских легионеров. Поэтому, когда наши ребята услышали, что Дацюк будет получать 4 миллиона, они были ошарашены этой суммой. Когда им сообщили эту новость, наступила полная тишина. Я спросил: «Ну, что вы думаете на этот счет?» они все ответили: «Плохо. В российской Суперлиге не может быть таких зарплат».

Я полагаю, это был один из мифов, распространившихся благодаря локауту в НХЛ — что сегодня в России неограниченные деньги. Да, были неограниченные деньги в Казани прошлого сезона, и Омск не похож на отстающего в подписании хоккеистов и размерах их контрактов, но это, похоже, исключения. В России, как и в НХЛ, есть команды малых и средних бюджетов. Нас я бы охарактеризовал как клуб из среднего сегмента. Наш бюджет составляет около 21 миллиона долларов США. Поэтому для нас 4 миллиона означало бы пятую часть всего бюджета — на одного хоккеиста. Это было бы слишком жирно. У нас разумный бюджет, с которым можно работать, и мы не входим в число больших транжир. Казань, Омск и Динамо — у этих команд, похоже, денег больше, чем у кого-либо, и тратят они больше, чем кто-либо другой. По размеру зарплатной ведомости этого сезона мы где-то шестые-восьмые в лиге. Это — разумная сумма, и если тратить с умом, ее более чем достаточно, чтобы выводить на лед побеждающую команду. Точно так же, как и в НХЛ, главное — не сколько ты тратишь, а как ты тратишь.

Один из моментов, который здесь постоянно меня озадачивает, — это отсутствие, в сравнении с НХЛ, «домашней работы» по хоккеистам, т. е. учета. В прошлом году мы подписали двух игроков Лады. Один из них, Александр Селуянов, приехал к нам с травмой спины, о которой он не знал. Он прибыл в команду, прошел через тренировочный сбор, и вдруг у него появились боли. Мы были вынуждены отправить его в Челябинск, для проведения операции на межпозвоночном диске. Наше руководство не имело представления о том, что такая травма была возможна. У его партнера по обороне, Владимира Маленьких, была травма ноги, которую они посчитали незначительной, но когда он приехал на сбор, в первый месяц

даже не мог кататься.

Я вам так скажу: старина Панч Имлак (генменеджер клубов НХЛ, известный своими обменными операциями — прим. пер.) или Эдди Шор (бывший игрок и тренер, известный своей жесткостью — прим. пер.) развернулись бы в России по полной — они бы втюхивали одноногих хоккеистов, и им бы это сходило с рук. Здесь есть реальный спрос на хороших игроков. Даже если ты просто неплохой хоккеист, на тебя обращают внимание 18 клубов. Это — много. Я спросил клубное руководство: «Как вы можете подписывать этих двоих хоккеистов, если у одного из них — проблемы со спиной, а про второго вы знали, что он болен, потому как пропустил последние двадцать матчей, но не знали, что в первый месяц он не сможет даже кататься на коньках?» Их ответ был прост: «Конкуренция на рынке». Они знали, что у обоих хоккеистов были проблемы, но конкуренция на их услуги была очень высокая. Вот так вот они оправдывали эти действия. Интересный способ ведения бизнеса, и так сильно отличающийся от того, к чему я привык.

Еще одна вещь: мы не делаем рейтинги игроков других команд. В НХЛ у всех есть досье на каждого хоккеиста лиги, и когда вы задумываетесь о каком-либо обмене, вы можете заглянуть в свою собственную внутреннюю базу скаут-данных, чтобы уточнить сильные и слабые стороны игрока. Не знаю, есть ли смысл предлагать стать первой командой, введшей систему рейтингов. Учитывая незначительное движение из команды в команду после начала сезона, может быть, на это дело и не стоит тратить усилия.

9 сентября

Мы выиграли у ХК МВД, другого новичка лиги, со счетом 5–0, при этом Трэвис Скотт дебютировал в суперлиге «сухариком». Теперь мы отправляемся на выезд, играть с воскресенским Химиком и омским Авангардом — двумя командами, высоко котирующимися по результатам великолепно проведенного межсезонья. В Химике я смогу воочию увидеть Илью Ковальчука в игре.

Как и Дацюк, Ковальчук использует угрозу остаться играть в Суперлиге как рычаг в переговорах о контракте с Atlanta Thrashers. Из-за неопределенности своего статуса Дацюк не играл в первом туре, а Ковальчук вышел. В отличие от Дацюка, который тренировался с Омском, Ковальчук даже не вставал на лед. Он сыграл в первом матче за Химик, и за три месяца это был лишь второй или третий раз, что он надел коньки. Химик проиграл, да и он не блистал. Российские газеты пишут, что Атланта сделает еще одно, более существенное предложение, и здесь заключают

пари, что Ковальчук вернется в НХЛ — потому что Химик определенно не имеет тех денег, какие может ему заплатить Атланта. Андрей Николишин подписал-таки контракт с Ладой на приблизительно 900.000 долларов, так что он, похоже, останется в России после 10 лет, проведенных в НХЛ.

Сейчас в вопросе переходов между Суперлигой и НХЛ существует неопределенность, потому что между этими двумя организациями нет трансферного соглашения. Чуть ли не единственное, что известно наверняка, и с чем все согласны — это то, что если российский хоккеист сыграет хоть один матч в Суперлиге после открытия сезона НХЛ 5 октября, он уже не сможет выступать в НХЛ в этом сезоне. Все более похоже, что Дацюк сыт по горло «перетягиванием каната» между Омском и Динамо и может просто сделать окончательный выбор в пользу Red Wings. Ковальчук, однако, остается — пока.

12 сентября

Во время предматчевой раскатки в Воскресенске я встретился со своим старым знакомым и коллегой — Владимиром Васильевым, на протяжении многих лет тренировавшим Химик. Наставником Васильева в тренерском ремесле был Николай Эпштейн, скончавшийся несколько дней тому назад. Эпштейн был крестным отцом воскресенского хоккея, он тренировал таких звезд, как Игорь Ларионов, Валерий Каменский и Герман Титов. Он мало известен за пределами России, но внутри страны он почитаем в одном ряду с Анатолием Тарасовым и другими людьми, внесшими огромный вклад в развитие российского хоккея.

Большинство канадцев начали обращать внимание на российский хоккей после суперсерии 1972 года, и знают очень немного о его развитии в отрезок между этим временем и 1956 годом, когда страна впервые появилась на международной хоккейной арене, неожиданно выиграв олимпийские золотые медали. В тот 16-летний период в Канаде преобладало мнение, что русские были конкурентоспособны в соперничестве с нашими «любителями», ветеранами и национальными командами, собираемыми отцом Дэвидом Бауэром (канадский священник, бывший хоккеист, инициировавший создание сборной Канады из игроков-любителей — прим. пер.), но и близко не стоят к уровню лучших профессионалов НХЛ. Этот миф был развеян в 72 году, но ясно, что их превращение в хоккейную державу произошло не за одну ночь. Оно состоялось, когда у руля были Тарасов и его коллеги. По существу, они положили начало российскому хоккею.

Я знал Тарасова и знал, что на него большое влияние оказали тренерские идеи некоего канадца по имени Ллойд Персивал, но

преимущественно русские заимствовали методики и путь эволюционирования у чехов. Чехи играли в хоккей еще в 20-30х годах, поэтому уже имели традиции, которых у русских не было. Но русские настойчиво учились этой игре; пару лет они тренировались и играли внутри страны, прежде чем начать выступать на международных соревнованиях. Их появление стало таким неожиданным — они буквально ворвались в элиту и через два года выиграли свой первый чемпионат мира. Все были в шоке. «Кто эти парни? Как они это делают?» К тому же, стиль их игры был совершенно отличным от того, к чему мы привыкли. Шведы и финны той поры играли больше в канадском стиле. Русские, помимо заимствований некоторых хоккейных реалий у чехов, привнесли элементы тактики из баскетбола, футбола и хоккея с мячом. Смены позиций, обратные пасы, оставления и все эти кружева запутывали всех напрочь.

И все это состоялось благодаря Тарасову, Васильеву, Эпштейну… Вот почему перед началом матча была минута молчания в память об Эпштейне. Потом началась игра, весьма упорная, закончившаяся вничью — 2–2, что было вполне хорошим результатом при тех обстоятельствах.

14 сентября

Сегодня, проведя в Воскресенске тренировку, мы вылетели чартером в Омск, сибирский город с миллионным населением. Омск великолепен, это вовсе не стылый и пустынный, как можно было бы подумать, город; в нем деревьев больше, чем в каком-либо другом российском городе. Дворец спорта снаружи выглядит как пирамида, что делает его интерьер весьма необычным. В нем должно бы хватать места на десять тысяч сидений, но из- за этой уникальной формы их только пять с половиной тысяч.

Хозяин, Роман Абрамович — олигарх, также владеющий футбольным клубом Челси. Он объявил о планах построить новую арену за 90 миллионов долларов. Именно в Омске во время локаута играл Яромир Ягр и другие звезды НХЛ, в команде с бюджетом 60–70 миллионов долларов. Мы сыграли плохо и потерпели поражение со счетом 4–1. Симчук, наш российско-украинский вратарь, бился, но мы не особенно ему помогли. Полет домой прошел в тишине; все хоккеисты понимали, что не выложились для достижения победы.

15 сентября

Непосредственно перед тренировкой Величкин и Куприянов, наши генменеджер и его зам, вошли ко мне в кабинет, и я тут же почувствовал, что они пребывают в паническом настроении после поражения в Омске. Они поинтересовались, не следует ли вторым

тренерам меньше заниматься мотивацией, а мне — сосредоточиться на тактике и подготовке. Рашников, наш хозяин, был явно разочарован нашим матчем против Омска и выразил свое неудовольствие. Я заверил обоих, что не рассчитывал идти без поражений, и что зачастую досадный проигрыш бывает неплохим способом довести кое-какие важные моменты до умов. Я смог успокоить их и сказал им, что мы должны дать команде возможность справиться с неблагоприятной ситуацией, чтобы она выросла как коллектив. Еще я напомнил им, что у нас были самые лучшие в Суперлиге итоги межсезонья, и что, со временем, мой подход и характер команды дадут отличный результат.

Проблема, насколько я понял, была в том, что в предыдущем сезоне Магнитогорск плохо играл против элитных команд, таких как Омск, вот почему наш вчерашний проигрыш неожиданно стал таким болезненным. Одним из вопросов, который я задавал себе перед тем, как взяться за эту работу, был — зачем вообще они хотят канадского тренера? В прошлом году тренером здесь был чех Марек Сикора, отец Петра Сикоры, который в этом сезоне возвращается в НХЛ. В первый год с Мареком Сикорой у штурвала команда финишировала третьей, и все были вполне счастливы. В прошедшем сезоне команда была четвертой, вылетев во втором раунде плэй-офф, и все были весьма недовольны. Здесь ведется невероятное количество статистики, и неудача Сикоры в качестве тренера состояла в том, что его команды очень плохо играли против конкурентов из числа топовых команд. Было подсчитано, что в матчах между восемью первыми командами Магнитогорск был седьмым. Компенсировал же он, выигрывая у поставщиков очков из нижней части таблицы. Поэтому, хотя признавалось, что в предыдущем сезоне команда набрала много очков, и что, да, заняла четвертое место, и, да, прошла во второй раунд плэй-офф, всё-таки было разочарование, потому что команде не удалось хорошо сыграть против тех клубов, у которых Рашников действительно хочет выигрывать. В играх навылет Магнитка взяла у Омска первые два матча из пяти возможных, но затем проиграла следующие три и вместе с ними — серию. Для Марека Сикоры это был «поцелуй смерти». Могу предположить, что и для меня возможен поцелуй смерти, если мы не обратим эту тенденцию вспять.

20 сентября

Сегодня мне позвонил Андерш Хедберг, директор по составу клуба Ottawa Senators, и спросил об Алексее Кайгородове, нашем молодом быстром центре, которого они задрафтовали во втором раунде еще в 2002 году. Команды НХЛ уже с неделю как приступили к тренировочным лагерям и сейчас изучают

последствия введения новых правил, введенных после урегулирования локаута и предназначенных сделать игру более ориентированной на атаку.

Сенаторы рассуждали, что, если теперь действительно будет больше открытого льда и меньше препятствий в игре, Кайгородов вдруг становится более привлекательным товаром — и ведь он на самом деле стал вторым по забитым голам в Суперлиге прошлого сезона. У Кайгородова великолепное ускорение и абсолютно точный пас. Его видение игры делает его классическим плеймейкером ларионовского типа. В нашей команде он играет преимущественно со Станиславом Чистовым, который немного поиграл за Anaheim Mighty Ducks в сезон их выхода в финал розыгрыша Кубка Стэнли 2003 года. Они также составляли динамичный дуэт в молодежной сборной России, за которую выступали два года. Они всегда играли вместе и, поэтому, образуют настоящую связку.

Чистов — некрупный хоккеист, он играет у нас, а не в НХЛ, потому что может зарабатывать здесь больше, чем если бы он выступал в низших лигах за клуб системы Анахайма. Мы подписали его перед окончанием локаута, и я спросил, заинтересован ли он теперь, после завершения трудового спора, в возвращении в НХЛ. Он сказал мне, что нет, остается. Он очень хочет попасть в олимпийскую сборную России и считает, что его шансы возрастут, если он будет выступать перед глазами тренера сборной на протяжении всего сезона. Чистов играл у ориентированного на оборону тренера Майка Бэбкока, поэтому немного разбирается в прикрытии зон при защите.

Мы проводим много времени, работая с Кайгородовым над видеоматериалами и выполняя упражнения по улучшению его оборонительной игры глубоко в зоне защиты. Хотя он и неплох как сдерживающий чеккер, ему необходимо добавить физической мощи при игре в защите. Он очень профессиональный молодой человек, который усердно работает на тренировках и хочет стать лучше. Он сказал мне, что его мечта — играть в НХЛ. Подозреваю, однажды он увидит осуществление своей мечты.

21 сентября

Во все времена, когда я регулярно приезжал в Россию, одним из больших приключений были перелеты Аэрофлотом, национальной авиакомпанией, с ее ветхим оборудованием, посредственным сервисом и иногда искренним страхом, что можно и не приземлиться в целости. Сегодня мы летели чартером в Нижнекамск, и старые опасения снова всплыли в памяти. Вплоть до этого момента наши поездки, за исключением тех прибытий в Магнитогорск в пять утра, проходили неплохо.

Чартерные компании имеют, большей частью, современные машины, но сегодня мы оказались в прошлом. Мы летели на двухмоторном самолете, который хоккеисты называют Птеродактиль Эйр — по причинам, не требующим объяснений. Уверен, этот самолет был построен в 1950-х. Кресла — маленькие и шаткие. Багажное отделение настолько мало, что нам пришлось сложить баулы на первых четырех рядах. К тому же, непохоже, что здесь применяются обычные полетные правила, по крайней мере, когда мы летим чартером. Например, сегодня, когда мы взлетали, спинки кресел не были приведены в вертикальное положение. Откидные столики были опущены. У хоккеистов были включены их компьютеры и ай-поды, багаж однозначно не был сложен надлежащим образом. Экипаж на длительные промежутки времени исчезал в задней части самолета, и, хотя борт считается некурящим, всякий раз при прохождении в туалет можно почувствовать запах сигаретного дыма.

А что касается дресс-кода, его просто нет. На одном краю шкалы — кто-нибудь вроде Николая Кулемина, следящего и гордящегося своим внешним видом. Кулемину, как и Малкину, всего девятнадцать лет, и обычно он носит хороший спортивный костюм, в стиле европейских спортсменов. Он во многом похож на теннисную звезду. На другом конце спектра — Станислав Чистов, или, как мы его зовем — Чизи. Возможно, из-за того года, проведенного в Анахайме, но он выглядит как американский скейтбордист. Мешковатые джинсы, с паховым швом, свисающим почти до колен, и таким видом, как будто кто-то прошелся по ним газонокосилкой. На спине куртки — англоязычная надпись, но слова не несут никакого смысла. Он носит разные новые и старые кроссовки и чудаковатые головные уборы, привлекающие внимание, где бы он ни находился. Некоторым образом манера одеваться указывает на то, как они играют. Кулемин — дисциплинирован, эффективен и настойчив. Чистов любит рисковать и действовать независимо. Он играет больше по наитию, нежели чем по плану. Если бы вы увидели нас идущими по аэропорту, вы приняли бы нас скорее за гастролирующую рок-группу со своим техперсоналом, чем за профессиональную хоккейную команду.

22 сентября

Сегодня в Нижнекамске у меня была великолепная пробежка, в красивом парке рядом с отелем. Во время пробежки я впервые увидел ресторан Макдональдс за пределами Москвы. Я ошеломлен, что в городе с населением всего 250.000 человек есть McDonald's. Наша игра начинается в шесть вечера, и я составляю планы посетить заведение — после нескольких недель питания в

нашем кафетерии слово «гамбургер» звучит превосходно.

Позже я наблюдал предматчевую тренировку Нефтехимика и заметил, что их тренер использует микрофон для подачи команд во время выполнения упражнений. Любой, кто когда-либо тренировал, скажет вам, что одна из главных забот в нашем деле — быть услышанным всей группой игроков, особенно если они не стоят вокруг тренера с планшеткой. Никогда не видел такой методики ранее, но, возможно, есть смысл присмотреться.

Вы выиграли в овертайме, 4–5, сумев в отличном стиле отыграться со счета 4–1. В раздевалке было большое оживление, благодаря этой волевой победе. Симчук провел матч с проблемами, и сейчас, я уверен, следует доверить ворота Трэвису Скотту и дать ему поиграть до появления признаков усталости.

23 сентября

По-прежнему рейсом Птеродактиль Эйр, в этот раз мы летим в Казань, впервые в этом сезоне. Многие из тех, кто следил за хоккеем во время локаута в НХЛ, вероятно, слышали о Казани, потому что там собрали звездный состав игроков. Поскольку некоторые энхаэловцы довольно тяжело привыкали к жизни в этом удаленном месте, мне было любопытно посмотреть, как выглядит этот город.

Некоторым образом он напомнил мне Санкт-Петербург, своей архитектурой и мостами. Городу тысяча лет, в нем строится много новых зданий, а старые красиво реставрируются. За стенами Кремля стоит новая мусульманская мечеть, крупнейшая в Европе. А новая арена на 10.500 мест — составная часть строительного бума в Суперлиге — вот-вот будет достроена и откроется в декабре.

24 сентября

Сегодня мы победили со счетом 3–1, проведя одну из своих самых толковых на данный момент игр. Победа над Казанью — командой, борющейся с нами за первое место — должна частично снять давление с меня и убедить Величкина, что мы находимся на правильном пути. Непосредственно перед игрой я снова поговорил с Фредом Брэтуэйтом. Даже на столь раннем этапе сезона он говорит, что этот год может быть его последним годом в России. Деньги здесь платят столь хорошие, что они являются сильным соблазном, особенно для того, кто, находясь на такой стадии своей карьеры, не имел бы постоянного места в составе клуба НХЛ. И Казань — очаровательное место, но многие вещи из повседневной жизни могут реально достать.

29 сентября

Из-за травмы плеча, полученной в победном (3–1) матче против Спартака, Малкин пропустил вчерашнюю тренировку, но

повреждение, кажется, не серьезное. На видеоразборе игры с хоккеистами мы подчеркнули один момент — им следует стараться произвести впечатление больше на тренеров, чем на болельщиков. Я посмотрел тренировку ярославского Локомотива и коротко переговорил с Владимиром Юрзиновым, тренером команды.

Юрзинов был помощником Тихонова во времена моего девятилетнего пребывания на посту тренера сборной Канады, поэтому я его хорошо знаю. Это — состоявшийся карьерный тренер; когда Юрзинов тренировал клуб ТПС из Турку, он изменил направление развития всего финского хоккея. Он доказал всем финским тренерам, что их игроки могут выдерживать гораздо больший объем тренировок, чем финны практиковали раньше. Он работал со своими хоккеистами по типично российской модели, и они пришли к победам. Поэтому другие тренеры стали перенимать его тренировочные методики, и вскоре финский хоккей стал подниматься.

Мы выиграли у Локомотива 3–0, при этом сыграв свой лучший пока матч в сезоне.

30 сентября

Я наслаждаюсь нашей победной домашней серией, потому что она облегчает давление, испытываемое мной. Величкин, насколько я понял, несколько мнительный человек. Он одержим Интернетом, из которого, преимущественно, узнает мнение болельщиков. В Магнитогорске нет спортивного радиоканала, но наш вэб-сайт сделан хорошо, на нем есть раздел «вопросы-ответы», где болельщики могут выражать свои мнения о наших выступлениях. Величкин отслеживает их сообщения с религиозным рвением, и, похоже, они оказывают влияние на принимаемые им решения. Не могу представить, чтобы какой-либо хоккейный функционер в Северной Америке действовал под влиянием общественного мнения, за исключением редчайших случаев.

Обычно мне приходится уделять прессе много времени, и, в целом, с ней до сих пор было очень легко работать. Журналисты вежливы, не задают много назойливых вопросов, пишут то, что ты говоришь. Они не стремятся производить большой шум. Но иногда, когда ты начинаешь думать, что они смирные, послушные и находятся под твоим контролем, они вдруг выдают тебе какие-нибудь статистические данные, и ты осознаешь, что они таки «делают свои домашние задания». Они знают, что происходит. Они не пишут много отрицательного, но заставляют тебя быть начеку. Так что, отношения тренер-пресса складываются довольно легко.

Октябрь

2 октября

Мы прилетели в Пермь, на матч с Молотом, одним из обитателей дна таблицы. Клуб присутствует в новостях, не столько по поводу того, что они делают на льду, сколько из-за того, что с ними происходит вне льда. Согласно газетным сообщениям, около трех недель тому назад один из руководителей клуба улетел на Кипр в отпуск, с 450000 долларов, и не купил обратный билет. Хоккеистам не платили зарплату с начала сезона, но они все же продолжают играть за мизерные деньги, и вот эта новость катастрофична для команды, из года в год борющейся за выживание в элитной лиге.

Мы выиграли 4–0, показали очень солидную игру. После матча мы с Игорем, переводчиком, отправились в город поесть пиццы. Когда мы шли по городу, посреди дороги остановился автобус, из него выскочил водитель, выбежал ко мне на тротуар и попросил автограф, при этом все пассажиры автобуса пристально смотрели и гадали, кто я такой и что происходит. Со мной такое случается впервые.

4 октября

Приехав в Москву на матч с легендарным ЦСКА, мы остановились в гостинице прямо у ворот спортивного центра армейского клуба. Я собирался направиться с Игорем в спортивно-сувенирный магазин во дворце спорта, посмотреть, что там продают, как вдруг хорошо одетый мужчина остановил меня и представился. Это был Вячеслав Анисин. Я спросил: «72?» — и в ответ он поднимает руку с перстнем, сделанным в память о Суперсерии против Канады, об этом великолепном, историческом поединке, который в одночасье принес российскому хоккею авторитет на мировой сцене. Анисин говорит по-английски достаточно, чтобы сказать: «Да, это я, '72». Если посмотреть фильм о серии 72 года, можно увидеть, что он был яркой молодой звездой той команды, он и Лебедев, им было по двадцать лет, они играли за национальную сборную, и он был очень горд этим достижением. Фостер Хьюит (известный в Северной Америке комментатор времен В.Синявского и Н.Озерова — прим. пер.) помучился с произнесением его имени. По его словам, Анисин и его партнеры по тройке доставили много «головной боли» канадской команде. Его сын — тоже отличный игрок, играет за команду ЦСКА пятнадцати- и шестнадцатилетних хоккеистов и, очевидно, будет действительно хорошим игроком.

Очень многие хоккеисты той команды-72 имеют проблемы,

связанные со здоровьем и низкими пенсиями, но Анисин — явное исключение. Он хорошо одет. Выглядит, как огурчик, ни фунта лишнего веса. Увидев его лицо, любой мог бы сказать, что он — из тех парней, кто любил физические нагрузки. Некоторые из других членов той команды, как Мальцев, например, сейчас выглядят очень старыми. В тот приезд к Спартаку ко мне подошел Юрий Ляпкин. Я встречался с ним ранее, в Японии, когда мы оба работали там тренерами. Конечно, он тоже сверкнул мне своим перстнем '72 года. Но когда смотришь на Ляпкина, видишь человека со многими годами и километрами за спиной.

В одном из концов дворца ЦСКА висит с полтора десятка баннеров, символизирующих свитера некоторых из самых известных хоккеистов. Любопытно, что некоторые номера встречаются не один раз. Там представлены Фирсов, Петров, Третьяк, Рагулин, Фетисов и другие, но пока нет Крутова и Макарова, что странно, учитывая получение обоими Золотых Клюшек лучших хоккеистов сезона в России и членство обоих в сборных командах, многократно выигрывавших олимпийские турниры и мировые чемпионаты. Тренировочный центр ЦСКА находится всего в одной остановке метро от спортивного центра Динамо, что явно усиливает соперничество между ними.

После серии побед мы выступили плохо и проиграли 4–3, завершив выездное турне на минорной ноте.

5 октября

Сегодня, чуть позже, на другой стороне планеты пятнадцатью матчами регулярного чемпионата начинается сезон в НХЛ, и это имеет большое значение для нашей лиги. Дацюк уехал в НХЛ две недели тому назад, подписав с Детройтом контракт, который принесет ему гораздо меньше, чем он заработал бы, оставшись здесь. Ковальчук технически числится в составе Химика, но клуб уже объявил, что на следующей неделе он уедет в Нью-Йорк, чтобы повидаться со своей подругой, только что родившей их дочь. Если Ковальчук сыграл бы после сегодняшнего вечера хоть один матч в Суперлиге, ему было бы запрещено играть в НХЛ в этом сезоне. Публично он продолжает настаивать, что вариант в России реален, если Атланта не даст ему контракт, который он хочет, но никто здесь не думает, что он вернется из Америки. Он будет использовать угрозу остаться в России как рычаг давления, но когда переговоры достигнут решающей стадии, он предпочтет вариант с Атлантой.

6 октября

Разговаривая сегодня с Игорем Королевым, я узнал кое-что новое: как он в детстве оказался в московском Динамо, а не в ЦСКА. Игорь жил в пригороде Москвы, в 45 минутах езды от

города. В те времена скауты московских клубов отыскивали перспективных детей и поощряли их приезжать на испытательные сборы, в возрасте около десяти лет. На такие испытания могло приехать до сотни ребят, и в конечном итоге это количество урезалось до двух-трех десятков. Я подумал, что Динамо могло получить его в результате такого массового «выброса товара», но все было гораздо проще.

Поскольку он был столь юн, родители сами привозили его на первые тренировки. Спортивный центр Динамо был на одну остановку метро ближе, чем ЦСКА, к их дому. В этом было одно преимущество. Второе состояло в том, что по пути в ЦСКА ему пришлось бы, выходя из метро с баулом и клюшкой, переходить Ленинградский проспект, одну из самых оживленных улиц в Москве. Его мама сказала: «Пойдешь в Динамо, потому что туда добираться безопаснее».

В те времена большинство лучших хоккеистов России оказывались у Виктора Тихонова в команде ЦСКА. Исключениями были другие московские клубы: Динамо — команда тайной полиции, или КГБ; Крылья Советов — команда военно-воздушных сил; и Спартак — народная команда, команда трудящихся. Между этими четырьмя клубами была неформальная договоренность не трогать хоккеистов друг у друга. ЦСКА мог прибрать к своим рукам хоккеистов вне Москвы, только призвав их на военную службу. Как, например, в случае с Игорем Ларионовым, который вырос в Воскресенске и, как только достиг определенного возраста, был призван в армию, причем команда Тихонова могла взять его себе, даже если он не хотел этого. Большинство игроков ЦСКА воспитывались в собственной хоккейной школе, но клуб также призывал хоккеистов из немосковских регионов, что часто и предопределяло разницу в выступлениях — между победами и поражениями.

Королев доволен, что играет у нас, но если бы его воля, я думаю, он бы еще поиграл в этом сезоне за Toronto Maple Leafs. Меня по-прежнему впечатляют он и Юшкевич. Они — как старые боевые кони, прошедшие многие дороги, очень эффективные для нас хоккеисты. Правда, я не уверен, что именно думает наше руководство о решении их подписать. Думаю, если они выдержат физически весь сезон и помогут нам выиграть, это заставит руководство пересмотреть свое отношение к ветеранам. Ноги у Юшкевича стали тяжелее, чем когда-либо, но он берет своей головой, боевитостью и доведением себя до нужных кондиций. Он пребывает в отличном состоянии, как только что отчеканенная монета, за исключением левой ноги, дела с которой реально плохи. Но он сыграл во всех наших матчах и не пропустил ни

одной тренировки.

Недавно Юшкевич заблокировал бросок по воротам, при этом шайба попала ему в лицо. После отскока шайбы мы подхватили ее и забили победный гол. Вот такой он хоккеист. Лежит на льду в одном конце площадки, у него идет кровь. Судья мельком смотрит на него, не догадывается, насколько травма серьезна, не останавливает игру, и в стремительной контратаке мы забиваем. Я записал этот эпизод на видео, потому что это был просто чумовой блокшот. Бог ты мой! Он не успевал закрыть игрока, но бросился под шайбу и остановил ее своим лицом. Я думал, что не увижу его в течение некоторого времени, но на следующий день кто, вы думаете, пришел на тренировку? Юшкевич! И он выглядел чудовищно. Дети, увидев его на улице, убежали бы со страху прочь. Он был похож на персонажа из фильма ужасов, со всеми этими швами, шрамами и перекошенным лицом. Он — удивительный человек. Такого же типа, как Скотт Стивенс. Любит играть и любит тренироваться.

Уже три года, как он вернулся в Россию, и глубоко в душе я думаю, он все еще был бы не прочь попытаться вернуться в НХЛ. В последний свой сезон в НХЛ он сыграл за три разные команды — Florida, Los Angeles и Philadelphia, и, думаю, пошла молва, что он, при всей своей боевитости, стал «одноногим» хоккеистом, что, возможно, легче скрыть в этой лиге, чем в НХЛ.

Два года назад Юшкевич играл в Ярославле, локаутный сезон — в Череповце, а сейчас он — у нас (2008 г. — вернулся в хоккей, в новосибирскую Сибирь, прим. пер.). Мы как-то недавно говорили с ним об изменениях, которые он видел за свою карьеру, и он сказал: «Хоккей здесь сильно изменился в плане маркетинга. Появились группы поддержки, строятся новые дворцы. Все эти косметические дела привносят новое и отличное от того, что было раньше. Но фундаментальные для хоккеистов вещи остались точно такими же». Он добавил: «Вот ты не повышаешь голос, но все другие тренеры в лиге орут на своих игроков, как и раньше. Они обращаются с тобой, как с быдлом, и выжимают из тебя все до последней капли. В этом смысле не изменилось ничего. Нам платят гораздо больше денег, чем раньше, но обращаются с нами по-прежнему». Интересно: в НХЛ у меня репутация жесткого и агрессивного. В России, вдруг, я стал умеренным.

10 октября

Одному из Викторов — Сухову, моему второму помощнику — сегодня исполнилось пятьдесят лет, по этому поводу было застолье, где от каждого ожидался тост в честь новорожденного. И я сказал свой, на ломаном русском, на максимуме своих

возможностей. Я все больше думаю о том, что сказал Юшкевич о российских тренерах и их обращении с хоккеистами. Он считает, что хоккеисты готовы к такому жесткому обращению и просто не обращают на него внимания — за годы у них выработалась устойчивость и выросла «толстая кожа». Ведь до сих пор можно часто видеть, как тренер жестко отчитывает игрока на скамейке.

Я верю в необходимость быть прямым и твердым, но редко когда дохожу до точки взрыва. Фактически, лишь два раза в своей энхаэловской карьере я обрушивался на сидящего на скамейке хоккеиста, один раз это был Игорь Уланов, второй — Сергей Макаров, оба русские. Поверьте, и чувство юмора мне не чуждо. Как тренер я стараюсь довести до хоккеистов, помимо того, что делать, то, почему надо это делать, по той причине, что они будут лучше выполнять задание, если будут понимать теоретическое обоснование тактики и системы игры. К тому же, в тренерском деле всякий раз, когда ты полагаешься на переводчика, следует помнить, что картинка (т. е., видеоклип) стОит тысячи слов. Когда перевод наших видеозанятий делает Королев, ответная реакция хоккеистов и результат таковы, что ясно — мысль доводится четко и ясно. По очевидным причинам, это имеет центральное значение для того, что я пытаюсь здесь делать.

Одним из самых больших новшеств для любого тренера (североамериканского — прим. пер.), работающего в Европе (с этим я встречался и в Германии) является то, насколько мало от тебя зависит выбор твоего тренерского штаба. В НХЛ, или в рамках программы работы с национальной сборной Канады, ты сам подбираешь себе помощников точно так же, как подбираешь команду — находя тренеров с конкретной специализацией, так чтобы коллективными усилиями были охвачены все важные аспекты: тактика, видео подготовка, сыгранность хоккеистов и т. д. Наш штаб состоит из шести тренеров, что гораздо больше, чем привычное для меня количество. Самое трудное в работе с большим штабом — это заставить каждого почувствовать, что все они вносят свой вклад в общее дело. Я поручил каждому тренеру по одному важному заданию, но я люблю сам быть при живом деле, поэтому нелегко найти что-то каждому. К счастью, у троих из них имеются административные обязанности, в дополнение к их прямой тренировочной работе на льду, так что им есть чем заниматься.

В тренерском штабе существует определенная иерархия. Например, именинник, Виктор Сухов, является третьим человеком, после Федора Канарейкина, моей правой руки, и Виктора Королева, второго помощника. Сухов никогда не играл в элитной лиге, но здесь его уважают за бомбардирские успехи тех

времен, когда Магнитогорск играл во второй лиге. Он — прямая противоположность описанному Юшкевичем типичному российскому тренеру. Приятный человек, с замечательной улыбкой, он — прототип «игроцкого» тренера, с удовольствием работает после тренировки с хоккеистами над их навыками в атакующей игре. Он также составляет наши маршруты поездок, организует проживание и регистрацию в отелях, подачу автобусов на выездах и контролирует циклы силовых упражнений, устанавливаемые тренером по общефизической подготовке.

Канарейкин играл за Спартак и Крылья Советов, а в начале 1990-х федерация хоккея дала ему разрешение играть в Австрии, при этом три четверти его зарплаты уходило федерации. В те времена это была обычная практика, способ собирать дополнительные средства для федерации путем «сдачи хоккеистов в аренду» иностранным клубам. Федор в достаточном объеме говорит по-английски, хотя недостаточно, чтобы эффективно управляться с переводом. Это жизнерадостный, открытый человек, со сверхпозитивным настроем. Я еще не видел его рассерженным. Может быть, в России сердиться — исключительная прерогатива главного тренера. Федор очень хорошо знает лигу, и это очень мне помогает. Мы часто садимся обсудить что-либо, я излагаю ему какие-то свои тактические идеи, а он высказывает свое мнение на предмет того, как они, на его взгляд, могут сработать.

Виктор Королев (не родственник Игоря Королева) — бывший вратарь, который, парадоксально, не хочет работать с вратарями, из-за чего мы летом взяли тренера для вратарей. Королев предпочитает тренировать игроков всех амплуа и он очень энергично работает на тренировках. Он любит подключаться к выполнению упражнений и придавать им «тренерского сопротивления», чтобы сделать упражнение более похожим на реальную игровую ситуацию, и это хорошо, за тем исключением, что ему часто приходится за это платить столкновениями и падениями. Его увлеченность и преданность делу восхитительна, но ему на самом деле необходимо надевать шлем! Он вошел в тренерский штаб еще при Мареке Сикоре, ведет нашу статистику и обеспечивает меня данными по итогам наших матчей.

Тренер по вратарям, Юрий Шундров, играл за киевский Сокол. К нашему коллективу присоединился уже после начала тренировочных сборов. Я помню, как он несколько раз играл за русские «сборные клубов», которые приезжали на матчи в Канаду, когда я тренировал национальную сборную команду. Как вратарь Юрий был рисковым хоккеистом, полагавшимся на интуицию. У него был очень агрессивный стиль игры, в противоположность

большинству российских вратарей, не особенно выходивших из ворот. Я надеюсь, что Юрий не будет учить наших вратарей играть в своей бывшей манере, потому что, в сравнении с ним, Жак Плант, славившийся своими выходами за пределы дуги вратарской площадки, выглядел бы неподвижным. Шундров на наших ледовых тренировках говорит и делает мало. У него есть три «тренерские» позы: а ля Кен Драйден, опираясь на клюшку; поза, при которой он держит клюшку за спиной, прислонившись к борту, и поза Мыслителя, когда он подпирает свой подбородок руками, склонившись над бортом. Все три производят впечатление, что он ждет — не дождется окончания тренировки.

У меня есть самые сильные подозрения в отношении последнего члена нашего тренерского штаба — Виктора Гудзика, тренера по общефизической подготовке, который, кажется, гордится своими методиками в области восстановления. Меня они, однако, удивляют. Он раздает таблетки и делает уколы, о которых, похоже, никто особо ничего не знает — за исключением того, что они, кажется, не противоречат политике лиги в части допинг-контроля. В Северной Америке клубные врачи обычно координирует всю программу общефизической подготовки, посттравматического восстановления и выздоровления, в то время как в России, похоже, наш врач, массажисты и тренер по ОФП работают независимо друг от друга. Во время летних сборов наши массажисты беспокоились по поводу некоторых тяжелоатлетических упражнений, назначенных Гудзиком, опасаясь, что эти упражнения приносят больше вреда, чем пользы, но они не озвучили свои опасения, даже при том, что в результате им пришлось бы иметь дело с возможными травмами. Я стараюсь не вмешиваться в эту сферу, так как знаю, что эта сторона российского хоккея уходит корнями в старые советские традиции и, вероятно, не подлежит изменениям, чтобы я ни сказал или сделал. Тем не менее, пара моих хоккеистов предупредила меня быть начеку в отношении сильного увлечения Гудзика фармакологией. Откровенно говоря, он еще и играет в политику, слишком много, к моему неудовольствию. Стоит отметить, что его не было с нами на июльском сборе в Германии, потому что он не мог получить визу — что-то связанное с какими-то веществами, которые он то ли ввозил, то ли вывозил из Германии несколько лет тому назад, из-за чего попал в список «невъездных». И, наконец, наш врач Михаил Новиков, или СуперДок, как я его называю. За многие годы он накопил огромный ортопедический опыт, но его специализацией была, хотите — верьте, хотите — нет, гинекология. Вот так вот, мы — чисто мужской коллектив, и нашим штатным врачом является

гинеколог. О некоторых вещах, вероятно, просто не надо задумываться.

12 октября

Мы прилетели чартером в Сибирь — в город Новокузнецк, находящийся севернее Монголии, на подлете увидели первый снег, лежавший на возвышенностях. Наступает зима. Я не ожидал ее столь быстрого прихода. На пробежку я вышел в шортах и тем самым привлек к себе не один долгий взгляд. Начать с того, что бег трусцой не слишком распространен в России, а уж бег по снегу, должно быть, беспрецедентен.

В эти дни в российских хоккейных кругах много говорят о том, что тольяттинская Лада, одна из лучших команд лиги, во время десятидневного ноябрьского перерыва, когда откроется очередное трансферное окно, может урезать свой состав. Даже в России, где уже ничто не должно бы меня удивлять, никто особенно не верит, что такое может случиться. Газеты пишут, что автозавод, выпускающий автомобили Лада, предпочел бы инвестировать в автогонки Формула 1, что, в некоторой степени, логично, поскольку касается его основного бизнеса. Говорят также, что клуб может вскоре уволить главного тренера — Петра Воробьева. Два сезона тому назад, к Рождеству было уволено восемь тренеров. В этом плане ситуация выглядит похожей на НХЛ.

Величкин, наш ГМ, находится на этом выезде вместе с нами, и перед сегодняшней игрой он захотел поговорить с командой и напомнить, что сегодня — день рождения Рашникова, победа была бы хорошим подарком. Мы пообедали в ресторане дворца спорта, а затем, в разгар нашего приватного видеоразбора, по пути на свой обед через наше помещение прошли несколько новокузнецких хоккеистов. Мало остается вещей, которые смогут удивить меня.

Рашников будет доволен, потому что мы выиграли 6–2.

17 октября

После победы над Новосибирском со счетом 4–1 мы вылетели сегодня в Москву; все несколько возбуждены перед игрой с действующим чемпионом — Динамо. Это будет последняя игра первого круга. Согласно принципу составленного расписания, команда встречается с каждой командой один раз, и затем, во втором круге, команды играют между собой еще раз, в обратном порядке. Мы играли с Динамо на домашнем турнире в конце августа, но с тех пор мы с ними не встречались. Команда остановилась в отеле Украина, на входе в который имеется охрана точно как в аэропорту. Вы входим, они просвечивают наш багаж, затем мы проходим через сканнер-металлоискатель.

Федора Канарейкина с нами нет. Он остался в Магнитогорске из-за высокого кровяного давления, врачи хотят положить его в больницу на обследование.

18 октября

Ну, и денек. В семь вечера у нас матч с московским Динамо, а до игры — время небольшого «простоя» во дворце. Разговаривая через переводчика со своими помощниками, я спросил: «Какие у нас планы после игры, в смысле поесть?» Предстояла полуторачасовая поездка от арены до аэропорта, и я предположил, что мы возьмем с собой еду в автобус. Да, так и есть. Я сказал: «Отлично. Что именно берем?» Они ответили: «Из Макдональдса.» «А, фаст фуд, нормально, думаю — сойдет. Когда будем забирать?» Ответ: «Не беспокойтесь, уже забрали.»

Я спросил: «Что? Сейчас только пол-пятого, а вы уже закупили еду? Где она?» У нас есть в Москве человек, работающий на клуб. Если вы — команда не из этого города, у вас бывает в Москве человек, занимающийся отелями, снаряжением и пр. В общем, нашего зовут Роман. Я спрашиваю: «Где Роман хранит эту еду?» «В багажнике своей машины.» Теперь представьте: время — полпятого дня. Матч закончится в полдесятого-десять. «Вы понимаете, что речь идет о 5–6 часах? Что еда чуток остынет? Разве нельзя было договориться забрать еду после игры, отправить за ней кого-нибудь на такси? Макдональдс находится всего в нескольких кварталах от арены». Но, когда я сказал это, на меня посмотрели как на инопланетянина. «Зачем посылать такси за едой?» Я говорю: «Чтобы она была горячей и свежей». Но нет, это невозможно.

После игры мы сели в автобус, и у каждого на сидении был такой маленький пакет с едой из Макдональдса — холодной, как камень. И — никаких проблем. Ни единой жалобы. Я сижу и жду — кто-то же должен что-нибудь сказать. Говорю переводчику: «Игорь, если кто- то что-то скажет, дай мне знать». Но нет — мы выиграли в драматичной борьбе, все были так рады этой победе, что и холодная еда прошла на ура. Так что, мы ехали на автобусе по городу и ели самые холодные гамбургеры и картофель фри, какие когда-либо приходилось пробовать. Я просто не мог понять, почему не сделать все это по-другому? Было достаточно времени, после матча, чтобы Роман съездил и забрал еду. Но они делают это по-своему. Потому что хотят делать по принципу: сделал-забыл. Это — один из нюансов, которые я здесь подметил. Они хотят только, чтобы дело было сделано и не висело над душой, и чтобы можно было на время матча уйти, покурить где-нибудь или заняться еще чем-нибудь в этом роде.

Двое из моих помощников курят, и они постоянно схиливают

на перекур. Обычно, по окончании периода они приходят ко мне в тренерскую, мы с пару минут обсуждаем ход игры, и затем они исчезают перекурить. Иногда — на дольше, чем следовало бы. Тогда я начинаю беспокоиться — когда же они вернутся? — ведь я хотел обсудить с командой пару моментов. В конце концов, я иду в раздевалку, закрываю дверь и начинаю говорить с хоккеистами. Естественно, когда дверь закрыта, они уже не входят. Иногда я буквально запирался от помощников, оставляя их за дверью, потому что не мог дольше ждать. Но они приспособились. Курить не бросили, но теперь вдыхают целую сигарету за пару затяжек. И на льду события разворачивались тоже «будь здоров». У нас были проблемы с судьей, пришлось пару раз выдержать игру в меньшинстве 5х3 в основное время. Мы сняли вратаря при счете 2–1 и сравняли на последней минуте. Затем, за десять секунд до сирены рефери выписал нам еще один штраф, в овертайме мы играли не 5х4, а 4х3, но выдержали и это меньшинство. И тут забил Малкин, мы выиграли 3–2.

С двумя голами и одной передачей Малкин стал звездой шоу. Тренер Динамо является также тренером олимпийской сборной России, и, если у него были какие-либо сомнения по поводу Малкина, сегодня они должны были исчезнуть. У Евгения была серия из пяти игр подряд, в которой он не смог заработать ни очка. Серия случилась в то время, когда у него было повреждено плечо, но дело не только в этом. Как и любой другой молодой хоккеист, он, когда шайба не шла в ворота, все больше и больше сбивался на индивидуальную игру и, в результате, у него получалось все меньше и меньше. Кроме того, думаю, его отвлекал факт начала сезона в НХЛ: Александр Овечкин уже был в Вашингтоне, а он — все еще в Магнитогорске. Я внимательно наблюдал за ним на тренировках и не видел ничего недостающего. Правда, он не был так жизнерадостен и открыт, как обычно. В последних трех матчах, однако, он вернулся к своей игре. Он снова стал делиться шайбой и играть в свой хоккей. По окончании первой трети чемпионата он — реально лучший игрок лиги.

Всего мы сыграли семнадцать матчей и закончили первый круг на первом месте, с рекордными показателями 11-2-2-2 и 39 очками. Здесь начисляется три очка за победу, два — за выигрыш в овертайме, одно — за ничью или проигрыш в овертайме, и ноль очков за поражение в основное время. В НХЛ для выявления победителя матча регулярного сезона проводятся серии буллитов (в плэйофф — нет). Здесь — наоборот. В плэй-офф бьют штрафные броски, а в регулярке допускаются и ничьи. Просто еще один пример различий.

19 октября

Я попросил одного из наших клубных водителей прокатить нас с Линдой на другой берег Урала, чтобы поближе рассмотреть металлургический комбинат. Получилось, как путешествие во времени. Все задания — постройки 1930-х годов, покрыты многолетним слоем пыли от сталеплавильного производства. Сталепрокатные станы — чудовищных размеров, снаружи они выглядят как давным-давно прожившие свои лучшие времена. Внутри, как мне рассказывают, все иначе. Видимо, для производства более высоких марок стали используется компьютеризованное оборудование, и продукция завода пользуется большим спросом.

Изначально территория Магнитогорска была заселена много веков тому назад башкирами, которые выращивали скот на берегах реки. Русские пришли сюда двести лет тому назад, первоначально — с военными целями. В середине 18 века на склоне горы, названной ими Магнитной, они обнаружили залежи богатой железной руды и начали ее добывать, используя труд преимущественно крепостных. В конце концов, деревня Магнитная стала моноотраслевым городом. Во время гражданской войны между Красной и Белой Армиями развитие приостановилось, но, после прихода к власти, Иосиф Сталин переместил в регион более десяти тысяч поселенцев, которые начали строить город и металлургический комбинат. Со временем залежи руды были истощены, теперь и руду, и уголь для домен привозят из других областей России.

Из нашей квартиры видны клубы выбросов, поднимающиеся в атмосферу, и невольно задумываешься — а какого качества был здесь воздух до того, как стали осуществляться экологические мероприятия. Как мне рассказали в ответ на мои вопросы, эти мероприятия в последние годы были сокращены на треть. Иногда мы спим с открытыми на ночь форточками и просыпаемся от запаха коксующихся углей, когда ветер меняется. На наружных подоконниках лежит черная пленка, и мы заметили, что воротники рубашек и свитеров очень быстро загрязняются.

22 октября

Сегодня, после кошмарного перелета с суточной задержкой в московском аэропорту, в Магнитогорск приехал мой старинный друг Бьорн Киндинг. У нас два дня шел снег, аэропорт был закрыт в течение всей пятницы и большей части субботы. Такое количество снега не привело бы к закрытию никакого аэропорта в остальном мире, но здесь — привело. Наш переводчик Игорь сказал, что это происходит ежегодно: первый снегопад застает всех врасплох. Бьорн привез Линде посылку с ингредиентами для

предрождественской выпечки. Он швед, но большую часть времени в последнее десятилетие прожил в Канаде. Его жена тренирует фигуристов в эдмонтонском клубе Royal Glenora. Бьорн поработал на федерации хоккея Канады и Японии, а сейчас готовит для шведских тренеров отчет о развитии детско-юношеского хоккея в России. Он пробудет здесь восемь дней, а жить будет в нашей крохотной квартире.

Геннадий Величкин переговорил со мной о привлечении из фарма нескольких игроков, один из которых — его сын Игорь. В данный момент в команде все здоровы, и даже запасные жестко конкурируют за попадание в состав, поэтому я ответил ему отказом менять что-либо в данный момент. Чувствую, это будет проблемой на протяжении всего сезона. Конечно, он хочет, чтобы мы побеждали, но еще он хочет, чтобы мы побеждали с его сыном в составе. Проблема в том, что Игорь Величкин не готов выступать в нашем стартовом составе, по крайней мере, пока у нас не начнутся травмы. Заходы Величкина нервируют моего помощника, Федора Канарейкина, потому что его сын Леонид, играющий в системе московского Динамо, вынужден зарабатывать себе место тяжелым трудом. Раз за разом Федор говорит мне, что никогда не «молвил словечко» для продвижения карьеры своего сына. То, что его так беспокоит давление Величкина по этому вопросу, вероятно, для меня хорошо. В лице Федора у меня будет союзник, если в течение сезона давление возрастет.

24 октября

Сегодня начинается второй круг чемпионата Суперлиги, и, согласно его обратному порядку, мы начинаем дома матчем с московским Динамо — командой, у которой мы только что выиграли в Москве. Вчера, после 8-дневного пребывания в больнице по причине неравномерного сердцебиения, выписался Федор Канарейкин. Лучшего момента и не придумать — его сын Леонид является защитником в Динамо, а Федор уже пропустил первую игру нашего двухраундового поединка с действующим чемпионом. Мы снова выиграли — 4–2. Дворец был заполнен, и болельщики были в восторге. Еще недавно всё, что они знали об этих знаменитых московских командах, они узнавали из газет или телевидения. А теперь они могут лично видеть их, живьем, и победы над этими командами для них много значат. Было много разговоров об Олимпиаде. Владимира Крикунова, тренера Динамо, на послематчевой пресс-конференции спросили, есть ли среди возможных кандидатов в сборную кто-либо из магнитогорских хоккеистов. Он ответил весьма уклончиво: «У нас есть сформированный список, и ничего не поменялось». Этот

список, по-прежнему — тайна, но мы считаем, что в расширенном варианте олимпийского списка есть Малкин, Кайгородов, Атюшов и, возможно, Чистов.

К этому моменту, когда мы начали вторую треть чемпионата, я пробыл здесь достаточно времени, чтобы на скамейке начать немного говорить по-русски. Это очень помогает. В раздевалке я перемежаю русские и английские слова. Я знаю русские эквиваленты слов «breakout» (отрыв) и «passive forechecking» (пассивная оборона в зоне нападения), поэтому часто в состоянии довести свою мысль на ломаном русско-английском. Но долгие разговоры с игроками я вести не могу, для этих целей мне нужны Игорь, или Дмитрий, или кто-нибудь из англоговорящих парней.

Если бы мне пришлось тренировать только на английском языке, меня понимали бы человек десять, включая обоих наших вратарей, плюс четверо парней в обороне: Бульин, Юшкевич, Варламов и Бойков. В атаке поскудней. Игорь Королев говорит бегло. Кайгородов немного говорит, но недостаточно. У Гусманова, Чистова и Александра Савченкова с английским порядок. Кайгородов по-настоящему работает над своим английским, и его уровень растет. Он еще не дошел до цели, но уже прошел большое расстояние. Что касается Малкина, не вижу никаких признаков улучшения его владения английским. Похоже, он понимает что-то из того, что я говорю, но большей частью смотрит на переводчика. Так что, этот рубеж Малкин не перешел. Я пока не собираюсь беспокоить его по этому поводу, но добьюсь, чтобы он начал работать над этим после Рождества. Он — всего лишь молодой человек, в настоящее время получающий удовольствие от игры в хоккей. На тренировки приходит с улыбкой на лице, выходит на лед, и ему это просто интересно. В НХЛ новички все одеваются в фирменные костюмы; их вкусы быстро перестраиваются на дорогие, утонченные вещи, и сами они обретают лоск. Ну, а Малкин — это такой парень, который носит синие джинсы, теннисные туфли, бейсболки. У него нет лоска. Он — как выросший на ферме паренек, и именно таким он приедет покорять НХЛ. Вы увидите немного неотесанного юношу, но полюбите его, потому что с ним легко общаться, и он просто хороший малый.

28 октября

Сегодня из Москвы с коротким визитом приехала съемочная группа кабельного канала CTV. Когда Линда услышала об их приезде, она попросила Эллен Пинчук, репортера группы, привезти нам немного свежих овощей. Эллен привезла с собой четыре кочана салата. Мы начинаем беспокоиться, так как дело идет к тому, что с похолоданием и приходом зимы в

продовольственных магазинах будет очень маленький выбор овощей. Сейчас предлагается по паре видов капусты и помидоров, огурцы и крупная пупырчатая морковь, не очень вкусная, и приготовление салата становится более затруднительным. Сыграли домашний матч с Новокузнецком. Выиграли 2–1 при довольно посредственной игре. Затем съемочная группа CTV привезла нас в наше любимое место — пиццерию, которую я обнаружил вскоре после приезда сюда. Для меня это была важнейшая находка.

Мы ехали в центр города на пресс-конференцию, и я увидел такую эту вывеску — Baskin-Robbins — кафе-мороженого, но рядом была и абсолютно новая вывеска «Pizza House». Я говорю Игорю: «Заверните сюда, сходим-посмотрим, что там такое». Мы вошли внутрь, и я узнал, в чем дело. Человек, владевший этим Baskin-Robbins, решил, что зимой надо бы заняться параллельным бизнесом, потому что с похолоданием продажи мороженого упали, и он переделал половину помещения в пиццерию. Я просто онемел от счастья, когда мы попробовали пиццу, потому что она была великолепна. В ней всё было на мой вкус: сыр хорошего сорта, тонкая корочка, все, как во многих пиццериях, в которых я побывал по всему миру. До тех пор мало что из увиденного мной в Магнитогорске сильно меня впечатляло, но эта пиццерия смогла. Мы ходим туда раз в неделю, а если Линда в отъезде, я хожу туда чаще, и, правда, пицца великолепна.

Поначалу мне приходилось объяснять, что я хотел, и это было трудно, потому что никто из работавших там людей не говорил по-английски. В первые несколько посещений я объяснялся языком жестов и использовал свой карманный словарик, выяснил, как сказать «ветчина», «сыр» и т. п. Теперь, когда я прихожу в заведение, все происходит автоматически. Я подхожу, улыбаюсь. Меня спрашивают, хочу ли я malinky, что значит маленькую, или bolshoi, т. е. — большую. Я всегда хочу bolshoi. Они знают, что пришел Coach King, и, поскольку им известно, кто я такой и чем занимаюсь, меня просят дать автограф и т. п.

С годами я научился различать хорошую и плохую пиццу — чему виной аномальный связанный с хоккеем образ жизни, подобный горению свечи с обоих концов. Приходится ездить в какие-то маленькие города в любой провинции Канады или в Европе, и поздно вечером после игры остается немного мест, где можно поужинать. Многие фаст-фудовские заведения уже закрыты, но пиццерии обычно закрываются позже. Поэтому еще на заре своей тренерской карьеры я обнаружил, что, когда мне с коллегами приходилось искать, где поесть — куда бы тебя не занесло, в любом городке есть работающая допоздна пиццерия.

31 октября

Сегодня Бъорн Киндинг уехал домой. Когда мы с ним вошли в лифт на нашем восьмом этаже, двери закрылись, но лифт не сдвинулся с места. Мы оказались в ловушке, вместе со всем багажом. А, поскольку сразу после его отъезда я собирался пробежаться, мобильник свой не захватил. К счастью, через несколько минут Линда, заметив, что нас внизу нет, и в такси никто не садится, поняла, что гулкие звуки ударов, доносившиеся до нее, исходили от нас двоих, запертых в кабине лифта. Она позвонила нашему переводчику, тот пришел, переговорил с диспетчером, и они, в конце концов, открыли двери и починили лифт. Мы с Бъорном не могли ждать, потому что он должен был успеть на свой рейс, и мы пошли вниз пешком, неся багаж и смеясь все восемь этажей пути.

Ноябрь

2 ноября

Мы вылетели рейсом Птеродактиль Эйр в Самару, откуда за час доехали автобусом до Тольятти — города, о чьей команде сейчас говорит вся лига. Завод, производящий автомобили Лада и спонсирующий команду, заинтересовался гонками Формулы 1, при этом хочет «поднять ставку» и участвовать в них в гораздо большей степени. Они считают, что в автогонках отдача для них будет больше, поскольку это — автомобилестроительный завод, но это значит, что хоккейная команда будет вынуждена обходиться намного более ограниченным бюджетом.

Говорят также, что автозавод планирует отказаться от своей женской команды по футболу, являющейся одной из лучших в России, и что у волейбола могут начаться проблемы. Это будет удар по городу Тольятти и его спорту, не говоря уже о возможной посреди сезона «смене караула» в нашей лиге вследствие их планов продать около двух третей своих хоккеистов, даже притом, что не пройдена еще и половина календаря. Когда я услышал о возможности таких событий в первый раз, я не поверил своим ушам. Я сказал нашим ребятам: «Да такого не может случиться в этом году. Может быть, это — ложная тревога». Мне ответили: «Нет. Так всё и произойдет». Представьте себе, что Toronto Maple Leafs, посреди сезона, находясь в числе соискателей призовых мест, попытался распродать все свои контракты. Представьте, что клуб подчищает свой баланс, но не перед Юрьевым днем. Сезон продолжается всего два месяца, команда занимает одно из верхних мест в таблице и имеет отличные перспективы попадания в плэй-офф. У меня просто не нашлось слов, и результат матча меня не удивил. С Ладой мы сыграли вничью, 0–0, и все ее игроки бились. Ясно, что они старались показать себя перед другими клубами Суперлиги, чтобы получше продаться, если Лада выполнит обещанное.

4 ноября

Вылетая самолетом Птеродактиль Эйр в Уфу, на последний матч перед ноябрьским перерывом, наш тренерский состав были обеспокоен тем, что хоккеисты больше думали о предстоящем десятидневном перерыве, чем об этой, последней игре. Наши опасения оправдались, когда мы сыграли плохо и уступили 4–2. Я был разочарован результатом, но мой посыл игрокам после матча был позитивным: я сказал им, что они много поработали, начиная с 28 июня, и заработали эту передышку; что они теперь должны отдохнуть, провести время со своими семьями, и затем вернуться

готовыми продолжать борьбу.

7 ноября

Естественно, не только хоккеисты будут наслаждаться перерывом. Два дня назад мы с Линдой вылетели по маршруту Магнитогорск-Москва-Франкфурт, взяли прокатную машину и приехали в г. Аугсбург, чтобы провести два с половиной сумасшедших дня с нашим сыном Скоттом и его женой Кэтрин. Конечно же, хоккей как профессия никогда не отпускает далеко, особенно в век сотовых телефонов. Сегодня мой переводчик Игорь позвонил и сказал, что слухи оказались верными — Лада распродает своих игроков, и у нас есть возможность прибрать Илью Воробьева — сына Петра Воробьева, тренера команды. Илья — не особо блистательный хоккеист, но он боец и может играть на всех трех позициях нападающего, поэтому мы решили его взять.

В Аугсбурге я увидел Скотта на льду, и, как обычно, он порадовал меня своей умной игрой и диспетчерскими способностями. Скотт играет в своей третьей команде за три последних года. Поступающие ему предложения становятся все лучше и лучше; он входит в десятку лучших бомбардиров немецкой лиги, и, похоже, он будет играть в DEL (немецкая лига хоккея с шайбой) многие годы. Даже при том, что Аугсбург борется за место в плейофф и может не попасть туда, Скотт играл сильно.

8 ноября

Теперь, по пути домой после ну-очень-уж-короткого отпуска мы пролетели по маршруту Франкфурт-Москва-Магнитогорск и прибыли опять в ноль-пять. Не уверен, приезжал ли я сюда когда-либо иначе, чем в пять утра, но и не могу сказать, что привыкаю к этому. В НХЛ, разъезды — это проблема. Когда я работал с национальной сборной, у нас бывали марафонские выезды, но никогда у меня не было ни одного года, когда я проводил бы так много времени в аэропортах и самолетах. Когда мы прилетели в Москву, нам, однако, встретилось знакомое лицо: Дин Макинтош из федерации хоккея Канады ждал нас, чтобы вместе с нами лететь в Магнитогорск. Восемь дней он проживет у нас, изучая развитие российского детско-юношеского хоккея, так же, как это делал Бьорн Киндинг. Наша квартира невелика, но мы рады компании, и не только потому, что Дин привез обязательную передачу: книги, диски, журналы на английском, кое-что из любимых вкусняшек, например, шоколадную крошку, с которой Линда выпекает свое особое овсяное печенье.

10 ноября

Чемпионат возобновится только через шесть дней, пока не

завершится кубковый (так у автора; видимо, Кубок Карьялы, прим. пер.) турнир в Финляндии. От нас там играют трое хоккеистов, а все остальные вернулись к ежедневным двухразовым тренировкам с наземным занятием между ними. Я огорчен тем, что Фиш, талантливый, но непостоянный форвард, не будет участвовать в тренировках. Сезон у него пока проходит ни шатко, ни валко, он вовсе не проходит в шестерку предполагавшихся мной лучших нападающих команды. Он пришел сегодня на тренировку со сломанным пальцем ноги. Мои помощники говорят, что травма была получена не на льду, в результате пьяного инцидента. Видимо, такое случается с Фишем не в первый раз.

Я стараюсь более-менее регулярно отслеживать новости из НХЛ, и одной из крупных проблем в этом сезоне является эпидемия травм в паховой области. Я не врач, но у нас здесь и близко нет такого количества растяжений паха, и я подозреваю, что это связано с огромной силой, развиваемой российскими хоккеистами в четырехглавых мышцах. Это — черта, характерная для всех, не просто для какой-то группы хоккеистов. Сила ног российского хоккеиста просто поражает. Практически у каждого из них — огромные четырехглавые мышцы, придающие такую мощь шаговому движению. По достижении восьми-девяти лет они начинают проделывать огромный объем работы по развитию силы ног. Подростки не работают с тяжестями, потому что их кости пока находятся в важной фазе роста и не готовы к таким нагрузкам. Вместо этого они проводят много упражнений в положении глубокого приседа, как, например, ходьба гусиным шагом. Они играют в догонялки или передают друг другу баскетбольные или набивные мячи, находясь в глубоком приседе. Результат очевиден, когда видишь их катающимися на коньках. Тренируются они на развитие силы, но фактически развивают быструю, взрывную мощь, определяющую старт и ускорение при катании на коньках. Наша команда ежедневно проводит небольшую часть времени, работая над силой ног, даже в дни матчей. И сейчас, в середине этого перерыва, тренировочные нагрузки значительно возросли. Каждый день вплоть до возобновления чемпионата наши хоккеисты будут совершать по двести прыжков через препятствия, поднимать по несколько тонн тяжестей и пробегать по несколько километров в рамках четырехдневного тренировочного блока высокой интенсивности, просто чтобы повысить уровень физической готовности.

12 ноября

Мне пришлось изменить порядок своих пробежек, потому что бегать по утрам стало слишком трудно. Стало очень темно, а

дороги подобны минным полям. Они очень неровные, приходится ступать очень осторожно, чтобы не угодить в огромную яму или не подвернуть ногу в щиколотке. На прошедшей неделе я попробовал пару раз пробежаться днем, и получается гораздо лучше. К тому же, при дневном свете я вижу многие вещи, и одно из самых значительных изменений в ландшафте — довольно быстрое строительство нашей новой арены. Все сваи уже на своих местах, забиты, что является самым первым и важным шагом до того, как зима остановит такие работы.

13 ноября

С тех пор, как несколько дней тому назад сюда приехал Дин Макинтош, он все время, с утра до вечера, проводит во дворце, наблюдая за тренировками, проводя интервью и собирая максимум возможной за такой короткий визит информации. Вот, собственно, что и значит быть хоккейным тренером: проводишь свою тренировку, а затем сидишь-смотришь, как свои тренировки проводят другие. Одной из главных причин моего приезда в Магнитогорск была возможность понаблюдать за российскими тренировочными методиками изнутри. То, что хотел сделать Бьорн Киндинг; и то, чем сейчас занимается Дин. И во время этого перерыва в календаре у меня тоже было гораздо больше времени посмотреть на увиденную мной хоккейную фабрику в действии. И Дин, и Бьорн узнали то же, что я открыл для себя за первые четыре месяца пребывания здесь — что система подготовки молодых хоккеистов уникальна и очень отличается от того, к чему мы привыкли в Северной Америке.

У нас в команде есть несколько хоккеистов, включая Малкина и Кайгородова, которые выросли в детской хоккейной школе Металлурга (Магнитогорск). Когда они называют это школой, они и имеют в виду буквально школу. К хоккею они подходят так же, как мы в Северной Америке подходим к образованию для наших детей. У них бывают ежедневные тренировки на льду под руководством обученных профессиональных тренеров, для которых это — основная работа. Если ты подходишь для хоккейной школы, то проводишь половину дня в классе, а вторую половину — на льду.

Детские хоккейные программы разделяются на две четкие группы — для детей до десяти лет и после одиннадцати включительно. Младшие играют два турнира в сезон, но они не играют в лигах. У них бывают занятия на льду в течение восьми месяцев, с 1 сентября до конца апреля, пять раз в неделю, при этом шестой день они тренируются на земле. По достижении 11 лет для них многое меняется. Они начинают проводить матчи по всему своему региону. В хоккейном плане Россия разделена на

шесть регионов, наш называется Уральско-Западносибирский. Некоторые из этих поездок бывают долгими и трудными. Например, чтобы сыграть с Омском, находящемся в нашем регионе, наши мальчишки едут четыре часа на автобусе до Челябинска, пересаживаются на поезд и едут более полусуток, чтобы сыграть два матча, после чего возвращаются домой. И это, напоминаю, одиннадцатилетние дети.

Старшая группа (11–16 лет) начинает сезон на два месяца раньше — с 1 июля они месяц занимаются на земле. Занятия на льду начинаются 1 августа и продолжаются до середины мая. Тренировки продолжаются полтора часа, мальчишки бывают на льду шесть раз в неделю. За сезон, продолжающийся десять с половиной месяцев, у них бывает около сотни тренировок, сотня наземных занятий вне льда и тридцать шесть матчей своей лиги. Также они проводят 12–15 товарищеских встреч и до десятка игр на вылет. В прошлом году Магнитогорск выиграл чемпионат России для мальчиков 1991 и 1992 годов рождения, так что эти хоккеисты провели суммарно 240 часов на льду, еще 150 часов отдали наземным тренировкам, сыграли 50–55 матчей и записали на свои счета тысячи километров бонусных очков, потому что наш регион такой обширный. Поразительна их преданность хоккею, много объясняющая — стоицизм перед лицом тяжелого тренировочного графика и способность приходить в себя после долгих изматывающих поездок, которые становятся их реальностью, когда они начинают выступать как профессионалы в такой огромной стране.

В большинстве российских клубов принято, что один и тот же тренер остается со своей группой мальчиков на протяжении десятилетия — с момента, когда они в возрасте 5–6 лет начинают, до шестнадцатилетия. Такого рода непрерывность позволяет тренеру оказывать реальное воздействие на развитие хоккеиста в течение десятилетнего периода. Большинство тренеров в системе Магнитогорска имеют какое-либо высшее образование в сочетании с продвинутым практическим опытом игрока, что делает их очень компетентными.

Затратами, которые являются столь важным фактором в Канаде и США, здесь можно пренебречь. Плата за занятия хоккеем составляет около 5 долларов в месяц, а с возраста 13 лет и выше клуб предоставляет всю экипировку. Женского хоккея в большинстве городов нет, и, насколько мне сказали, особого будущего у него не просматривается. Даже для мальчиков юношеский хоккей предстает, скорее, элитным видом спорта; хоккеисты среднего уровня и ниже отсеиваются рано. Целью для каждого мальчика (и его тренера) является Суперлига, но если он

демонстрирует ограниченный потенциал, у него не много альтернатив — здесь нет рекреационных или домашних лиг, как у нас в Канаде. Единственной альтернативой для них является игра на открытых площадках, без тренеров. В большинстве городов имеются открытые катки, где непрошедшие в элитный поток и отсеянные мальчишки могут играть в упрощенный хоккей. Но у них нет ни тренеров, ни судей, ни структурированных лиг. Они могут играть просто для себя, и если они это хотят, им приходится самим чистить катки от снега.

Для оставшихся же хоккеистов одним из самых явных отличий в тренировках становится то количество времени, которое они проводят за каким-либо отдельным упражнением. Часто они выполняют одно и то же упражнение минут двадцать. Лед делится на три зоны, три группы хоккеистов меняются зонами и за час они проводят в каждой зоне по двадцать минут. Тренеры считают, что «повторение — мать учения». Смотреть, как сосредоточенно и дисциплинированно эти юные хоккеисты повторяют одно и то же упражнение, это нечто. В первые минуты тренеры проявляют терпение, пока мальчишки ни привыкнут к упражнению, но как только они приспособятся, тренеры начинают требовать темп. Они проводят многие часы над отработкой катания и контроля шайбы; обычной ситуацией является то, что половину тренировки юный хоккеист работает с шайбой. Тренеры также координируют упражнения, требующие весь лед или его небольшую часть, так, чтобы юные хоккеисты отрабатывали все аспекты катания и контроля шайбы. Большинство команд состоят из пяти пятерок, при этом две сильнейшие пятерки проводят много соревновательных упражнений друг против друга. К тому же, две лучшие пятерки получают чуть больше внимания со стороны тренера, потому что именно они, вероятнее всего, перейдут на следующий уровень. И оценка деятельности тренера основывается, главным образом, на том, сколько хоккеистов выйдет на высший уровень, после достижения возраста 16 лет. Все просто: воспитай несколько хороших игроков, и ты — хороший тренер, со всеми сопутствующими вознаграждениями и привилегиями. Тренеры, признанные и вознагражденные в Магнитогорске, — это те, кто воспитал малкиных и кайгородовых, молодых звезд Суперлиги.

Как только хоккеист достигает возраста 17 лет, он допускается к матчам в Суперлиге, но очень немногие готовы к этому в таком возрасте. По правилу каждая команда обязана выставить в своем составе двух «одетых» девятнадцатилетних игроков. Помимо этого, почти каждый клуб Суперлиги имеет фарм-команду, имеющую в составе 17-, 18- и 19-летних

хоккеистов, которые соревнуются в третьей лиге, лиге для взрослых, где качество игры достаточно высокое для их совершенствования.

Но что мне нравится в их подходе больше всего, так это время, которое они тратят на выработку навыков и тактики атакующей игры. Например, когда они проводят с мальчишками простые упражнения один-в-один, тренеры концентрируются больше на атакующих навыках, чем на оборонительных. Они постоянно подталкивают мальчишек к поиску новых решений в игре один на один. Они работают над катанием и контролем шайбы так много, что эти юные хоккеисты обретают уверенность в попытках обыграть защитников и демонстрируют находчивость в игре на малых площадях. Нападающие начинают какое- либо движение против защитника и в ходе этого движения они способны реагировать на действия защитника и находить решение. Часто в начале тренировки я разбиваю своих игроков на пары и заставляю их соперничать один-в-один на малой территории. Затем я просто встаю и наслаждаюсь зрелищем. У них настолько быстрые руки, как будто шайба приклеена к их клюшке. Вместе с отличным маневренным катанием это делает задачу защитника трудной. Они редко когда бывают неподвижными, они чувствуют силовое давление, они делают много обманных финтов и могут изменить направление на крохотном пятачке. Добавьте сюда отличные навыки прикрытия шайбы, и станет понятно, как им удается практически испаряться перед защитником. Есть старая хоккейная пословица: когда встречаешь соперника, ты должен заполучить либо курицу (игрока), либо яйцо (шайбу), но не одни только перья. Когда встречаешь российского хоккеиста, часто остаешься только с перьями.

15 ноября

Регулярное первенство возобновится завтра, после десятидневного перерыва на международный турнир, давший европейским сборным возможность собраться и потренироваться. В олимпийский год важность такого мероприятия заметно возрастает. Мы сыграли три тура второго круга и занимаем первое место. После всех треволнений начала сезона все довольны нашим продвижением, но перемещения хоккеистов во время первого трансферного окна могут изменить баланс сил в лиге и сделать второй круг более сложным.

Как объявлялось, Лада, занимавшая седьмое место из восемнадцати команд, продала одиннадцать своих хоккеистов, тем самым сократив платежную ведомость на 7–9 миллионов долларов. Ни в одной профессиональной лиге, с которой мне

приходилось иметь дело, вы не встретите ситуацию, когда команда, занимающая седьмое место и играющая очень неплохо, вдруг отпускает одиннадцать игроков.

Лада сохранила только семерых хоккеистов из первоначального состава и ввела ряд игроков из своего фарм-клуба. Кроме того, они арендовали несколько хоккеистов из других команд лиги — молодых игроков из фарм-клубов или из числа тех, кто не играл постоянно за основу своих клубов. Поскольку мы хотим, чтобы наши молодые игроки развивались, мы отдали в аренду Ладе двоих — защитника Рината Ибрагимова и форварда Игоря Величкина, сына нашего генерального менеджера Геннадия Величкина.

В НХЛ тоже бывают, и много, обменные комбинации с участием отцов и сыновей, но этот обмен для меня был первым. Лада отправила к нам Павла Воробьева, сына их тренера, а мы отправили к ним Игоря Величкина, сына нашего генерального менеджера. Речь не шла о том, что Геннадий Величкин обменял своего сына, потому что права на него по-прежнему оставались у нас, и мы заберем его обратно к началу следующего сезона. Геннадий дважды разговаривал со мной о введении его в состав, и дважды я отклонял его просьбы. Я говорил: «Я просто не могу сделать это, потому что у нас в команде есть лишние игроки, борющиеся за попадание в стартовый состав, и я обязан сохранить их доверие — я обещал, что если откроется какое-либо место, они будут первыми кандидатами на него».

Предположительно, это подвело Величкина к мысли, что его сын не будет играть за нашу команду, поэтому я должен пристроить его куда-нибудь в другое место, если он хочет играть в Суперлиге в этом сезоне. Но ему было трудно сделать такой шаг. У них в семье близкие отношения. Кроме сына, есть еще и дочь, и Игорь долгое время находился под крылом своего отца. Геннадию явно тяжело видеть, как Игорь «улетает в свободный полет». Федор Канарейкин, мой помощник, предполагает, что в следующем сезоне уже не будет варианта отправить Игоря поиграть где-нибудь в другой команде; он должен будет выступать за нас. Это будет проблематично, потому что мы оба знаем, что он — средний хоккеист с амбициозным отцом. Такого рода комбинация никогда не приносит ничего хорошего для главного тренера.

Хорошая новость заключается в том, что Лада знаменита в России как одна из команд, где играть тяжелее всего. Не потому, что город не большой, или клуб не великий, или место не самое престижное, а потому, что тренер команды, Петр Воробьев, известен как один из самых жестких российских тренеров. Он

выжимает из хоккеистов все до последнего. Так что, Игорь покидает родительское гнездо и едет в команду, где нужно всегда быть в готовности и начеку, и придется много работать. Братья Саттеры в сравнении с Петром Воробьевым выглядели бы добродушным Жаком Демером. Он — человек с нелегким характером и состоявшийся тренер. В начале сезона ходили разговоры, что клуб собирался уволить его, но он мобилизовал команду, и они выиграли восемь матчей подряд. Теперь, когда они так уменьшились в размерах, будет интересно посмотреть, насколько хорошо они справятся с ситуацией.

Тем временем Химик, после отъезда Ковальчука в НХЛ, никак не мог найти своей игры, и их реакцией была покупка шести игроков Лады и еще двоих из других клубов, что сразу придало им глубину состава и сделало претендентом на высокие места. Сейчас у них сложилась серьезная команда. Им еще предстоит сыграться, но уже просматриваются четыре очень сильные пятерки, в то время как раньше можно было использовать слабость их третьего и четвертого звеньев.

Все следят за успехами Ковальчука в НХЛ, и примерно семнадцать команд лиги смеются, потому что он забивает голы за Атланту, а не за Химик. Когда они потеряли Ковальчука, команда как будто утратила все надежды. Вот почему они вышли на рынок и купили 8–9 игроков Лады, включая Александра Семина, очень хорошего хоккеиста, надежду клуба Washington Capitals, вернувшегося в Россию из-за спора по поводу контракта. Северсталь тоже купила пятерых хоккеистов, один из которых пришел от нас — это Сергей Арекаев, которого я не смог регулярно ставить в основной состав. Омский Авангард получил Милана Новака, великолепного бомбардира из чешской лиги, заплатив за него большую трансферную сумму. Мы обсуждали вариант подписания Джейсона Крога, бывшего игрока Уток, и Рэма Маррея, бывшего Нефтяника, но решили, что среди них нет таких хоккеистов, на кого следовало бы израсходовать легионерскую вакансию. По крайней мере, сейчас.

16 ноября

Дин уехал сегодня утром, а вечером мы играли с пермским Молотом и победили 4–0. Хоккеистам Молота не платили зарплату с августа, тем не менее, они продолжают биться. Некоторые из их игроков просили ленту для обматывания клюшек у наших хоккеистов, а тренеры рассказали нам, что им приходится даже самим покупать мыло и шампунь для принятия душа. Помните, несколько месяцев назад газеты сообщали, что президент баскетбольного и хоккейного клуба Молот неожиданно улетела на Кипр с 450 000 долларов. Сейчас она вернулась в

Пермь, но никто, похоже, не знает, что случилось с деньгами. Или мне не говорят, когда я спрашиваю. Все просто пожимают плечами и говорят: «Это — Россия», как будто это должно все объяснить; как будто я прожил здесь уже достаточно долго, чтобы понимать, что некоторые вопросы лучше не задавать, а некоторые ответы — не произносить.

17 ноября

Владислав Бульин, один из моих настоящих бойцов-защитников, заглянул ко мне в кабинет в качестве упредительной меры. Он хотел сообщить, что Гудзик, возможно, придет с жалобой, что Бульин не принимает таблетки, выдаваемые ему Гудзиком. Обычно Гудзик карает такие акты несоблюдения субординации, обвиняя хоккеистов в пьянстве или избыточном весе. Я уже понял эту манеру Гудзика, поэтому сказал Бульину не волноваться, и что я улажу вопрос. Конечно, чуть позже пришел Гудзик и потребовал оштрафовать или усадить Бульина на скамейку за избыточный вес. К счастью, мы взвешиваем хоккеистов каждые десять дней, и у меня в портфеле как раз были самые последние результаты взвешивания. Я достал их и показал, что вес Бульина не изменился ни на грамм. Разговор на этом закончился, и Гудзик ушел, ворча что-то по-русски. Что именно, я не понял, но догадываюсь — что-то не очень лестное.

Я говорю хоккеистам, чтобы они, когда Гудзик дает им свои коктейли, настаивали и узнавали, что они принимают. Увы, они воспитаны в традиции не задавать вопросы начальству. В прошлом году пятеро наших игроков вызывались на сбор молодежной команды России, и двое не прошли тест на допинг. Не удивительно, что хоккеисты обеспокоены тем, что им предлагается употребить.

18 ноября

Сегодня вечером у нас вторая возможность сыграть против ЦСКА, знаменитой Центральной команды Красной Армии, и мы с нетерпением ждем маленького реванша. В начале октября мы проиграли им со счетом 4–3 (второе из наших трех на сегодняшнюю дату поражений). Все билеты распроданы, ожидается интересный матч, потому что армейцы на подъеме. В последних шести играх они забили тридцать голов, а пропустили всего двенадцать. Мы идем на первом месте, они — на третьем, но отстают всего на пять очков, поэтому победа в основное время (дающая три очка) может сократить разрыв до минимума.

Матч выдался отличным, у нас получилась великолепная игра. Мы выиграли в эмоциональном и стремительном поединке со счетом 6–2.

Виктор Тихонов больше не стоит за скамейкой армейцев.

Сейчас он — президент клуба, а тренером является Слава Быков, постоянный член сборной страны на протяжении более чем десяти лет, закончивший свою карьеру игрока в Швейцарии, хотя он и имел шанс поиграть в НХЛ за Quebec Nordiques. Тихонов на матч не приехал, поэтому я не смог повидаться со своим старым соперником времен холодной войны. Мне было бы интересно узнать, как ему живется сейчас, когда он больше не тренирует. Он всегда был карьерным тренером, а из таких тренеров получаются неважные администраторы. Кроме того, он — часть прежнего мира, а российским спортом сейчас руководит Слава Фетисов, который был в непростых отношениях с Тихоновым на протяжении большей части своей карьеры игрока. Но даже без Тихонова за скамейкой выводить команду против ЦСКА было волнительно, потому что на протяжении многих лет этот клуб был основой олимпийской команды, с небольшими включениями игроков московского Динамо. Так что, ЦСКА представляет собой значительную часть истории российского хоккея. Взять у них реванш, в ответ на то, как они обошлись с нами на своем поле в первом круге, было действительно сладкой местью.

19 ноября

Большая новость в здешних газетах — Динамо (Москва) подало в американский суд иск против Washington Capitals в попытке вернуть себе Александра Овечкина. Динамо пытается добиться решения американского суда по принудительному исполнению решения российского арбитражного суда, постановившего, что Динамо, а не Capitals, правомочно обладает контрактными правами Овечкина на этот сезон. Овечкин ушел из Динамо еще в апреле, после завоевания ими титула чемпионов Суперлиги, подписавшись за Омск, но его омский контракт содержал оговорку, позволявшую ему выйти из сделки до середины июля, если он решит уйти в Вашингтон — что он и сделал. Вот здесь-то и возникли сложности: российский суд постановил, что Динамо разрешалось повторить контрактное предложение Омска — на 1,8 миллионов долларов, но динамовский контракт, очевидно, не содержал такой оговорки. А Овечкин ни на йоту не уступает энхаэловской звезде Сидни Кросби, поэтому Вашингтон менее всего заинтересован в том, чтобы упустить его.

Турнирные дела у Динамо, однако, неважные. Они проиграли шесть матчей из восьми, чем может быть объяснено время этой судебной инициативы. Мы считаем, что это, конечно — плод чьего-то воображения. Вот что, во всяком случае, сказал наш Величкин: никаких шансов, что Овечкин вернется, ни при каких обстоятельствах. Динамо просто находится под прессом — надо

что-то делать, поэтому они и гонятся за несбыточной мечтой вернуть Овечкина.

Все же, мне интересно посмотреть на вещи с российской точки зрения. В НХЛ мы драфтуем российских хоккеистов, просто исходя из того, что лучшие приедут, в конечном итоге, в Северную Америку, если представится возможность. В конце концов, НХЛ — лучшая лига мира, в ней платят самые высокие зарплаты, жизненные удобства и стиль жизни в целом превосходны, так почему им не хотеть приехать?

Сейчас, однако, картина с другой стороны океана смотрится иначе. Российские команды вкладывают много усилий и времени в воспитание хоккеистов. Когда они выращивают молодого игрока топ-класса, способного взломать игру, привлечь полный стадион зрителей, заставить спонсоров гордиться своей командой, для них важно удержать такого хоккеиста как можно дольше. Проблема в том, что им редко когда удается удерживать своих молодых звезд надолго. У них есть возвращающиеся игроки хорошего качества, такие как Алексей Морозов, выступающий сейчас за Ак Барс, — а Питтсбург вполне мог бы сейчас пользоваться его услугами. Здесь также играет Александр Семин, неплохой игрок, хотя не такая большая звезда как Малкин или Овечкин. Им нужны эти хоккеисты в лиге… хотя бы немного подольше. Клубы должны получать какую-то отдачу от воспитания у себя хоккеистов.

Несколько лет тому назад лига постановила, что каждый клуб должен иметь к 2007 году новую арену вместимостью минимум семь тысяч посадочных мест — современную, с телевизионными мониторами и всеми удобствами. Это требование было также узаконено федерацией. Таким образом, все старые дворцы выводятся из оборота, и клубам дается 3–4 года на строительство новых. Вчера вечером свой новый дворец открыл Нефтехимик. Казанский будет готов к середине декабря. И для этих дворцов нужны не только стареющие звезды, для привлечения болельщиков нужны и молодые звезды.

Величкин обмолвился, что сегодня могут начать забастовку хоккеисты Молота. Им не платили с августа, и, видимо, они сыты по горло и заявили хозяевам клуба, что не будут играть, пока им не выплатят положенные деньги. ХК МВД, милицейская команда, тоже не получала зарплату два месяца, и поговаривают, что у них тоже может возникнуть конфликт. Видимо, спонсор клуба где-то ошибся с вложением средств и поэтому не в состоянии платить хоккеистам. Да, сложновато тут как-то. Что-то будет дальше?

21 ноября

Газеты заполнены пересудами о том, что Малкин сыграет в

сборной России на молодежном чемпионате мира в Ванкувере, а затем и на Олимпиаде. Нам не надо ни одного, ни другого; мы опасаемся, что это опустошит его эмоционально. Молодежный чемпионат — это напряженный турнир, к тому же наша лига не делает перерыв на время его проведения. Элитные команды продолжают играть, потому что они временно лишаются только своих хоккеистов 86-го и 87-го годов рождения, призываемых в сборную страны.

Небольшая жертва, учитывая, что они не являются ключевыми игроками команд. У нас несколько иная ситуация. Малкин — наш лучший снайпер и лучший хоккеист. И он не только лучший по своему 1986 году рождения, он — лучший хоккеист всей российской Суперлиги за прошедший период.

Мы эгоистично верим, что он не сможет сыграть сначала в Канаде с 21 декабря по 6 января, а затем, через три с половиной недели, в Турине. Это будет слишком. Представьте себе: когда в следующем месяце у нас наступит второй перерыв, Малкин будет выступать на Кубке Росно, начинающемся 15 декабря. Затем ему надо будет играть на молодежном чемпионате мира. Затем — вернуться и пройти насыщенный график игр в течение трех с половиной недель (нам придется сыграть и матчи, пропущенные из-за участия в розыгрыше рождественского Кубка Шпенглера), и после этого сыграть на Олимпиаде. По ее окончании нам придется поднапрячься в последние пять туров регулярного чемпионата, после чего мы тут же начинаем игры на вылет.

Поэтому мы всего лишь попросили федерацию определиться и сообщить нам. Похоже, его хотят видеть в олимпийской команде, вместе с 5–6 другими хоккеистами из российской лиги. Малкин сыграл за сборную на прошедшем чемпионате мира. Он выступил неплохо — а сейчас он стал еще лучше. Поэтому мы надеемся, что его отберут только на Олимпиаду. Так было бы лучше для всех.

22 ноября

Мы обыграли Спартак со счетом 5–3, но в концовке игры мы были довольно беспечны, и победа чуть не ускользнула от нас. После игры я пообщался с двумя канадскими спартаковцами — Тайлером Моссом и Дэвидом Лингом. Похоже, в Москве им нравилось. Они рассказали мне невероятную историю о своем одноклубнике, Рике Мрозике, о его приключениях в этом сезоне. Мрозик — американец из г. Дулут, шт. Миннесота. Когда-то он подавал неплохие надежды, но в итоге сыграл в НХЛ всего два матча за десять лет, поэтому прошлым летом, когда стало ясно, что ему придется, скорее всего, так и провести остаток своей карьеры в низших лигах, они с Тайлером, который играл вместе с

ним в каком-то клубе из системы Edmonton Oilers, решили попытать счастья в России и подписались за Спартак.

В начале августа на матче предсезонного турнира в Перми Мрозик катился в своей зоне спиной вперед и натолкнулся одного из игроков Молота. Он ударился головой об лед, и у него треснул череп, но только диагностирован он был не сразу. Сначала сказали, что у него просто небольшое сотрясение, и не надо беспокоиться. Но затем головная боль усилилась, и, наконец, его поместили в больницу Перми, где и поставили правильный диагноз. Ему пришлось сделать срочную хирургическую операцию, чтобы снять давление жидкости на мозг. Могу представить, что он, должно быть, чувствовал. Год назад, во время локаута, в Риге от сердечного приступа скончался Сергей Жолток. В каждой команде есть врач, но в этих старых дворцах у них и близко нет оборудования для чрезвычайных ситуаций, какое есть в НХЛ.

Команда, естественно, вернулась по окончании турнира в Москву, но Мрозик с ней ехать не мог, да и вообще он не мог лететь самолетом, ввиду давления воздуха в салоне. Так что, после 17-дневного пребывания в больнице ему пришлось ехать в Москву поездом. К тому времени истек срок его визы, а когда он подъезжал, в его поезде устроили проверку документов. У него не оказалось нужных бумаг, поэтому его увезли в сизо и допрашивали дня два, прежде чем, в конце концов, отпустили.

Потребовалось еще несколько месяцев, прежде чем он стал физически способен летать самолетом, и только позавчера ему дали медицинское разрешение лететь домой в Штаты. Он уже думал, что никогда не вернется. Но, после всего пережитого им, у кого повернется язык обвинить его?

23 ноября

Похоже, ярославский Локомотив будет одним из главных соискателей. Вчера мы проехали на автобусе 250 км от Москвы до Ярославля. Где-либо в другом месте такая поездка займет около двух часов, но здесь мы ехали четыре с лишним часа, из-за узких и загруженных дорог. К счастью, у нас было два автобуса, и у хоккеистов было много места, они могли ехать лежа.

После предматчевого обеда я пошел в старый город, пройтись вокруг кремля. Обычно мы связываем слово «кремль» с резиденцией правительства в Москве, но каждый крупный город России имеет свой собственный кремль, представляющий собой крепость внутри стен старого города. Сотни лет назад, когда Москва и Ярославль были маленькими городами, люди жили с внешней стороны стен, а при нападении врагов находили убежище внутри кремля.

Ярославский кремль просто удивителен. Это — старая, разрушавшаяся крепость, но ее хорошо отреставрировали. Городу 995 лет, через пять лет он будет отмечать тысячелетие. Когда приезжаешь сюда из Канады, понимаешь, что мы как страна — еще младенцы. Иногда мне хочется ущипнуть себя: «Очнись!». Контраст просто поразительный: вечером ты находишься на хоккее в абсолютно новом дворце, построенном в 2002 (так у автора — прим. пер.) году, и это — великолепное, современнейшее сооружение. А днем, в городе, ты бегаешь вокруг кремля, построенного в двенадцатом веке, и часть первоначальной кладки лежит еще с тех пор.

Мы выиграли со счетом 2–0, а после матча я одержал победу иного рода. Наверное, что-то из сказанного мной дошло до цели. Когда мы отправились на автобусе в 40-минутную поездку до аэропорта, на каждом сидении лежало по пакету из Макдональдса. Я подумал: «О, нет!» Но в этот раз они были теплые. Окей — не горячие, но все-таки теплые. Победа!

24 ноября

Еще одно подтверждение того, что у здешних хоккеистов менталитет отличается от любого из встречавшихся мне в других командах. Чартер из Ярославля прилетел домой в три тридцать утра по местному времени. Мы только что выиграли два важных матча на выезде. На улице было минус шесть, и мы сказали ребятам, что у нас есть две новости — хорошая и плохая. Хорошая состояла в том, что у нас не будет утренней ледовой тренировки.

Плохая — что мы побежим шестикилометровый кросс, после которого дневная тренировка пройдет в зале тяжелой атлетики. Ни один глазом не моргнул, когда они услышали это. Ни одной жалобы. Никто ничего не сказал. Некоторым образом я даже почувствовал, что они благодарны за то, что, по крайней мере, им не придется кататься на льду. Я здесь уже пятый месяц, и по-прежнему замечаю, что подхожу к таким решениям с точки зрения североамериканского тренера. Я подумал: «Господи! Эти парни когда-нибудь начнут раздражаться, услышав такое?» Потом входишь в раздевалку — они там переодеваются для бега: да и черт с ним, сегодня побегаем на морозе.

Тем временем я просматриваю видеозапись игры в Ярославле, и мне вдруг пришло в голову, что Малкин в тот вечер играл точно в энхаэловской манере. Он играл атлетично и жестко в обороне, и восхитительно — в атаке. Казалось, у него бесконечный запас сил. Я думаю, он учится, наблюдая за Игорем Королевым и Дмитрием Юшкевичем, которые в тот вечер дали блестящий пример молодым игрокам. Они бьются в каждой смене. И они рулят в раздевалке, когда в раздевалке требуется порулить. Это так

облегчает мне работу — да и любому тренеру — когда стандарт выступления устанавливается внутри коллектива, самими хоккеистами. Единственным огорчением всего дня было то, что в матче против Ярославля Трэвис Скотт потянул паховую мышцу, и наш врач сообщил, что ему потребуется некоторое время полечиться. Это значит, что Константин Симчук снова получит шанс играть.

Номинально мы начинали сезон с Симчуком в качестве вратаря № 1, по той простой причине, что его здесь хорошо знали, а Трэвис Скотт был просто неизвестен. Руководство считало, что, пока Скотт не проявит себя, первым будет Симчук. В первых играх я чередовал голкиперов, и по итогам проведенных каждым из них двух матчей Симчук пропустил пять шайб при игре в меньшинстве. После этого мы пропустили всего семь. Я подумал, что некоторые из этих голов были на его совести. Поэтому сделал ставку на Скотта, решив, что, если он разыграется, то будет играть — именно так и получилось. Он стал ключом к серии побед. Мы выиграли пять матчей подряд, тринадцать из последних четырнадцати, в число которых входит та нулевая ничья с Ладой. Мы не проигрывали с сентябрьского матча с ЦСКА в начале октября. Трэвис, фактически, выиграл борьбу за место в воротах. Одним из ключевых моментов в его игре является то, что он очень хорош в обращении с шайбой, в сравнении с Симчуком. Симчук — игрок, идущий на риск. У Трэвиса — более высокий процент эффективности, и обращается с шайбой он гораздо лучше. Именно в этом состоит разница, именно его способность играть с шайбой и помогать своим защитникам реально помогает командной игре. Поэтому он теперь — № 1.

Я считаю, что он очень самодостаточный человек и, на самом деле, идеальный для нас вариант. Когда привозишь в Россию североамериканского игрока, в этом всегда есть риск, потому что его успех будет, зачастую, мало зависеть от его хоккейных способностей (все парни играть умеют). Скорее, всё будет зависеть от того, как игрок адаптируется к окружающей его среде. Некоторым игрокам требуется много внимания, но Трэвис не из таких. Ему нужно очень мало. Он спокоен, любит уединение. Читает, слушает музыку, сидит за компьютером, и его это вполне устраивает. Большинство канадских игроков, приезжающих сюда, стараются отыграть сезон и не возвращаются в Россию. Я думаю, Трэвис планирует задержаться на пару лет, если получится. Деньги платят хорошие, и, к тому же, он принадлежит как раз к типу людей, которые вписываются в здешнюю среду. Некоторые ребята этого не могут.

Магнитогорск — идеальное место для тренера, потому что здесь немного баров, девочек и прочих вещей, отвлекающих хоккеистов от дела. Тренеру не приходится сидеть и беспокоится, чем же игроки занимаются по вечерам, потому что заниматься-то им особенно нечем. К тому же, это очень маленький город, и если кто-либо из парней появится в баре, я буду знать об этом на следующий же день. Мой помощник, Олег Куприянов, расскажет мне, что такой-то был прошлой ночью в баре, потому что кто-то уже позвонит ему и расскажет об этом. Так что, все здесь живут как под микроскопом, что хорошо для нас. В Москве — совершенно другая ситуация. Дэвид Линг и Тайлер Мосс, играющие в Спартаке, рассказывали мне, что многие хоккеисты команды живут активной светской жизнью и вне хоккея, и иногда это бывает во вред команде. У нас здесь такой проблемы нет.

25 ноября

От своего дома до арены я могу дойти пешком, и на это уходит около двух минут. Единственная проблема — мне приходится идти через перекресток, и хотя, теоретически, он регулируется светофором, некоторые автомобили умышленно проезжают на красный свет практически ежедневно. Я уже видел минимум 4–5 происшествий. Наверняка, этой зимой кто-то получит очень серьезные травмы, потому что водители ездят слишком быстро для имеющихся дорожных условий. Линда считает, что если с нами здесь что-либо и случится, то это произойдет в автомобильной аварии — и она, видимо, права. Все такси очень старые; интересно, как часто они меняют тормозные колодки? Невозможно встретить исправные ремни безопасности, поэтому, садясь на заднее сидение, ставишь руки так, чтобы упереться ими в случае чего. Линда не пользуется лифтом в нашем доме, если я не сопровождаю ее. Кабина маленькая и изношенная, очень часто лифт ломается. Линда не уверена, что ее мобильный телефон будет работать внутри кабины, а поскольку она не говорит по-русски, кому ей звонить о помощи? Даже когда я бываю с ней, мы часто поднимаемся пешком, все 133 ступеньки (не считая входа в подъезд) до своей квартиры на восьмом этаже. Во всяком случае, хоть форму поддерживаем.

28 ноября

Я остался дома один. Линда уехала на неделю в Мексику, навестить Энди и его семью. После тренировки Величкин сказал мне, что сегодня ХК МВД уволил своего тренера, так что на данный момент в четырех клубах (плюс Салават Юлаев, Витязь и Новокузнецк) — новые тренеры. Сегодня вечером мы выиграли еще один важный матч — у Ак Барса, Казань, со счетом 3–2. После игры Фредди Брэзуэйт и Рэй Жиру, два легионера-канадца,

спросили, где можно поесть хорошей пиццы, и я повел их в Пицца-Хауз. Фредди сказал, что если он отравится и не сможет играть в следующем матче, это будет на моей совести. Я засмеялся. Он — отличный вратарь, а как человек — еще лучше.

30 ноября

Сегодня мы впервые в сезоне прилетели в Санкт-Петербург и обнаружили, что все три основные ледовые арены заняты под проведение чемпионата мира по гандболу. По этой причине мы проведем свой матч в маленьком, полуторатысячном дворце спорта СКА, где ледовая площадка сделана по североамериканским размерам.

В ходе предматчевой раскатки я заметил, что наши хоккеисты озабочены маленьким размером и плохим качеством льда, которые могут уравнять шансы в игре с более слабым соперником. После обеда мы с Игорем, моим переводчиком, поехали на метро в город, посмотреть достопримечательности, включая Эрмитаж с его шикарной художественной коллекцией.

Вечером мы выиграли 7–3 — наш самый крупный на сегодня счет в сезоне, при этом вполне нормально адаптировавшись на малой площадке. Не могу не отметить иронию судьбы: на предматчевой установке я сосредоточился на том, как приспособить нашу игру к малому льду, в то время как, приезжая сюда со сборной Канады, мы всегда говорили о том, как приспособиться к большому европейскому льду.

Декабрь

3 декабря

Во время ноябрьского перерыва череповецкая Северсталь пополнила свои ряды шестью новыми хоккеистами, поэтому сейчас это гораздо более сильная команда, чем та, с которой ранее мы сыграли вничью 2–2. Раздевалки в Череповце находятся ниже уровня льда, примерно как на старом Chicago Stadium, где фактически приходилось спускаться вниз на один лестничный пролет (в коньках), уходя со льда, и подниматься на такой же пролет, выходя на лед. Обычно где-то в середине предматчевой разогревающей тренировки я направляюсь в тренерскую комнату, по соседству с раздевалкой, чтобы подготовиться к последнему короткому собранию, проводимому непосредственно перед матчем.

В череповецком дворце я спустился вниз, прошел в тренерскую, а когда набросал заметки для выступления, заметил, что другие тренеры так и не появились. Я прошел в раздевалку, но никого не было и там. Я посмотрел на часы: разминка определенно закончилась, и через пятнадцать минут должна была начаться игра. Где все? Вдруг я услышал, что кто-то зовет меня. Это был Юрий, наш специалист по снаряжению, спешивший вниз по коридору. К моему неведению, гостевые команды пользуются маленькой раздевалкой на уровне ледовой площадки, чтобы им не приходилось идти по лестнице и длинному коридору. Я вбежал по коридору, вверх по лестнице, в раздевалку — там они все и сидели, хоккеисты и тренеры, недоумевая, куда я запропастился. К счастью, это не имело никаких последствий на результат. Мы победили 4–1, показав умную и целостную игру. Нам помогло то, что после трех пропущенных матчей вернулся в ворота и хорошо сыграл Трэвис Скотт.

4 декабря

По возвращении домой, в два часа ночи, с очередного успешного выезда мы решили устроить для хоккеистов редкий день отдыха. Линда вернулась из поездки в Мексику, в город Cabo San Lucas, и я был счастлив вновь увидеть ее. Проведя без нее в Магнитогорске шесть дней прошедшей недели, я почувствовал, как одиноко, должно быть, ей бывает во время моего отсутствия, в дни выездных матчей. Разница в том, что я ежедневно выхожу на каток, провожу тренировки, видеоразборы. У нее такого обязательного распределения времени нет. До приезда сюда мы решили, что она должна будет куда-нибудь ездить каждые полтора-два месяца, иначе для нее получится долгий и тяжелый

год. Один момент про Линду: она хорошо адаптируется и привыкла проводить время по своему разумению. Здесь разница состоит в том, что у нее нет круга друзей, и она не может ходить на какие-нибудь занятия по рукоделию, что она делала в других местах. Она любит читать, связала свитер для нашей внучки Виктории и сейчас вяжет еще один — для внука Дэниела. Они привезла с собой какие-то материалы для шитья стёганых вещей, проводит много времени за компьютером, набирая тексты моих заметок для этой книги и поддерживая наши контакты с остальным миром. Еще мы составляем новостные бюллетени для своих друзей в Северной Америке и Европе. И просто удивительно, какие блюда она может сготовить на нашей маленькой кухне! Она часто вспоминает, как легко жить в Северной Америке, пользуясь большими холодильниками, плитами и всяческими мелкими кухонными приспособлениями. Здесь наша кухня оснащена самыми базовыми вещами: по четыре столовых прибора, плюс четыре обеденные тарелки, мелкие тарелки и салатницы. Можно было купить еще, но мы подумали, что, когда мыть всю посуду приходится вручную, можно обойтись минимумом. Мы купили хлебопечку, поскольку хлеб здесь часто бывает несвежим. Он лежит на полках магазинов, не упакованный в полиэтилен, поэтому мы просто предпочитаем выпекать свой собственный хлеб.

5 декабря

Сегодня, во время пробежки вдоль реки я увидел позади ледового дворца бродячую собаку с двумя шестимесячными щенками, ютившимися в картонной коробке из-под телевизора. Кто-то положил коробку на бок, настелил соломы — получилось некое подобие конуры. Эта картина просто тронула меня до слез. Мы с Линдой — большие любители собак, поэтому поспешили в магазин купить молока и корма. Затем пошли обратно к реке и моментально влюбились в этих щенят и их тощую, полуголодную мать. Сначала она полаяла на нас, но быстро поняла, что мы пришли помочь. К тому времени, когда мы собрались уходить, она уже позволяла нам брать щенят в руки. По их движениям было видно, что они не привыкли к людям. Все время, пока мы держали их на руках, они поскуливали. Они питались только молоком матери и не проявили интереса к собачьему корму, но их мать смела его, как пылесос. Мы принесли с собой полотенце и подушку, чтобы положить их внутрь коробки, потому что температура по ночам стала опускаться до 10–12 градусов мороза. Щенков мы назвали Seibu (шайба) и Klutchka (клюшка).

6 декабря

Перед тренировкой я забежал-покормил собак. Их аппетит

просто поражает. Матери отчаянно нужен корм, для поддержания сил и кормления щенят молоком. Мы еще раз сходили к ним после полудня, а по пути в магазин увидели старый ковер, брошенный кем-то поверх мусорного контейнера. Чувствуя себя бомжами, мы схватили ковер, принесли и положили его сверху коробки, чтобы лучше защитить маленькое семейство от холода. Теперь у нас есть новый интерес в жизни, и могу вам точно сказать — мы будем много тратить на собачий корм и молоко.

7 декабря

Мы теперь кормим собак дважды в день. Мы их считаем «нашими собаками», и жалеем, что не можем взять к себе в квартиру — живем на восьмом этаже, да и уезжаем так часто, что это было бы бессмысленно. Но мы привели нашего переводчика и переговорили с охранником и его женой, которые были в курсе дела. Мы хотели узнать, можно ли было бы, по их мнению, отнять щенят от матери и продать на том большом открытом рынке. Мы бы заплатили за ветеринарный осмотр и прививки. Сами будучи родителями, мы не в восторге от идеи разлучить щенят с их матерью, но, фактически, они висят на ней бременем, да и погода будет только ухудшаться. К тому же, они просто станут еще двумя бездомными собаками, вечно голодными и рискующими погибнуть под колесами машин.

9 декабря

Согласно последним слухам, пермский Молот — находящаяся на последнем месте и осаждаемая проблемами команда — может сняться с чемпионата. Клуб не платит своим хоккеистам зарплату уже несколько месяцев.

Федерация хоккея России подтвердила, что Малкин должен будет поехать на молодежный чемпионат мира в Ванкувере, и это значит, что в следующем месяце он наиграется с избытком.

Сегодня мы сыграли с Химиком, впервые после их усиления игроками из Лады. Это был важный матч, потому что они идут вторыми после нас по количеству очков, добытых во втором круге чемпионата. Мы выиграли 4–1, добившись десятой победы подряд. Настроение в нашей раздевалке возбужденное, по ряду причин, включая ту, что за каждую победу хоккеисты получают премиальные, так что у них есть коллективная финансовая заинтересованность в наших успехах.

Когда я впервые услышал об этой системе, меня заинтересовало, как она работает. В последнем проигранном нами матче, против ЦСКА в начале октября, один из моих молодых защитников, Евгений Бирюков, в концовке ошибся, упал, соперник забил гол, и мы проиграли. Я обеспокоился, как это будет воспринято в раздевалке, поскольку его ошибка стоила

хоккеистам денег. Не было высказано ничего. Поразительно, насколько хоккеисты понимали, что это могло так же легко случиться с ними самими. На меня действительно произвела впечатление их реакция, или, вернее, ее отсутствие. В России игроки не получают индивидуальных бонусов, все премиальные — командные. Если мы побеждаем, то, даже если хоккеист не одевался на игру, деньги на банковский счет поступают каждому. Так что, когда кто-то не играет, он может быть недоволен этим, но если мы выигрываем, он думает: «Не так уж и плохо». У нас сейчас 61 очко, значит, каждый заработал где-то тысяч 25 в долларах премиальными.

Мы проиграли всего три матча. По новой системе розыгрыша, когда в плэйофф выходят 16 команд, а не восемь, первое место поможет в плане благоприятной сетки игр на вылет. С первого места мы сыграли бы с шестнадцатой командой, независимо от того, где она базируется. О географии здесь не беспокоятся. Фактически, даже при том, что в плэй-оффе на кон ставится так много, готовимся мы к этим играм не очень хорошо. Здесь всем жертвуют в пользу Олимпийских игр. И наш календарь прерывается в интересах Олимпиады. У нас уже был один перерыв в ноябре на игры национальной сборной, затем мы играем десять матчей, на следующей неделе — перерыв в связи с кубком РОСНО, еще одним международным турниром. Еще мы участвуем в розыгрыше Кубка Шпенглера и в связи с этим были вынуждены перенести две игры чемпионата. Вернувшись, мы будем играть до (конца — прим. пер.) января, после чего у нас будет тридцатидневный перерыв. Вы только подумайте — тридцатидневный перерыв перед последней неделей сезона. Какой бы ход вы ни набрали за первые 46 матчей сезона, его может не остаться на последние пять. Никогда не встречался ни с чем подобным.

Выигрыш у Химика, последовавший через два дня после убедительной победы 5–0 над омским Авангардом, состоялся в наш последний матч перед перерывом на Кубок РОСНО, поэтому после игры в ВИП-зале было много радости и тостов. Слово Spabearday (как слово записано по-английски, оно может вызывать ассоциации типа «день санаторного медведя» или spa beer day- «день санаторного пива») звучало в каждом тосте. Оно означает «победа» — и в последнее время мы их имели сполна.

10 декабря

Имея четыре дня отдыха — время, недостаточное, чтобы съездить в Германию или куда-либо еще, мы с Линдой решили съездить в Москву, посмотреть достопримечательности, походить по предрождественским магазинам, просто отвлечься от

однообразия Магнитогорска. Наступили короткие сумрачные дни зимы. Холодно. Уныло. Этот комбинат каждое утро изрыгает дым. Я люблю спать с открытыми форточками, и недавно, часа в четыре утра так сильно запахло этой угольной пылью, что пришлось закрыть окна. Мы подозреваем, что по ночам, под покровом темноты, меткомбинат выпускает самые ядовитые выбросы в воздух. Наш дом находится с наветренной стороны от завода, что хорошо. Преобладающие ветра дуют в другом направлении, и только в отдельные дни ветер идет на нас. Не могу поверить, что на другом берегу Урала, с подветренной стороны от комбината, живут люди. Это как в странах третьего мира. Вы были бы шокированы, увидев, как они живут в тех домах, сколько пыли постоянно висит над ними, день и ночь. Невероятно, когда я бегал по утрам, ежедневно видел двух-трех бездомных людей на дороге за дворцом спорта. Они носят с собой эти мешки со всеми своими пожитками. Не знаю, где они ночуют и почему они спускаются к реке, ибо там — самое холодное место. Могу только предположить: потому что там есть деревья, какое-то уединение, где никто их не беспокоит.

Не думаю, что в Канаде можно увидеть бездомных, похожих на здешних бомжей. Они отвратительно грязны. Они уже больны. И с утра абсолютно пьяны. В подвале нашего дома, под квартирами первого этажа есть маленькие ниши, в них некоторые из этих людей спят. У них есть старые картонные коробки со свалки. Я не знаю, как они собираются переносить холода по ночам. Мой переводчик говорит, что для бездомных есть приют, но я его никогда не видел. Надо попросить, чтобы показал. Этим людям, похоже, некуда идти. Я хочу сказать, проблема бездомных существует во всем мире, но здесь она намного мрачнее, чем где-либо из того, что я видел. Системы социальной защиты, подобной тем, что есть в Канаде, США или в Европе, здесь не существует — это ведь, преимущественно, пожилые люди.

При переходе к капитализму пенсии этих людей были просто уничтожены инфляцией (автор полагает, что эти пенсии были накопительные, по аналогии с развитыми странами — прим. пер.). Грустно видеть, как некоторые из них вынуждены дополнять свои доходы. Каждый день можно видеть этих бабушек, сидящих на каждом углу за маленьким столиком. На столиках стоят банки с домашними заготовками — консервированные овощи, фрукты, варенья, мед, головки чеснока, которые они пытаются продать. Печальное зрелище. Дети у стоек Kool-Aid вызывают меньше сожаления. На улице холодно, а они проводят там весь день — 70-80-летние женщины и мужчины, пытающиеся наскрести себе на жизнь, продавая все, что они в состоянии

сделать, в дополнение к своим нищенским пенсиям. Около рынка некоторые раскладывают столики со всякими бэушными вещами, которые мы выбросили бы в мусор. Но им приходится зарабатывать на жизнь.

Олигархов критикуют за отсутствие социальной ответственности, вот почему Путин действительно жестко обходится с некоторыми из них. Он говорит, что они должны что-то делать для людей, должны вернуть деньги в страну, а не только брать и брать. Вот почему олигархи содействуют спорту, а у Путина есть и другие инициативы, к которым он хочет привлечь олигархов. Они делают это не по своей воле. Им говорят, что делать это они должны. Он заставляет их вкладывать деньги в социальные структуры, но процесс этот, как он выглядит, медленный.

11 декабря

Сегодня открывается последнее трансферное окно сезона. Это наша версия крайнего срока для обменов в НХЛ, последняя возможность изменить состав команды до наступления моратория с 20 декабря. Я заинтересован в приобретении Андерса Эрикссона — шведа, в данный момент играющего в низших лигах Америки. Нам, похоже, требуется еще один защитник, для создания глубины состава на этой позиции, поэтому мы ведем переговоры с ним и с Карелом Пиларжем, бывшим защитником Toronto Maple Leafs. В целом, дело идет к тому, что североамериканский рынок хоккеистов не будет так уж хорош. Возможно, нам придется обойтись тем составом, какой есть, и я не возражаю. Для нас это даже хорошо. Мы находимся в хорошей форме. Это тем командам, которые идут за нами, следует позаботиться о таких вещах.

Для нас в центре внимания остается молодежный чемпионат мира. При всех отличных хоккеистах, которых Россия продолжает растить, особых международных успехов у страны в последние годы не было. Поэтому на федерацию возрастает давление — дескать, такое положение надо менять. Очевидно, что с Малкиным молодежка будет сильнее, вот почему ее тренер заигрывает с федерацией, чтобы получить его. По мне, что интересно, так это то, что он тренирует и Уфу, одну из сильных команд лиги. И у меня возникают вопросы о его мотивах. Мне интересно, почему вам так отчаянно нужен Малкин? Заигрывать его по пятьдесят восемь минут за матч, чтобы к плэй-офф от него ничего не осталось? И Крикунов, тренирующий Динамо, на Олимпиаде тоже нагрузит Малкина на износ. В своих самых страшных снах я вижу, как отощавший Малкин возвращается в нам в начале марта, наигравшийся вусмерть. Как будто у них есть

скаковая лошадь, и они гонят ее изо всех сил. Нельзя гнать на слишком дальние расстояния, иначе можно лошадь загнать. То же самое может случиться и с элитным спортсменом. Каждому необходимо урвать от него свой кусок, пока он не сломается окончательно.

12 декабря

Сегодня мы летим в Москву тем же рейсом, что и Трэвис Скотт, Игорь Королев и Дмитрий Юшкевич, отправляющиеся в Северную Америку на скоротечное свидание со своими семьями. Мы же собираемся буквально поиграть в туристов. Я повидал много достопримечательностей Москвы во время своих приездов с командой Канады, но Линды тогда со мной не было. К тому же, много чего изменилось.

Нас сопровождает Игорь, мой переводчик, ставший для меня бесценным. Игорь работал в заводоуправлении ММК в качестве координатора по приему иностранных делегаций, приезжавших на металлургический комбинат. Вплоть до сих пор его роль в отношении хоккейной команды ограничивалась сопровождением ее на различные европейские турниры, по причине его языковых навыков. Когда меня наняли в качестве тренера, Игоря тоже взяли в клуб на полную ставку. Для меня и Линды он насколько переводчик, настолько же и нянька. Он помогает нам делать покупки и заниматься банковскими делами, вызывает для нас такси и устраняет всяческие возникающие проблемы повседневной жизни. На пресс-конференциях без него я бы пропал.

В дороге Игорь всегда сидит в самолете рядом со мной и снабжает меня интересной информацией о посещаемых нами городах. Он — хорошо образованный интеллектуал и крутой хоккейный болельщик, что делает его великолепным компаньоном для прогулок во время выездов. Перед каждым матчем он вкладывает свой прогноз счета в пачку сигарет — и удивительно, как часто он угадывает. Почти ежедневно мы с Линдой повторяем одну и ту же фразу — Слава Богу, что у нас есть Игорь. В шутку она называет его своим русским мужем.

Помимо Игоря клуб поручил на сегодня Роману, нашему московскому представителю, встретить нас в аэропорту и провезти по городу, показать достопримечательности. Наша первая остановка — Кремль, в центре Москвы, где мы идем в музей с коллекцией предметов царского обихода. Линда просто в восторге от вида разукрашенных карет и саней, использовавшихся когда-то знатью. Неудивительно, что произошла революция. Естественно, мы посетили мавзолей Ленина, очереди в который такие же длинные, как и 20 лет назад. И правила остались те же.

Сначала мы должны были пройти через металлодетектор, затем заплатили за сдачу фотоаппаратов на хранение, потому что фотографировать там по-прежнему не разрешается.

На следующий день мы посетили военный музей, экспонаты которого рассказывают о нескольких из главных сражений с участием русских, повлиявших на исход второй мировой войны. Был довольно сильный снегопад. Большая парковка поблизости была фактически пуста, но нам сказали, что мы не имеем права там припарковаться, потому что она не предназначена для посетителей. Конечно, это не остановило Романа. Он подошел к будке охранника, сунул тому 150 рублей, ворота тут же открылись, и мы въехали внутрь. Как и в очень многих других местах, в России небольшая сумма денег может быстро изменить правила. Нам рассказали историю об авиакатастрофах лета 2004 года, когда два самолета внутренних рейсов упали с интервалом в несколько минут. Позже расследование показало, что сотрудники на досмотре за взятку позволили двум женщинам пронести ручную кладь в самолет без ее просвечивания. Видя, как легко мы только что въехали на закрытую парковку, понимаешь, как могут проходить такие вещи.

Взяточничество здесь остается образом жизни. Русские часто говорят, что строительство нового здания может стоить 40–50 миллионов долларов, но откаты и взятки обойдутся в дополнительные 5-10 миллионов. Игорь рассказал нам известный русский анекдот, красноречиво говорящий о москвичах всё. Бизнесмен пытается добиться от политика какой-то услуги, предлагает тому 20 тысяч и поясняет, что никому необязательно знать о его причастности. Политик отвечает: «Дай мне 50 тысяч, и узнают все». Мы проехали на метро, посетили ГУМ и запаслись товарами, которые не могли купить в Магнитогорске. Сходили в московский цирк и на балет в Большой театр. Ели только гамбургеры и ребрышки, чтобы вспомнить вкус Северной Америки. Мы не можем найти эти продукты в Магнитогорске, а поскольку мангала у нас нет, то и приготовить сами тоже не можем. В последний день, воскресенье, мы вчетвером сходили в собор Василия Блаженного, знаменитый памятник архитектуры, в коммунистические времена закрытый для проведения религиозных служб. Этот собор мне особенно дорог, потому что на одной из моих самых любимых фотографий наш сын Энди стоит на его фоне.

Энди приезжал со мной в 1987, предолимпийском году, когда мы участвовали в престижном турнире газеты Известия. В воротах у нас был Шон Бурк, оборону цементировали Зарли Залапски и Рэнди Крэгг, а числе нападающих был Марк Хэбшайд, нынешний

тренер сборной Канады. Мы приехали на турнир в качестве вечно проигрывающих — ни одна канадская команда не выигрывала в России ни единого матча с той самой серии 1972 года. Подступали последние дни советской хоккейной машины: с Фетисовым и Касатоновым в защите и Ларионовым, Крутовым и Макаровым в атаке. Это была классическая ситуация: Давид против Голиафа, и в этот раз Давид победил. Через четыре месяца после того, как сборная Канады-87 с Гретцки, Лемьё и Лэрри Мёрфи выиграла кубок Канады в трех тяжелейших матчах, все из которых закончились с одинаковым счетом 6–5, мы обыграли практически ту же команду русских на их собственной земле. Это был волшебный момент, но он остался незамеченным в Канаде, поскольку телевидение этот турнир не показывало.

Хотя, в конечном итоге, наша победа, возможно, подорвала наши шансы на успех спустя 4 месяца на Олимпиаде 1988 года в Калгари (где Sports Illustrated пророчил нам золотые медали и русским — историческое поражение), потому что встревожило и обеспокоило советских. Мы уже не могли увести у них победу из-под носа, как это сделали американцы в 1980, совершившие Чудо на Льду. К турниру в Калгари советская команда набрала максимальную форму, и мы не смогли повторить свой известинский успех на Олимпиаде. И всё-таки, это был запоминающийся момент в моей тренерской карьере. В прошлом году, на чемпионате мира в Вене, я сел рядом с Виктором Тихоновым и его сыном (который некоторое время поработал тренером в системе San Jose Sharks) и спросил его, какую свою команду он считал наилучшей за всю тренерскую карьеру. Он ответил: «Команду 1987-88 годов».

17 декабря

Ох, Россия… через день после того, как казалось, что Молоту не выжить, клубу организовали кредит на миллион долларов, на расходы до конца сезона. Единственная проблема в том, что, поскольку хоккеистам так долго не платили и команда неминуемо должна была распасться, с десяток хоккеистов объявили свои контракты аннулированными, подписали новые с другими клубами и уехали из Перми. Так что, два дня тому назад у Молота были игроки, но не было денег; сегодня у них есть деньги, но нет хоккеистов. Чтобы доиграть до окончания сезона, Молоту придется сделать то, что уже сделала чуть раньше Лада — набрать с дюжину игроков из клубов низшей лиги или набрать в аренду молодежь из команд Суперлиги. Я начинаю что-то понимать в экономике российского хоккея. Точнее, в его бизнес-модели. По сути, ее нет. Каждый клуб работает в убыток.

В НХЛ доходы от продажи билетов составляют большую часть

валового дохода любого клуба. В России — не так. Билетные поступления несущественны. Билет на матч стоит от двух до семи долларов, в зависимости от города и места на стадионе. В любом случае, это дешево. Со временем цена может вырасти, с ростом благосостояния народа, но не думаю, что доходы от продажи билетов составляют больше 5-10 процентов любого клубного бюджета. Они минимальны. От телевидения денег не поступает. Но телевизионное освещение желательно, потому что помогает привлекать спонсоров; потенциальных спонсоров привлекают тем, что в телерепортажах будет видна их реклама на бортах.

90 процентов доходов поступает от рекламы или от спонсоров. На наших свитерах нарисованы логотипы спонсоров. Очень развита реклама на бортах — нечто, что НХЛ фактически позаимствовала у европейских лиг. Но в основном, у каждого клуба есть главный спонсор, гарантирующий оплату расходов в каждом конкретном году. Главными спонсорами могут быть физические лица или компании. У Динамо — это люди, дающие деньги в частном порядке. У некоторых клубов спонсоры — правительства. В Уфе, например, государство бесплатно предоставляет клубу здание дворца спорта. Клуб не платит аренду за пользование им. В других местах аналогично — региональные правительства предоставляют финансирование, потому что хотят иметь у себя команду; это помогает региону или городу самоидентифицироваться. С новыми дворцами приходит практика создания ВИП-лож, но даже они используются не столько для получения прибыли, сколько для привлечения спонсоров и рекламодателей.

В сравнении с НХЛ, эта экономическая модель не имеет смысла. Все клубы теряют деньги. В НХЛ некоторые клубы убыточны, но и их цель — работать с прибылью, вот из-за чего, собственно, случился локаут. В России тоже не хотят терять деньги, но все знают, что будут убыточными. Жизнеспособной бизнес-модели нет. Она может, в конце концов, появиться, в двадцать первом-то веке, но пример с Молотом и другими показывает, что до этого далековато. Что касается нашей команды, Рашников полагает, что она отождествляется с городом Магнитогорск и привлекает к нему внимание в стране и мире. Но это — товар- приманка, продаваемый себе в убыток. Он вкладывает в него деньги, но не отбивает их.

18 декабря

Соседство у нас не самое лучшее, даже по магнитогорским стандартам. Основным преимуществом является то, что до катка можно быстро дойти пешком, фактически, дворец спорта виден с нашего балкона. Но ежедневно приходится сталкиваться с

бросающейся в глаза бедностью. И мы с Линдой часто обсуждаем, что мы могли бы сделать, чтобы что-то изменить, пока находимся здесь. Наш турагент сказал Линде, что в городе есть три детских дома. Некоторые дети на самом деле потеряли родителей. Хотя большинство детей — из семей алкоголиков, наркоманов или родителей слишком бедных, чтобы растить.

Только один из детских домов субсидируется меткомбинатом, поэтому мы решили выяснить, сможем ли мы, вместе с хоккеистами, сделать что-либо в помощь одному из несубсидируемых приютов. Хоккеисты согласились внести часть своих заработков на покупку рождественских подарков для детей. Еще они дали нам разрешение вести «штрафной» фонд, в который они платили бы при всяком мелком нарушении, и затем тоже передать его в детский дом.

В детском доме живут 78 детей, разбитых на шесть «семей». В каждой семье есть «мама» группы, которая занимается своими «детьми». Две из таких мам сопровождали Игоря и Линду при закупке подарков для детей и приюта. Они ходили в магазины электронных товаров, универмаги, открытый рынок, и закупили наборы для настольного тенниса, бадминтона, хоккейные клюшки, кукол, игрушечные машинки, скакалки и другие вещи. Всё было привезено в детский дом и спрятано до 24 декабря, когда, по плану, Линда, я, несколько хоккеистов и лисенок Тимоша, талисман команды, должны будем сыграть Санта Клауса и раздать игрушки.

В детском доме есть кошка, вид которой напомнил мне, что нашим приемным щенятам уже около восьми недель. Мы не хотели оставлять их с матерью на слишком большой дополнительный срок. Они начали есть твердый корм, и если мы не будем продолжать их кормить, они могут умереть от голода или под колесами машины. Поэтому мы попросили Игоря и Юлию, директора детского дома, не хотят ли они взять себе щенков. Она сразу ответила положительно, и в тот же день мы принесли щенят в детдом, где их взяли под защиту две суррогатные матери. Забирая щенят от матери, мы чувствовали себя ужасно, но становится все холоднее, снегу все больше, и это было наилучшим вариантом.

20 декабря

Сегодня команда должна была вылететь в Москву-Тверь на матч с клубом МВД, но с утра повис туман, не исчезнувший на протяжении всего дня, так что до завтрашнего дня вылететь мы не сможем. Тем временем мы пополнили состав последний раз в этом сезоне, подписав контракт со шведским защитником Андерсом Эрикссоном. Эрикссон отыграл в НХЛ четыреста с

лишним матчей за Детройт, Чикаго, Флориду, Торонто и Коламбус, но на протяжении всего сезона пребывал в Американской Лиге. Он — наш третий и последний легионер этого сезона (другими являются Трэвис Скотт и Игорь (может, Илья? — прим. пер.) Воробьев), добавит мощи нашей игре в большинстве.

Из-за того, что мы не смогли уехать сегодня, я вернулся домой. Мы с Линдой обедали, когда неожиданно услышали какой-то шум и волнение около нашего дома. Съехалось много машин и автобусов, собралась толпа людей, одетых в черное. Я спросил у Линды: «Что бы это могло быть, демонстрация протеста или что?» Оказалось, это были похороны, или, точнее, церемония прощания перед похоронами. Мы смотрели через окно, как двое мужчин вынесли большой плоский гроб и поставили его во дворе на четыре стула. Они поправили на умершем галстук, затем все присутствующие по очереди выразили свое уважение и соболезнования. Затем небольшая процессия выдвинулась со двора нашего дома, через ворота, к автомобильной парковке. Покойника положили в микроавтобус, вместо катафалка, и оставили гроб открытым. Все машины и автобусы выстроились в кавалькаду и отправились на кладбище. Позднее мы узнали значение это странной церемонии — в России принято приносить скончавшихся домой, для прощания с домом и родственниками.

21 декабря

Хорошая новость: туман исчез, и мы смогли улететь по расписанию рейсом Магнитогорск-Москва. Плохая новость: наше прибытие задержалось по причине сильного снегопада. Наш планировавшийся проезд автобусом в Тверь занял вместо полутора часов четыре с половиной, потому что дороги были забиты транспортом, и движение было медленным. Во дворец мы приехали в 17:45, игра начиналась в 19.00. Хоккеисты были голодными и уставшими, но как-то сумели выиграть 3–1.

После участия в играх Кубка РОСНО к нам вернулся Малкин, но это был его последний матч с нами вплоть до 10 января. Завтра он уезжает в Канаду на чемпионат мира среди молодежи, так что турнир на Кубок Шпенглера нам придется пройти без своего лучшего игрока и бомбардира.

22 декабря

Мне сегодня исполнилось 58 лет, я встретил свой день рождения в подмосковном Чехове, где завтра мы сыграем с Витязем в последней игре чемпионата перед Кубком Шпенглера. Я не в первый раз встречаю свой день рождения в России. В тот день, когда мне исполнилось сорок лет, я праздновал одну из самых сладких побед в своей карьере — на турнире газеты

Известия, над сборной СССР с Ларионовым, Фетисовым и всеми остальными великими хоккеистами той команды. В те времена я всегда успевал домой на Рождество. В этом году так не получится. Сейчас я — часть общей картины.

Я начал тренировать в тот год, когда мне исполнилось 25, и в день рождения вполне естественно поразмышлять о прошедших годах. Чем старше становишься, тем больше думаешь, что повидал уже всё, но вдруг случается год, подобный этому, и ты понимаешь, что есть еще много чего повидать, понять и принять.

Иногда меня спрашивают о том, как изменились мои подходы с тех пор, как я встал за скамейку команды Billings Bighorns почти тридцать лет тому назад. Я отвечаю, что, после столь многих лет тренерской карьеры, я все больше понимаю хоккей со стороны игрока. Молодой тренер часто в расстройстве наблюдает со скамейки и удивляется, ну почему хоккеист не смог правильно сыграть. Чем дольше тренируешь, тем больше осознаешь, что наблюдение за игрой со скамейки и участие в игре на льду — это очень разные вещи. Хоккеисты находятся в гуще событий, все действия вихрем проносятся вокруг него. Я же смотрю со стороны, вглядываюсь. Со скамейки мне видны разные варианты. На льду, находясь под давлением, игроки не могут всегда видеть эти варианты, и иногда делают неправильный выбор. И ты научаешься говорить себе: завтра я покажу ему пару вещей на тренировке, или в видеозаписи, или на планшетке, когда он будет уходить со льда — как правильно поступать в такой ситуации.

С возрастом ты как тренер лучше понимаешь, в какой именно момент лучше всего сделать то-то и то-то. Ты знаешь, когда нужно отреагировать, а когда промолчать. Это, на мой взгляд, критически важно. В молодости человек бывает очень импульсивен. Хочется немедленно исправить какие-то ошибки, даже если время такого исправления, с точки зрения полезного результата, неверное.

Мои отношения с хоккеистами складывались по-разному. Некоторые из ребят, поигравших у меня, являются моими ближайшими друзьями в хоккее, с другими мы не сходились во взглядах. Но сегодня произошло нечто уникальное. В каждом взгляде я чувствовал теплоту и дружелюбие. Российское правительство направило мне поздравительную телеграмму. Владелец клуба Витязь преподнес мне бутылку шампанского Veuve Cliquot. Но самый лучший эпизод случился во время предматчевого ужина. Сижу я за своим столиком, и вдруг, как будто с неба, передо мной появляется пицца. Каким-то образом они разузнали, что я подсел на пиццу. То есть, хоккеисты явно знали что-то обо мне как о человеке, не только как о хоккейном

тренере. Это был жест, исполненный глубокого смысла, и он тронул меня до глубины души. Еще мне преподнесли пару подарков — галстук и часы, а затем спели Happy Birthday по-английски. Они уделили мне много внимания, в день максимального напряжения сил по причине разъездов и календаря игр. Я был впечатлен. Это было здорово. Я буду помнить об этом очень долго.

24 декабря

Накануне Рождества мы, обыграв Витязь 2–1 в овертайме, вернулись в Магнитогорск. У команды будет день отдыха, перед отъездом в Давос. Но до отъезда мы должны сходить в детский дом, раздать подарки. По традиции, Рождество в России отмечается 7 января, но постепенно этот обычай эволюционирует, и 25 декабря тоже становится заметным. Во многих магазинах уже светятся рождественские огни. Перед зданием горсовета стоит гигантская украшенная елка.

Многие воспитанники детского дома болеют за Металлург и, поэтому, с нетерпением ждут, кто же из хоккеистов придет к ним. Увы, Малкин не может прийти, потому что сейчас он находится в Канаде, но пришли Игорь Королев, Евгений Гладских, Алексей Кайгородов, Равиль Гусманов и Дмитрий Пестунов. Дети подготовили для нас концерт, с песнями и танцами. Они были очень взволнованы, что к ним пришли хоккеисты. И, естественно, талисман команды был просто в центре внимания детей. Было радостно видеть, как хорошо хоккеисты представляли нашу команду. Мы по очереди раздавали подарки, затем дети разошлись по своим большим общим комнатам, чтобы открыть коробки и поиграть с новыми игрушками. Русский язык у меня недостаточен, чтобы поддерживать разговор, но улыбки на лицах детей и их явный восторг говорили сами за себя. На нас произвело впечатление то, с какой любовью персонал детдома относится к детям. Уходя, мы пообещали вскоре прийти еще.

В феврале мы планируем съездить в Калгари, в короткий недельный отпуск. Когда мы рассказали нашему сыну Энди и его жене Саре о детском доме, они решили купить для детей новой одежды и поискать в доме вещи, из которых наши внуки уже выросли. Когда мы спросили в приюте, что еще мы могли бы сделать для них, они сказали, что хотели бы приобрести шесть самоваров — для восстановления русской традиции вечернего чаепития всей «семьей».

25 декабря

Рождество — и впервые за тридцать четыре года нашего брака мы с Линдой не поставили елку, не завернули никаких подарков и не украсили свой дом. Вместо этого мы берем с собой

в Давос немного подарков для семей Энди и Скотта. Мы решили не обмениваться подарками. Те деньги, которые мы обычно тратим друг на друга, мы решили пожертвовать детскому дому.

Наш рейс — старый советский самолет, доставивший нас прямиком из Магнитогорска в Цюрих — забит до отказа. Большинство хоккеистов взяли с собой жен или подруг и детей. Андерс Эрикссон и его жена Бет присоединились к нам в аэропорту; он будет дебютировать за нашу команду на Кубке Шпенглера. Из Цюриха мы на автобусе приехали в Давос, где завтра откроем турнир матчем против Канады. Не могу даже начать рассказывать вам, какие странные и неопределенные ощущения это вызовет во мне. Я не просто тренировал национальную сборную Канады девять лет — я был одним из той группы людей, наряду с Биллом Хэйем и отцом Дэвидом Бауэром, которые сыграли важную роль в возвращении Канаде ее постоянной национальной сборной. Я вложил много сил в эту программу, поэтому для меня и моей семьи … наши сердца есть и всегда будут с этой командой. Думаю, будет непривычно и неловко возглавлять команду против этой сборной, при этом моя семья на трибунах, внуки в маленьких свитерах Металлурга будут болеть за российскую команду против Канады. Мы, как на карусели, замыкаем круг. Дважды в начале 1980х я проводил рождество порознь с женой и детьми, и в результате решил не допускать этого впредь. После того моя семья приезжала ко мне в Давос трижды (в 1985, 1989 и 1990 г.г.), и мы могли вместе наслаждаться Рождеством и Кубком Шпенглера.

Энди и его семья уже приехали в Давос, поэтому по приезду в гостиницу мы позвонили им в комнату; через несколько минут наши внуки — Виктория и Дэниэл — примчались в наши объятия прямо в фойе отеля. Я не видел их с начала июля, когда уехал в Россию. Виктория и Дэниэл будут жить в отеле с нами, поэтому после милого рождественского ужина вместе с членами команды и их семьями мы с Энди и Сарой поднялись к себе в комнату, обменялись маленькими подарками.

26 декабря

За несколько недель до Кубка Шпенглера я пообщался с Марком Хэбшайдом, нынешним тренером команды Канады. Он будет входить в тренерский состав олимпийской команды в Турине, и его интересовала информация о некоторых международных судьях, которых можно будет увидеть в Италии. Он также предупредил, что у него для меня припасена пара сюрпризов, которыми он собирается пошутить, как только турнир начнется. Когда Хэбби играл у меня в команде, они с Рэнди Грэгом были самыми большими шутниками-практиками, поэтому

я попытался представить, что же он может сотворить. Потребует замерить наши клюшки? Или, может, надпилит лобзиком мою клюшку почти по всей длине так, что при щелчке она развалится? Он проделывал такое раньше. Или тайком зальет воду в мои коньки, как в предолимпийский сезон 1987-88 г.г., когда мы тренировались в реально холодном ледовом дворце в швейцарском Гриндальвальде? Мы проводили там часть тренировочного цикла, и ребяткам захотелось выходного дня. Они подумали, что если зальют немного воды в мои коньки, я соглашусь на день отдыха — потому что, ну кто захочет тренироваться на вымороженном катке в мокрых коньках? В то время у меня были такие коньки фирмы Micron, с подкладками. Хэбби, значит, прокрался, вынул подкладки и намочил их водой. Ну, точно как в том телевизионном рекламном ролике, где детишки шутят над Бобби и затем подглядывают за ним в раздевалке. Разница только в том, что мне не очень-то понравилась идея, и я подумал — черта с два. Эта было делом принципа. Выхожу я, значит. Прохожу через раздевалку, и было слышно, как мои коньки хлюпали при каждом шаге. Я знал, что вся команда тоже наблюдает, поэтому и виду не подал, проходя мимо них. Я первым вышел на лед и почти физически ощущал, как они думают: «Н-нда-а, день будет долгим — Кингер разозлился». Я не собирался давать им спуску. Позже я узнал, что в этой шутке принимали участие Хэбби, Уолли Шрайбер и Рэнди Грэгг.

В тот год Рэнди и Хэбби больше всех веселились, устраивая над народом шутки. Когда нам приходилось ждать в аэропортах, они приклеивали монеты к полу. Проходившие люди замечали монетки, пытались их поднять и, конечно, тщетно. Хоккеисты обычно сидели поблизости, с серьезными лицами, но в конце концов взрывались приступом смеха. Или иногда привяжут пятидолларовую бумажку к рыболовной леске и бросят ее на пол. Когда кто-нибудь останавливался, чтобы ее поднять, они тихонько дергали — лишь бы человек не мог сразу дотянуться. Они проделывали это снова и снова, и иногда какой-нибудь бедняга, согнувшись, тянулся за этой приманкой метра 3–4, пока не осознавал, наконец, что нам ним шутят. Это было как в передаче Candid Camera, только без камеры, и сегодня они, наверное, снимали бы эти розыгрыши своими телефонными камерами, для потомков. Они так шутили для поднятия настроения в долгие дни поездок, и это снимало напряжение. Классный незлобивый юмор.

Но сегодня, при подготовке к матчу, Марк был упредительно очень серьезен, уж не знаю почему. Они переигрывали нас с

большим игровым преимуществом, но мы сумели довести матч до буллитов и, в конечном итоге, победили 2–1. Наша команда выглядела не очень хорошо, но наш вратарь-канадец, Трэвис Скотт, был бесподобен. И весь дворец заметил иронию судьбы — канадский хоккеист, играющий за российскую команду, почти в одиночку обыграл команду Канады.

После матча мы с Линдой отметили 35-ю годовщину нашей свадьбы, и лучшим подарком, какой я мог ей преподнести, была победа. Не каждая жена оценит такой подарок, но она — ценит. Почти всегда на протяжении всей нашей совместной жизни в день годовщины свадьбы у меня бывает игра, и она к этому привыкла.

27 декабря

Наш матч с Канадой закончился вчера около 11 часов вечера, а сегодня в три часа дня нам опять играть — против берлинского Айсбэрен тренера Пьера Пажа, победителя чемпионата Германии (лига DEL). Кубок Шпенглера — это турнир пяти команд, т. е. на предварительном этапе у каждой команды есть один день отдыха. К нашему сожалению, наш день «сна» наступит только на пятые сутки, что означает — мы проведем четыре матча за четыре дня, чрезвычайно обременительное количество хоккея.

Я знал, что мы находимся на высоте и что долго сюда добирались, и чувствовал, что в нашей игре не было никакой остроты. Парни просто выполняли движения. Где-то в середине матча я сказал себе: «Так дело не пойдет. Я должен видеть их глаза». И я сделал то, чего никогда раньше не делал, но что они сразу поняли. Оставшуюся часть матча я провел перед скамейкой, как это делают российские тренеры, чтобы иметь возможность говорить с хоккеистами напрямую, показывать им свою энергию и, надеюсь, заряжать их ею. Я стал вести себя намного демонстративнее — и команда вдруг поняла, что им необходимо собраться. Будучи тренером, необходимо уметь читать свою команду, и я просто почувствовал, что если не встану перед ними, мы никуда не приедем. И даже хотя мы опять не показывали своей игры, мы выиграли по буллитам 4–3. Константин Симчук с самого начала встал в ворота и во время исполнения буллитов он был великолепен.

28 декабря

Сегодня, в третьем матче за три дня, против хозяев турнира ХК Давос, нас одолела усталость. Давос добавил в свой состав для участия в соревновании семерых хоккеистов — четырех финнов, двух американцев и одного канадца. Они сыграли великолепно, обыграв нас со счетом 4-х. Мы выглядели уставшими и разобранными. Я не испытываю оптимизма по поводу наших шансов на оставшуюся часть пути.

30 декабря

Наконец, мы дожили до выходного дня, попутно выиграв вчера у пражской Спарты 4–3. Наши результаты — одна победа в основное время, две победы по буллитам и одно поражение, итого семь очков — вероятно, не дадут нам пройти в число двух команд- финалистов. Сегодняшняя дневная игра между Канадой и Спартой не влияет на наши перспективы, зато влияет вечерний матч, Берлин против ХК Давос. Берлин уже выбыл, но Давос, принимающая сторона, отчаянно хочет выиграть свой домашний турнир и сохранить титул, завоеванный в прошлом году. Для того, чтобы в финал вышли мы, Берлин должен выбить Давос, во что никто не верит, но что так и происходит. Немцы выиграли 8–5, в результате чего наших семи очков хватило для второго места, и теперь мы в финале сыграем еще раз с Канадой, завтра в полдень.

Поскольку никто не ожидал такого результата, многие наши хоккеисты проводили вечер вместе с семьями, в городе. К тому времени, когда мы могли связаться с каждым, стало уже очень поздно. Я спешно составил распорядок на завтра и попросил собрать команду на завтрак в 7.30 утра, чтобы мы смогли приступить к делам.

31 декабря

Я не знал, что командный завтрак случайно не был включен в распорядок, вывешенный для хоккеистов в фойе гостиницы. Когда я, после пробежки, пришел на завтрак, оказался там в одиночестве. Я вернулся в фойе посмотреть распорядок и, конечно, завтрак в нем не был указан, и теперь я озаботился. Хоккеисты придут на видео занятие к 9.30 и то ли поедят, то ли нет, перед отбытием во дворец в 10.00. Не так следует готовиться к финалу турнира.

Прямо перед вбрасыванием шайбы я снова увидел своего старого приятеля Хэбби — он выглядел очень серьезным. После поражения в первой игре от нас они великолепно прошли турнир, но этого никак не было видно по угрюмому выражению его лица. Я подумал, надо бы подойти к нему, немного снять с него напряжение. Обычно бывало наоборот. Когда я тренировал его, это у меня на лице было озабоченное выражение, а он был счастливым человеком. Я попытался слегка его расслабить и не знаю, получилось ли, потому что, хотя это виделось неправдоподобным, мы сыграли свой лучший матч на турнире, одержали победу со счетом 8–3 и таки стали его победителями.

По правде, я сочувствовал сборной Канады, когда игра закончилась, потому что, в целом, они были лучшей командой турнира. Мне просто нравилось наблюдать за их игрой — умной

и дисциплинированной. Хоть я и возглавлял противоположную команду, я был очень горд тем, как играла Канада. В нашем матче мы повели 6–2, и все могло стать еще разгромнее, но не стало. Они выдержали марку до конца.

В конце награждения мои внуки Дэниэл и Виктория по очереди надевали на себя медаль, такие возбужденные. Я отдал медаль им, чтобы отвезли домой в Канаду. Виктория бережно упаковала ее в свой рюкзачок; она уже сказала своим родителям, что хочет принести ее в школу — показать и рассказать. Дэниэл повторял, что он едет в Россию вместе с дедом, на одну ночевку.

Впоследствии я думал о том, чем эта победа может быть хороша для нас в долгосрочном плане. Без Малкина на Кубке Шпенглера мы играли менее динамично, но все- таки эффективно по многим параметрам. Всякий раз, когда играешь без своего лучшего хоккеиста, появляется возможность увидеть команду в ином свете. Мне понравилось, что игроки вгрызались и добывали победу иначе, чем обычно. Без Малкина мы были не столь зрелищны, но играли вполне прилично. Трое-четверо ребят, не особенно много игравших до того, вдруг получили большое игровое время и сполна воспользовались этим. Как выяснилось, выигрыш турнира без Малкина был, возможно, наилучшим событием из всех, произошедших с нами, потому что показал хоккеистам: можно побеждать и без него.

Еще один нюанс — мы выиграли без обычной для нас подготовки, и мне это не нравится. Кубок Шпенглера — это, скорее хоккейный праздник, чем соревнование. Поэтому у игроков не было того упорства и интенсивности, какие мне хотелось бы увидеть. На предматчевых обедах у нас бывало не по двадцать, а по шестьдесят человек. Хоккеисты приходили со своими детьми, делились с ними своими порциями. Никакой изолированности больше не было. Было так много вещей, которые дали бы нам оправдание за невыигрыш — а мы выиграли. Было так много неконтролируемых моментов, которые хотелось бы контролировать — но мы выиграли. Я постоянно спрашивал себя: «мы хотим выиграть, но насколько сильно мы хотим выиграть?» Я не знал. Просто, показалось странным, что добились такого успеха при далеко не благоприятных для тренеров и игроков обстоятельствах. Я извлек из этого кое-какие уроки. Иногда не стоит париться по мелочам.

Я был настроен на скромное празднование, но Величкин, наш ГМ, был совершенно иного мнения. Он сказал, что мы будем встречать Новый год трижды — сначала по магнитогорскому времени, самая ранняя встреча, затем по московскому и потом по давосскому. В России любят Новый год, это очевидно. Гораздо

больше, чем Рождество. И отмечать его вместе с моими новыми русскими друзьями оказалось так интересно — они такие веселые люди. Шумные, громогласные, оживленные. Я более сдержан. Я пробыл со всеми на Новый год по-магнитогорски, на Новый год по-московски, но затем почувствовал, что пора дать хоккеистам возможность провести время в свое удовольствие. Я не присматриваю за ними, но предполагаю, что они думают — присматриваю. Поэтому я предоставил ребят самим себе — пусть хорошо проведут время.

Январь 2006 года

1 января

Вчерашняя вечеринка растянулась до раннего утра, Поэтому многие из наших ощущали последствия, когда мы выехали в цюрихский аэропорт, чтобы в три часа дня вылететь домой. Наш чартерный рейс оказался крайне неудачным — с самого начала до самого конца. Почему-то документы, необходимые для заправки самолета топливом, не были вовремя подготовлены, и потребовалось время на решение этой проблемы. Затем обнаружилось, что документы, необходимые для организации питания в самолете, тоже забыли подготовить, и мы вылетели домой без еды на борту.

Курильщики из числа наших клубных работников — а таковых было много — решили превратить бортовую кухню в курилку и провели весь пятичасовой полет за курением и распитием швейцарского алкоголя, который они взяли с собой. Меня это раздражало, и еще больше раздражало то, что по прибытии в Большой М, как мы с Линдой теперь называем Магнитогорск, нас встретила группа сотрудников безопасности. Впервые в моей долгой истории авиапутешествий весь наш багаж был просвечен по прилету, при выходе с рейса. Почему? Чем этот день отличался от любого другого дня? Ответить не может никто. Просто пожимают плечами. Это Россия; в конце концов научаешься просто не задавать вопросов.

3 января

Вернувшись из Швейцарии, мы обнаружили, насколько популярны мы были во время пребывания там, не только в Магнитогорске, но и по всей России. В Москве, например, в центре города были вывешены два огромных телеэкрана, и накануне Нового года пришлось перекрыть две улицы — посмотреть нашу победу на Кубке Шпенглера на больших экранах собралось так много людей, что возник вопрос обеспечения безопасности. Хотя мы были клубом, представлявшим Магнитогорск, на Кубке Шпенглера мы были командой России. Поскольку турнир так широко известен в Европе, это стало большим событием. Я не понимал этого. Каждый день после нашего возвращения матч повторяли по магнитогорскому телевидению. Судя по всему, это кончится не скоро.

4 января

После тренировки наши хоккеисты смотрели матч Россия-США на молодежном чемпионате мира в Ванкувере. Малкин блистал в этой игре, россияне убедительно выиграли и вышли в

финал, где будут играть против Канады и где считаются фаворитами.

5 января

Какой сюрприз! Канада не просто выиграла молодежный чемпионат, они подавили русских в финале — 5–0. Малкина прикрыли, а 19-летнего вратаря Антона Худобина, из Магнитогорска, но играющего за Saskatoon Blades в Западной Лиге, в воротах расстреляли. Я решил не выказывать своих эмоций. Мне было жаль троих хоккеистов из нашей команды, которые так хорошо играли вплоть до финала, и не хотел, чтобы по возвращении домой они услышали, что я злорадствовал или как-либо иначе ликовал по поводу победы Канады. На этом турнире у русских блеснул Николай Кулемин, игравший в тройке с Малкиным. Он не играл особой роли в нашей команде до сих пор, сыграв только в половине из 35 матчей, но будет играть в остающихся. После ноябрьского перерыва я стал задействовать его больше и понял, что он может усилить нашу команду.

Кулемин, игрок 1986 года рождения, до сих пор не привлекал к себе много внимания. У меня всегда было чувство, что наш клуб рассматривал его как хоккеиста «эпизодической роли». Я вижу его совершенно иначе. Мне нравятся его габариты и скорость, но больше всего мне нравится его чувство игры — нечто, чего нет у многих более возрастных и опытных хоккеистов. Он так здорово читает игру своих партнеров, что всегда подстраховывает в защите, если кто-то бросается в нападение. Его умения достаточны, чтобы играть с Малкиным, что делает из них великолепно дополняющих друг друга партнеров по тройке: Малкин принимает на себя риски, возникающие при организации атаки, и, тем не менее, это редко вызывает проблемы, потому что его поддерживает Николай. Центральное скаутское бюро НХЛ присвоило Кулемину чрезвычайно низкий рейтинг, но я удивлюсь, если он не привлек чье-то внимание на молодежном чемпионате. На мой взгляд, он станет полноценным и очень подходящим универсальным игроком НХЛ. Каждый день он первым выходит на лед с корзиной шайб и последним уходит со льда, собрав шайбы. Вне льда он спокойный и вежливый, но на льду играет в силовой манере. В его игре есть темп и блеск, которые необязательно отражаются в его характере. Кому-то повезет с Кулеминым-игроком.

6 января

Дополнительные проблемы с тренером по ОФП Виктором Гудзиком: сегодня нам пришлось провести в Москве совещание тренеров на предмет уточнения каналов общения с нашими хоккеистами, потому что Гудзик вносит путаницу. Позавчера он

сказал игрокам, что мы увеличим объем занятий вне льда за счет сокращения времени на льду. Это, конечно, чепуха — такого мы не обсуждали и не собирались делать. Гудзик, насколько мне становится понятно, крайне ненадежный человек, желающий представить себя в глазах хоккеистов вторым после меня в цепочке управления. Три наших тренера по ледовой подготовке и врач команды уже устали от него. Я сужу по их «языку тела» — реакции на мои слова Гудзику о том, что если в тренировочном процессе будут какие-либо изменения, я сам вынесу такое решение и сделаю такое объявление.

7 января

Я ожидал, что мы подошли к спаду — такому периоду, когда команду просто настигает хандра. Такое бывает, в конце концов, у всех, даже у самых лучших команд. Вместо этого, мы продолжаем находить пути к победам. Отыграв пять матчей за шесть дней, мы вернулись с Кубка Шпенглера сильно уставшей командой, и я задавался вопросом, как мы отреагируем на возобновление игр в лиге. Я заглянул в компьютер посмотреть, как это было у наших оппонентов на Кубке. Спарта (Прага) и Айсбэрен (Берлин) проиграли свои первые после возвращения матчи. Нам предстояли игры с обитателями турнирного подвала, что не всегда является преимуществом. Иногда даже хорошо отдохнувшая команда принимает такие игры слишком легко, потому что, зачастую, отсутствует ключевой ингредиент — уважение к сопернику. Но даже без Малкина, Кулемина и Евгения Бирюкова, которые все еще не вернулись из Ванкувера, мы уже выиграли два матча после возвращения из Швейцарии. Это не были идеальные, как на картинке, игры, но они говорили многое о качестве нашей команды и характере игроков, находивших силы успешно делать свою работу.

9 января

Сегодня российская Суперлига обнародовала список хоккеистов, которые 22 января будут играть в матче всех звезд, проводимом в формате Восток-Запад. Матч всех звезд — это относительно новое для России понятие и базируется, в основном, на энхаэловской модели. Мне говорят: это — зрелище, в нем больше блеска и глянца, чем хоккея. Знакомо, не правда ли? Из наших хоккеистов на матч были отобраны семеро — три защитника (Варламов, Атюшов и Юшкевич); три форварда (Кудерметов, Малкин и Кайгородов), плюс Трэвис Скотт в ворота. Я буду тренером команды Востока, вместе с Петром Воробьевым, тренером Лады. Тренерами Запада будут Юрзинов и Билялетдинов.

Наши молодежники сегодня вновь в составе, но они

пребывают не в лучшей форме. Может быть, дело всего лишь в смене часовых поясов, но особенно Малкин, кажется, подхватил некоторые нехорошие привычки, пока отсутствовал. Прошла всего лишь одна игра, и я не паникую, но если он будет продолжать в том же духе, придется нам провести небольшой видео разбор и показать ему кое-какие вещи, которые он должен делать лучше. Но он очень хорошо реагирует на такие меры. Он восприимчив к помощи и не отвергает советы.

10 января

Теперь, когда появился хороший снежный покров, в течение последних 8-10 дней мы ежедневно видим по несколько лошадей, проходящих туда-сюда по нашей улице, иногда тянущих знаменитые русские сани — тройка. Представьте себе картину: на очень оживленной улице двадцать первого века, забитой автомобилями бампер к бамперу — появляются эти лошади, запряженные в сани. Как моментальный взгляд в прошлое. Сегодня, когда я бегал, не увидел пару наших собак и беспокоюсь, что с ними могло случиться.

В течение прошедшего месяца наш собачий приют постепенно разросся. Начинался он с Леди и ее двух щенят, Шайбы и Клюшки. После того, как мы начали их ежедневно подкармливать, появилась еще одна собака — Блэки («Чернушка»). Это была бездомная сторожевая собака с горнолыжного центра, заброшенного и разграбленного. Скрафи (Лохматый) был следующим поступившим, я видел его раньше, когда пробегал мимо новой церкви. Затем я обнаружил Пеглег (Культя), которому, наверное, в лапу воткнулось стекло; он, фактически, ковылял на трех лапах. После первой кормежки они начинали приходить снова и снова. Это стало их домом, эта площадка позади дворца, где строилась новая арена. Вероятность несчастного случая на дороге велика — я уже видел три-четыре мертвые собаки и несколько кошек, поэтому озаботился, куда делись мои подопечные и были ли они поблизости вообще.

В поисках собак я добежал до церкви и там увидел бомжа. Его шуба и штаны были покрыты инеем, значит, он спал на улице. Я всегда ношу в кармане небольшие деньги, на случай необходимости купить хлеба-молока. Я подошел к нему, протянул 50 рублей и сказал: «На, возьми». Он вытащил свою руку, она была черная и грязная. От него исходила просто вонь. Ему могло быть сколь угодно лет — от тридцати до пятидесяти, я не мог определить. Он выглядел почти замерзшим, и когда я говорю это, я говорю буквально. С утра было минус 26 градусов. Я подумал: где этот человек спал ночью? От таких вещей расстраиваешься до глубины души. Когда я бегаю с собаками, пробегаю мимо двух

поросших лесом участков, где какие-то люди — бездомные алкоголики — сделали себе навесы из полиэтилена. Утром под навесами виден тлеющий костер и пары ботинок, торчащих из-под края пленки. Я не знаю, как им удается выживать.

11 января

Когда мы с Линдой возвращались после кормления собак, увидели мрачное зрелище на свалке позади дворца спорта. Предполагаю, что кто-то украл овцу, подвесил ее за задние ноги и разрезал ей горло. Отрезанная голова валялась рядом с внутренностями. Шкура была полностью снята и, вывернутая наизнанку, брошена в окровавленный снег, рядом с копытами. Тушу взяли на мясо. Я знаю, что животных иногда крадут и забивают, но за нашим дворцом? Что будет дальше?

12 января

Мы с Линдой с каждым днем становимся все больше похожими на русских. Например, куда бы мы ни пошли, мы берем с собой сумку для покупок. Это холщовая сумка, красивая и прочная, мы берем ее с собой, потому что можем вдруг встретить какие-нибудь продукты, которых раньше не видели. На днях мы увидели кочанный салат, впервые за все время пребывания здесь, и сразу же схватил его. Обалдеть. Как будто: «Ого, что это?» Мы нашли салат, встретили сельдерей, и — я знаю, что в это трудно поверить — это стало поводом для небольшого праздника. Я не хочу сказать, что мы испытывали здесь лишения, потому что это не так. Магазины полны хороших бакалейных товаров, но хорошая продукция бывает редко, особенно зимой. Разнообразие и количество очень сильно уменьшились.

Вот еще одно отличие: в супермаркетах редко увидишь людей старшего поколения, потому что цены слишком высоки. Они вынуждены закупаться на открытых рынках, где можно немного поторговаться. Там может быть с десяток людей, продающих морковь, поэтому можно сказать: «Э-э, слишком дорого, пойду-ка дальше». Люди спорят. Сбивают цену.

13 января

Сегодня после тренировки я переоделся для пробежки, схватил сумку с собачьим кормом, добежал до их «приюта» и накормил всех. Как обычно, собаки сопровождали меня по дороге обратно. В это время хоккеисты выходили из дворца перед отъездом на базу и увидели меня, выбегающего из-за сугроба в сопровождении стаи. Точно вам говорю — у них глаза округлились. И собаки, естественно, увидев их, начали на них лаять. Я стою, пытаюсь их успокоить — в смысле собак, не хоккеистов. Хоккеисты-то неплохо посмеялись над этой картиной. Я знаю, они и так считают меня одержимым, из-за моей

зацикленности на ежедневных пробежках. И тут они видят меня с этими бродячими псами, которых в России никто и не замечает. Уверен, что они думают: «Да, этот наш тренер — тот еще кадр».

14 января

Я иногда поражаюсь, насколько российские хоккеисты спокойнее своих канадских и американских коллег. На Кубке Шпенглера было интересно слышать все эти разговоры, доносившиеся из раздевалки или с лавки канадцев, в то время как наши игроки спокойно сидят-одеваются, готовясь к сражению, и при этом выглядят как будто в забытьи. Только после сигнала о трехминутной готовности к выходу на предматчевую раскатку раздаются считанные голоса. Обычно наш капитан, Евгений Варламов, произносит одни и те же несколько слов, так перед каждой игрой. То же самое бывает на скамейке и в перерывах между периодами — мертвая тишина, лишь немногие хоккеисты что-то говорят, поддерживая или поощряя товарища.

Со временем я узнал, что такая тишина не является необычной. Это именно по- российски. Хоккеисты редко когда жалуются или как-то эмоционально реагируют. Ты можешь решить провести укороченную тренировку и сообщить им об этом: ноль реакции. Ты можешь решить провести удлиненную и более тяжелую тренировку: все равно ноль реакции. Ты можешь сказать какому-либо игроку переодеваться на матч вместо кого-то другого: ноль реакции, ни от поставленного на игру, ни от снятого с игры. Я считаю причиной этого тот факт, что, начиная с юного возраста, хоккеисты оказываются один на один перед тренером, резко выговаривающим им за ошибки, будь то на скамейке, в раздевалке или на льду. Редко когда это делается не публично, поэтому, чтобы справиться с такой ситуацией, хоккеисты просто не реагируют. Они молча проглатывают замечания и, придав лицу бесстрастное выражение, тем самым демонстрируют свою силу товарищам по команде. Я видел взрослых мужчин, тренеров 10–11 летних хоккеистов, чуть ли не бессвязно орущих в лицо мальчишкам, а те просто принимают такое «лечение», не моргнув глазом и не показывая своим сверстникам какой-либо слабости.

16 января

Мы добыли победу 2–0 в Новокузнецке, в сердце Сибири, и теперь наша победная серия состоит из шестнадцати матчей. Наш пресс-атташе говорит, что прежний рекорд Суперлиги составлял одиннадцать игр, а во времена до ее создания ЦСКА частенько проходил весь сезон со всего лишь одним-двумя поражениями. Все равно, мы тут неплохо раскатились; посмотрим, сколько нам удастся продержаться.

17 января

В последние дни в Магнитогорск вдруг нагрянула зима. До сих пор снег уже лежал, но температура была вполне умеренная. Мы с Линдой не видели по-настоящему суровых зим уже лет пять-шесть, поэтому ждали: каково оно будет, когда зима, наконец, придет? Пока минимальная устойчивая температура доходила до минус пяти-шести-семи; приходилось надевать парку (удлиненную утепленную куртку с капюшоном) и лыжную шапку, но погода была терпимая. Затем, вдруг, температура резко упала в диапазон минус тридцать-сорок градусов. Я — любитель истории, и тут же начал думать-вспоминать. Именно это случилось с войсками Наполеона, и то же самое — с войсками Гитлера. Они попались в такую же крайне холодную зиму-ловушку. Я видел, как по утрам водители залезали с паяльными лампами под свои машины, чтобы разогреть масло и запустить двигатели. На улицу люди выходят только по абсолютной необходимости. Если человек идет куда-то, то с какой-то целью, и с максимальной, по возможности, быстротой. Люто.

Я по-прежнему бегаю, каждый день, но впечатления не самые приятные. Обычно я надеваю свитер и капроновую куртку, этого хватает. Иногда, если становится слишком холодно, наматываю шарф. Но когда погода становится такой, как сейчас, я надеваю два свитера, наматываю шарф вокруг головы и завязываю его на затылке, закрыв им лицо. Ко времени возвращения домой мое забрало промерзает льдом, но свою задачу оно уже выполнило. Шарф задерживает холодный воздух, а именно это и требуется. Единственно, когда холод достает, это когда бежишь навстречу холодному ветру, дующему в лицо. Начинаешь чувствовать, что лицо местами начинает замерзать, и тогда потягиваешь шарф повыше. Необходимость надевать много одежды, я считаю, преувеличена. Как известно, есть много очень хорошей одежды для бегунов. Я никогда такой особенно не пользовался. Ношу обычные кроссовки, обычные теплые носки. Не увлекаюсь высокотехнологичной экипировкой. Но, когда отмораживаешь себе задницу, особого удовольствия от бега не получаешь. Если уж выбежал, минут на десять-двенадцать — еще нормально, но не сильно весело.

18 января

Сегодня наша победная серия закончилась домашней ничьей против С-Петербурга — 3–3. Теперь СМИ говорят, вместо победной серии, о «беспроигрышной серии». Симчук, наш второй вратарь, начал этот матч, но игра давалась ему с трудом, и я заменил его на Трэвиса Скотта. Симчук сыграл за нас мало матчей, поэтому важно давать ему игровую практику, с хорошими

результатами, до начала плэй-офф. Он сыграет три матча за сборную Украины во время олимпийского перерыва, и это должно ему помочь выйти на пик формы. Просто, если что-то случится с Трэвисом, Симчук нам нужен в готовности как его надежный сменщик.

20 января

Сегодня температура воздуха упала до 30–35 градусов ниже ноля. Отопление в нашей гостинице в Череповце должным образом не работает, поэтому в ресторан хоккеисты ходят одетые в куртки, а спят ночью в тренировочных костюмах. В газетах пишут, что в Москве ежедневно замерзают насмерть по нескольку бездомных людей. Во многих городах полопались трубы отопления, и люди вынуждены бороться с холодом в промерзших сырых квартирах. Мы выиграли 3–1, показав солидную выездную игру. После этого я с семью игроками отправился ночным поездом в Мытищи, пригород Москвы, на матч всех звезд.

21 января

Новая арена в Мытищах открылась два месяца назад, в ноябре. Это красивый ледовый дворец в североамериканском стиле, с ложами, огромным видеоклубом и рестораном. Сегодня Геннадий Величкин и его жена Надя пригласили нас на ужин, вместе с нашим переводчиком Игорем и московским водителем Романом. По дороге мы проезжали один массивный квартал за другим, застроенные огромными современными «гигантскими» домами. Точно как в каком-нибудь городе Эн-сити, США.

Нам понравился ресторан, потому что напомнил нам о нашем доме на берегу озера в Саскачеване, своей обшивкой из сосны и мерцающими огнями. Внутри он был украшен чучелами голов лося, зубра, марала и оленя. В меню было много традиционных русских блюд, которые мы никогда прежде не пробовали. Там был огромный стол с закусками, которые любой мог попробовать. Затем мы заказали основные блюда из меню. Они настояли на том, чтобы заказать черную икру, которой, конечно, Россия знаменита. Мы с Линдой, так и не воспитав у себя вкус к таким изыскам, смотрели друг на друга в смятении, когда на наш стол подавали эту дорогую еду в огромных количествах. Мы не хотели показаться невежливыми, поэтому оба попробовали немного ложками, а затем взяли по большому куску черного хлеба и намазали на них немного икры с одной тарелки. Потом, когда никто не видел, Линда тайком положила их на пол рядом с собой. Остальное она завернула в какую-то салфетку и засунула в пару носков, которые она носит в своей сумке. Когда мы вернулись в гостиницу, она спустила все это в унитаз. Мы посмотрели друг на друга, как два нашкодивших ребенка, и от души рассмеялись.

22 января

Проведение матча всех звезд — явление в России новое, но имеющее одну общую с энхаэловским эквивалентом черту: отсутствие борьбы. Фактически, это возвеличенный вариант игры в шинни (вид хоккея с упрощенными правилами — прим. пер.), и хотя я мало что могу поделать с этим, чувствую себя не очень уютно. Эти хоккеисты попали на этот матч, потому что они — сливки общества, но то, что обычно проходит под видом матча всех звезд, редко когда имеет что-либо общее с основными элементами хоккея. Вместе с тренером Лады Петром Воробьевым мы — тренеры команды Востока. Петр совсем мало говорит по-английски, и я совсем мало говорю по-русски. На протяжении всего первого периода я взгляну вдоль скамейки на него, он взглянет вдоль скамейки на меня. Затем мы оба глядим в потолок. Через некоторое время опять: я на него, он на меня, и оба в потолок. Мы не обменивались словами, но уверен — мы сообщали друг другу свое разочарование происходящим на площадке. В конце периода я говорю переводчику: «Спросите Петра, прямо сейчас, что он думает об этой игре». Петр ответил что-то про «анти-хоккей». Я говорю: «Скажите ему, что я такого же мнения,» — добавив, «не собираюсь критиковать, но попрошу ребят выдать чуть побольше хоккея».

Перед матчем я попросил Дмитрия Юшкевича выступить в качестве моего переводчика. Поэтому он был рядом со мной, когда я сказал: «Парни, я понимаю — это матч всех звезд, через три дня мы вернемся к тяжелой работе и матчам регулярного чемпионата. Но в лиге мы играем вот на таком уровне» — я поднял свою руку к подбородку — «а сейчас мы играем вот на таком» — и я опустил руку почти до пола. «Я не жду от вас игры на таком же уровне, но жду где-то на уровне посередине. Люди хотят увидеть хоккей. Поэтому я прошу вас кататься быстрее, пасовать резче, бросать шайбу, не затягивать смены. Я не прошу вас блокировать броски и никогда не попрошу от вас силовой борьбы, потому что не этого мы сейчас ждем. Но мы хотим от вас быть вот здесь — в середине». Краем глаза вижу, как Воробьев кивает головой и поднимает большой палец вверх. После этого мы вышли и показали что-то, более близкое к хоккею. Не знаю, говорили ли тренеры Запада что-либо своим хоккеистам, но, поскольку мы заиграли по-другому, они — тоже, и в целом это стало более-менеее похоже на хоккей.

23 января

Снова в Большом М, в 37-градусный мороз мы с Линдой добросовестно идем кормить собак. Мы договаривались с Александром, сыном Игоря, что он присмотрит за ними, пока мы

в отъезде. Но дело в том, что нам искренне нравится делать это. Мы знаем, что вносим (положительные) изменения в их жизни, потому что в такой холод им пришлось бы тратить большую часть энергии на добывание корма. Мы очень привязались к ним, и даже дали им клички. Первая собака стала Леди; еще одна собака — Блэки (чернушка); маленького шустрого песика с подбитой лапой мы называем Hopalong (попрыгунчик) или Pegleg (культя); еще один пес — Scruffy (лохмач), что метко характеризует его вид. Узнав, что мы попросили одного из работников ледового дворца построить нормальную собачью конуру, наша семья посчитала, что мы перебрали. Я попытался заплатить этому человеку за работу, но он ничего от меня не принял, и тогда я купил ему ледовый бур. Я знаю, что он рыбак — многие здесь рыбачат, для хобби и для стола — а зимой, когда река покрывается льдом, необходим бур для сверления лунок во льду. Мы поставили конуру в стороне от дороги, откуда, мы надеемся, никто ее не стащит.

28 января

Я принес домой, для Линды, несколько номеров англоязычной газеты Moscow Times. Нам обоим не хватает возможности ежедневно читать газету. У нас есть высокоскоростной Интернет, но, наверное, я старомодный человек — он не может заменить мне удовольствия сесть и прочитать газету от первой до последней страницы.

Снова газета констатирует ошеломляющий размах коррупции в России. Каждый день происходит новый скандал с взятками, затрагивающий политические фигуры страны, многие из которых, похоже, ищут, кто предложит им наивысшую цену за их влияние. Я не знаю, что более удивительно — тот факт, что это происходит, похоже, в гигантских масштабах, или коллективное безразличие к очередному примеру продажного должностного лица. Это такой факт российской жизни, что, похоже, все смирились с этим.

31 января

В домашней игре с Химиком мы смогли одержать одну из наших важнейших побед в сезоне — 5–2 после того, как в начале третьего периода мы уступали 1–2. И мы не то, что просто забили четыре гола залпом. Мы играли страстно, и наша силовая манера игры стала одним из факторов победы. Мы не полагались исключительно на класс. Я не уверен, что мог бы сказать это про нашу команду раньше.

Что-то изменилось после того, как мы взяли Илью Воробьева из Лады. Это невозможно понять из статистики, потому что Воробьев не является снайпером, но с его приходом мы

приобрели нечто, чего нам не хватало. Он — тот, кого называют «грязным» игроком. У меня в Калгари был игрок такого же плана, по имени Ронни Стерн. Когда у Воробьева отбираешь шайбу, так просто это не заканчивается. Пока отъезжаешь от этого парня, обязательно что-нибудь от него да получишь. Помимо ругательства последует и что- то вроде удара битой. Он тебя не уважает. Может ткнуть крагой в лицо. Этого у нас не было. Нам требовалось больше жесткости. В ноябре, когда у нас появилась возможность получить Воробьева, я сказал: «Берем». Он блокирует удары по воротам. Он делает все, что нам требуется. Он изменил нашу команду, и, я уверен, это во многом связано с тем фактом, что его отец — тренер.

Когда наблюдаешь за командой его отца — Ладой — во время предматчевой раскатки, задаешься вопросом: что от них осталось? Когда у этой команды кончится бензин? А они все сражаются. Такая молодежь, господи, а ведь как упорно бьются! И они ведь входят в зону плэй-офф, с фактически новой командой, созданной в ноябре. У меня нет ни малейших сомнений, что Петр Воробьев — великий тренер. Бог ты мой, он крут. Он никогда не разговаривает со своими парнями на скамейке. Когда он подходит к игроку, то не для того, чтобы похлопать парня по спине. А для того, чтобы научить его чему-то. Поэтому сын играет так, как научил отец, и в его лице контраст и дополнение к нашей команде — потрясающие.

Я узнал немного про Илью с тех пор, как он приехал к нам. Его семья весь год живет в Испании, а он ездит к ним в течение сезона, когда позволяет расписание игр. Он — русский, но с немецким паспортом, поэтому технически является легионером. Я поинтересовался, как русский может быть легионером в своей стране. Мне рассказали, что, когда он поехал играть в Германию, как-то сумел получить немецкий паспорт, поэтому сейчас, когда снова приехал в Россию, он вынужден играть как легионер. Он сам и его жена говорят на четырех языках, включая английский, ему удалось легко вписаться в нашу команду. Он — победитель, и такого бойцовского характера люди нужны в команде, чтобы иметь шансы, когда придет время плэй-офф.

Как тренер, я люблю периодически проводить со своим составом упражнение по оценке игроков с использованием метода, как я его называю, «кругов влияния». Я вычерчиваю круг, представляющий стержень нашей команды, и затем три-четыре внешние окружности вокруг него. Внутренний круг — это игроки, имеющие самое большое положительное влияние на нашу команду. В него входят люди вроде Малкина и других, менее разрекламированных игроков, у которых может и не быть

отличной статистики, но от них ощутимо зависит, выигрываем ли мы или проигрываем. В каждом следующем круге мы перечисляем игроков по мере уменьшения их влияния или значения. Такой подход может привести к очень интересным дискуссиям, потому что приходится анализировать много факторов, помимо мастерства. Приходится учитывать лидерские способности, чувство игры, жесткость — факторы, которые часто диктуют, как игрок реализует свои возможности в напряженных, жестких матчах. В общем, мои российские коллеги-тренеры больше обращают внимание на мастерство, нежели на некоторые из неосязаемых вещей, которые я ценю столь высоко. За короткий промежуток времени Воробьев переместился в самый центр, именно благодаря тому, как он бьется. Было время, раньше, когда я думал, что наша команда слишком мягкая. И мне было интересно, сможем ли мы противостоять командам, которые избирают такой стиль игры. Но с Юшкевичем, Королевым, Воробьевым, капитаном Евгением Варламовым и Владиславом Бульиным, поигравшим 4–5 лет в системе Philadelphia Flyers', меня этот вопрос больше так не беспокоит. У нас есть разные способы достижения победы. Я думаю, именно поэтому дела у нас так хороши — потому что мы умеем выигрывать по-разному. Мы могли выигрывать 2–1 и захлопнуть дверь. Но если мы начинали проигрывать, мы оказывались способны, во многих матчах, забить те самые четыре гола третьего периода и вытащить матч, как сделали это сегодня.

Февраль

1 февраля

Мы как будто попали в девятидневный челночный тур, Москва-обратно, туда-сюда, через день. Сегодня, в третий раз за девять дней, мы летим в Москву, в этот раз — на матч с Динамо. Странное расписание! По пути из аэропорта в гостиницу я попросил Игоря перевести заголовки московских газет. Они гласили: «Не будет денег. Не будет игры». По-видимому, хоккеистам Динамо не платили зарплату более двух месяцев — а это, предположительно, одна из самых богатых команд России. Похоже, у клуба проблемы с деньгами, и хоккеисты, в конце концов, предали огласке свои требования. Они заявили, что не поедут в Новокузнецк в конце этой недели, пока им не выдадут зарплату.

Еще одна новость — Владимир Плющев, тренер череповецкой команды, уволен. Он хороший тренер, но от команды ждали места выше, чем десятое, занимаемое в таблице Суперлиги. Согласно газетной статье, на следующий сезон Череповец планирует тоже нанять иностранного тренера. Я решил не встревать в разговор, когда среди моих помощников возникает тема увольнения. Вообще говоря, в большинстве стран доморощенные тренеры могут быть очень чувствительны к вопросу увольнения иностранных тренеров.

2 февраля

Сегодня, после предматчевой раскатки, я провел немного времени в разговоре с Малкиным и Кайгородовым, при этом Игорь Королев помогал с переводом. Я знаю, что Игорь не любит переводить хоккеистам оценочные комментарии, но мне было необходимо в точности донести смысл до обоих, и самый эффективный способ — именно так, через Игоря. Для Кайго смысл замечания меняется редко. Ему необходимо играть с большей остротой. Его игре нужно больше решительности. Он хочет в недалеком будущем играть за Оттаву, но если не подтянет этот элемент игры, в НХЛ он не задержится. С Малкиным вопрос стоит не о решительности. Ему необходимо чаще отдавать пасы. Ему необходимо уважать способность своих партнеров играть в хоккей. Он может добиваться большего, больше пасуя каждому партнеру, нежели используя его в каждой смене просто как манок. Я стараюсь уважать российский стиль игры, но и хочу, чтобы некоторые игроки поняли, что в Северной Америке — где оба они хотят играть в следующем году — есть некие тонкие, индивидуальные моменты, от игроков требуется более

наступательная игра. Один из моих любимых приводимых примеров — Гэри Робертс, игравший у меня в Калгари. Против Гэри всегда было тяжело обороняться, потому что, когда бы он ни оказался перед противником, он всегда пытался сфинтить, проскочить, увернуться от борта, чтобы раньше защитника, первым оказаться на пятачке перед воротами. Там он мог занять отличную позицию для подправления или добивания шайбы, не пойманной и вовремя не зафиксированной вратарем после броска кого-либо из нападающих. Еще он обладал способностью прикрывать шайбу, ставя корпус как стену между ней и защитником. Сочетая эту способность с мгновенными разворотами и изменениями направления, Робертс создавал достаточный отрыв, чтобы сделать пас или, еще лучше, выскочить на пятак. Особенно Королев хорошо знал и мог оценить то, что делал Гэри Робертс.

Мы выиграли у Динамо 3–1, проведя матч на солидном уровне. Кайго сыграл по-прежнему мягко, а вот Малкин внял. Он здорово сыграл и в нападении, и в защите, выдав ряд великолепных отрезков. После игры я коротко переговорил с тренером Динамо, Владимиром Крикуновым. Я признал, что его команда сыграла очень хорошо, учитывая, что четыре основных защитника не играли из-за травм. Я также пожелал ему успеха на Олимпиаде. В России ждут олимпийскую медаль, и для команды это будет серьезная задача. Почему-то, в то время как весь остальной хоккейный мир борется с задержками, зацепами и прочей грязью, мешающей играть, российская федерация хоккея решила не вводить изменения в правила в нашей лиге — даже при том, что, теоретически, российский хоккей преимущественно известен своей скоростью, мастерством и артистизмом. Это означает, что олимпийская команда Крикунова будет бороться с соперниками по стандартам судейства, отличающегося от привычного нам в нашей лиге. Смысла в этом, конечно, нет. Просто еще один пример того, как российская федерация идет под бой другого (и несколько не в ногу) барабанщика.

3 февраля

Так, кое-что сильно изменилось: из-за того, что наша команда так много побеждает, мы вышли за рамки бюджета, вследствие премиальных выплат игрокам и персоналу после каждой победы. Возможно, поэтому мы больше не летаем в Москву чартером — чтобы снизить затраты. Команда устала, после очередного ночного рейса с прибытием в пять утра. К счастью, олимпийский перерыв наступает всего через несколько дней.

4 февраля

ЦСКА, клуб Красной Армии, приехал к нам сегодня, и, как

обычно, его приезд вызвал большое оживление. Когда он приезжает сюда, здесь возникает такое же возбуждение, как в Калгари или Эдмонтоне, когда туда приезжают Montreal Canadiens. По причине долгой и успешной истории ЦСКА его игра всегда привлекает всеобщее внимание. Естественно, это помогает и нашим хоккеистам собраться на игру. Мы победили 2–1, но в целом они переигрывали нас и имели преимущество в голевых моментах. Вся разница — Трэвис Скотт. Он хорошо сыграл в воротах, и мы зацепились за победу.

Когда я вернулся в тренерскую, меня там ждал приятный сюрприз. Игорь Ларионов переслал мне с командой ЦСКА бутылку вина, и мне ее занесли. Игорь — настоящий знаток вин и владелец винного бизнеса, разбросанного по всему миру. Это было испанское вино. Вместе с бутылкой он прислал фотографию времен своих выступлений за Детройт, которую подписал «удачи в России, всего наилучшего, ваш друг, Игорь Ларионов». Это был красивый жест, и я оценил его. Я не слишком хорошо знаком с Игорем, но всегда восхищался его манерой игры. Помню, однажды, когда я еще тренировал Columbus Blue Jackets, в Детройте столкнулся с ним после тренировки. Я шел на каток, а Игорь выходил с него, мы остановились, немного поговорили. Ему уже было сорок или сорок один в то время. Я спросил: «Игорь, ты когда думаешь заканчивать играть?» Он ответил: «Может быть, и никогда». Я говорю: «И не заканчивай. Ты по-прежнему играешь головой, а голова твоя так же хороша, какой была всегда. Это никогда не изменится. Ты всегда играл больше головой, чем ногами». Он кивнул и сказал: «Да, вы правы». На мой взгляд, Игорь был одним из самых умных игроков, против которых мне доводилось выводить команду. Его умение читать намерения своих партнеров так же хорошо, как и намерения противника, выделяло его из массы хоккеистов. Некоторые игроки умеют предугадывать и реагировать на действия соперника, но не умеют предугадывать действия своих партнеров. Он умел делать и то, и другое. Потрясающий хоккеист.

После матча мы праздновали 50-летие Нади Величкиной, в новом, открывшемся в городе центре отдыха, где предлагается боулинг, бильярд, видеоигры, рестораны. Я узнал по ходу этого сезона, что русские очень серьезно относятся к пятидесятилетним юбилеям, и мы прекрасно провели вечер — были тосты, много смеха — с нашими новыми русскими друзьями.

5 февраля

Предполагалось, что сегодня начнется единственная неделя моего отпуска по ходу сезона. Мы с Линдой планировали вылететь в восемь утра из Магнитогорска в Москву- Торонто-

Калгари, но снова туман задержал наш рейс из Магнитогорска. В результате, мы опоздали бы и на все стыковые рейсы. Мы были очень расстроены, потому что собирались повидаться в Калгари с Энди, Джен, Сарой и внуками. У нас было всего семь дней, а теперь остается только шесть. Как обычно, Линда бросилась к компьютеру и нашла другие рейсы на сегодня, через Франкфурт. Мы переночуем в Германии, и завтра вылетим из Франкфурта прямым рейсом в Калгари.

6 февраля

За сутки утомительных перелетов мы с Линдой добрались до Калгари. Тем временем, наши хоккеисты сегодня вылетели из Магнитогорска — погода позволила — на тренировочный сбор в Дубай. Первоначально я планировал быть там вместе с ними, но в Канаде я не был уже с начала июля, поэтому пару месяцев назад подошел к Величкину и спросил, действительно ли мне было необходимо тащиться туда. Поскольку там не планировалось ни одного занятия на льду, такой необходимости не было. Он согласился, поэтому, пока я буду наслаждаться неделей в кругу семьи, довольно интенсивную программу внутрисезонных тренировок на земле проведут мои российские коллеги. Каждое утро они будут начинать с двух с половиной часов занятий на развитие силы, прыжков через препятствия и плиометрики. Завершаться тренировки будут игрой в футбол в течение 45 минут. После обеда игроки будут свободны, поэтому большинство из них взяли с собой жен и детей, будут греться на солнце и расслабляться на воде. Еще две российские команды отправились в Дубай, а остальные просто дали своим хоккеистам неделю для проведения отпуска на свое усмотрение. Мы посчитали, что было бы хорошо дать хоккеистам отдых, но при этом поддержать высокий уровень физической готовности. Отправившись в Дубай, мы создали ситуацию, в которой и команда, и игроки оказываются в выигрышном положении. Единственный хоккеист, не поехавший в Дубай — Малкин, отправившийся в олимпийскую команду России. Он будет играть в центре тройки хоккеистов из Суперлиги — с Александром Харитоновым и Максимом Сушинским, выступающими за московское Динамо. По причине травм и самоотводов сейчас в олимпийской сборной России семеро игроков из Суперлиги. Остальные — из НХЛ. Мне будет интересно понаблюдать за Малкиным, соревнующимся на таком уровне. Я знаю, что все в нашем клубе гордятся тем фактом, что он играет за Россию.

14 февраля

Мы вернулись в Магнитогорск, проведя столь необходимый отпуск в Калгари, где повидались с семьей, друзьями и вообще

насладились обычностью жизни в Канаде — сходили в школу наших внуков, ужинали вне дома, к тому же Линда могла говорить по- английски со всеми, с кем встречалась. Я знаю — ей бывает тяжело, когда я уезжаю на выездные матчи; иногда она по нескольку дней не встречает никого, кто говорит по- английски.

Наша команда вернулась из Дубая, и согласно всем отчетам, хоккеисты перенесли тяжелые нагрузки со своим обычным стоицизмом. За семь дней они подняли по десять тонн тяжестей, пробежали по 25 км для развития аэробной способности и еще по 3 км ускорений.

В нашем чемпионате начался перерыв, который продлится целый месяц, и сейчас до нас начинает доходить, насколько невероятно успешный сезон — который удивляет всех, с кем мы говорили — мы проводим. Сорок шесть матчей, из них мы проиграли всего три в основное время. Всего три поражения в 46 играх! Изумительный процент победных матчей.

Честно говоря, у меня никогда не было подобного сезона. Некоторым образом, я позволил застать себя врасплох. Обычно тренеры ежедневно следят за состоянием турнирной таблицы. Мы вынуждены делать это. Наша тренерская жизнь зависит от побед и поражений; проиграй слишком много матчей, и, в конечном итоге, потеряешь работу.

Будучи тренером, ты не только озабочен успехами своей команды, но и интересуешься достижениями остальных команд. Приблизились ли они? Отстали? В этом году, однако, я не особенно следил за чужими результатами, хотя мои русские коллеги уделяли этому внимание. Между периодами они посматривали другие игры по телевидению, поскольку интересовались их результатами. Я интересовался только нашими собственными результатами. Понятия не имел, довольно долго, на сколько же очков мы опережали второе место. Если бы вы спросили меня, сколько у нас очков, в большинстве случаев я не смог бы ответить. Я знал только, что мы не проигрывали долгое время. Но я никогда не подхватывал эту как бы звездную болезнь, в то время как многие вокруг меня — да, вплоть до того, что я думал про наш тренерский штаб — не слишком ли пренебрежительно мы начинаем подходить к некоторым матчам.

По мне так: когда все закончится, тогда и буду праздновать, если будет причина праздновать. Мой профессиональный опыт не позволяет мне отрываться от земли; у меня в НХЛ бывали хорошие результаты с Calgary Flames в регулярном чемпионате, которые затем не переходили в успех в играх навылет. Так что я остаюсь начеку; у меня есть опыт, чтобы не принимать что-либо как само собой разумеющееся. Но сезон пока проходит

поразительно. Иногда я звоню Линде с выезда и говорю: «Мы сегодня выиграли 2–1», а она в ответ: «Опять?» Потому что, даже если у тебя великая команда, предполагается, что она будет время от времени проигрывать, просто потому, что даже самые слабые команды время от времени выигрывают. И у нас были причины проигрывать. У нас были травмы; в ноябре мы на три матча потеряли вратаря номер один; некоторые хоккеисты уезжали — например, Малкин на молодежный чемпионат мира. Мы столкнулись с усталостью. Мы съездили на Кубок Шпенглера, сыграли пять матчей за шесть дней, затем вернулись и провели еще восемь игр чемпионата за тринадцать дней. Бывали всякие моменты, когда я ждал, что уже не останется никаких сил в ногах, никакого топлива в баках, что мы, проигрывая по ходу матча две шайбы, просто не сможем отыграться. Но нет, этого не случилось. Или, по крайней мере, еще не случалось.

15 февраля

Сегодня пришла странная новость из Челябинска, одного из знаменитейших хоккейных городов России, который дал сборной Сергея Макарова и ряд других хоккеистов. Согласно сообщению, Трактор и Мечел, две команды, играющие дивизионом ниже, объединятся в один клуб на оставшуюся часть сезона. По сути, Мечел передал своих пятерых лучших хоккеистов в Трактор, чтобы помочь ему выиграть Высшую лигу и выйти на следующий сезон в Суперлигу. Вы можете себе это представить? Одна команда посреди сезона фактически выбрасывает белый флаг, чтобы помочь своему оппоненту победить. Другие команды, борющиеся за первое место в Высшей лиге, должно быть, не очень счастливы видеть как Трактор, бывшая команда Сергея Макарова, добавляет в состав пятерых хороших хоккеистов. Это как если бы Питтсбург передал Сидни Кросби и Марк-Андре Флёри в Montreal Canadiens, чтобы помочь ему выиграть плэй-офф.

16 февраля

Заранее зная о предстоявшем длительном перерыве, я составил план — как нам, хотя бы попытаться, сохранить остроту в игре, демонстрировавшуюся на протяжении сезона. Решение у меня всегда одинаковое: возвращаемся к самым основам. В первые три дня после возвращения команды из Дубая мы провели огромное количество упражнений один-в-один, два-в-два и три-в-три, отрабатывая навыки противоборства. Мы повторяли все: шайба на крюке клюшки, корпус в корпус, с поднятой головой. Я повторил упражнения на организацию отрыва; когда один игрок растягивает (оборону противника), а второй выскакивает сзади, и мы имеем два варианта — прорыв игрока на острие атаки или оставление/обратный пас. Мы все это повторили заново. Мы уже

делали то же самое после двух предыдущих перерывов в расписании игр, это будет третий раз. Потому что в тренерском деле повторение и пересмотр — это главное, и я всегда возвращаюсь к самым кирпичикам. Я выучил этот урок давным-давно.

В хоккее все сводится, в конечном счете, к способности сыграть один-в-один. Если ты умеешь хорошо сыграть один-в-один без шайбы, ты будешь много играть и с шайбой. Если ты умеешь хорошо встречать соперника, будешь много контролировать шайбу. Если хорошо прикрываешь шайбу при ее ведении, будешь владеть ею много. Поэтому именно на этом были сфокусированы наши тренировки в этот период, и ребята знали, что так будет. Темп и интенсивность этих упражнений очень высоки, это тяжелая работа, поэтому через некоторое время мы их плавно снизим, дадим ребятам полдня отдыха, а затем вновь отработаем по кругу.

Мы добились большого успеха, и у нас было много причин, по которым мы могли его и не добиться, поэтому я нахваливаю хоккеистов. У нас лучшие показатели по игре в меньшинстве, 4-5й результат по игре в большинстве, мы первые по забитым и по пропущенным шайбам. Мы лидируем по многим параметрам, но я живу в хоккее уже достаточно долго, чтобы не принимать что-либо как само собой разумеющееся. Еще одним хорошим для нас моментом является то, что в каждом матче мы играем с мотивированным противником. Мы являемся мишенью. В течение последних двух месяцев соперники выходят против нас с мыслью: «Давайте-ка обыграем Магнитогорск — он не проигрывал уже два месяца». Они хотят оказаться той командой, которая сумеет нас обыграть. Пока никто не преуспел.

17 февраля

Все телевидение заполнено Олимпиадой, а Малкин вчера мощно сыграл против Швеции в матче, закончившемся разгромной победой России. Все наши хоккеисты возбуждены — игрой Малкина да и всей сборной. Канада, тем временем, уступила 2–1 Швейцарии, поэтому я помалкиваю себе в раздевалке, где команда смотрит матчи на большом экране телевизора.

19 февраля

В Турине творится кошмар — Канада снова проиграла, на этот раз Финляндии, и мне совсем не весело. От игроков пошли всякого рода подколки. Русские споткнулись в первой игре против словаков, но после того матча играют хорошо. Они могли бы стать командой, которую было бы неплохо обыграть.

20 февраля

С самого начала регулярного чемпионата многие команды стали использовать против нас тактику упреждающего сдерживания, или, как сегодня ее обычно называют, «ловушку, капкан», когда четверо, а то и пятеро хоккеистов синхронно откатываются назад в средней зоне, пытаясь защититься от нашей мощной атаки. А поскольку Суперлига не перешла к политике «нулевой терпимости» (к грязной игре — прим. пер.), принятой в НХЛ и в международных соревнованиях, зацепы и задержки по-прежнему широко распространены.

О ловушке в средней зоне много говорят, но не особенно хорошо понимают, что же это такое. Или, точнее, люди ощущают то, что ловушка приносит, но не знают, как с ней бороться. В стратегическом плане, мы пытаемся противостоять ловушке, растягивая пассивную упреждающую оборону 1-2-2 или 1–4 так, что противник не может оставаться компактно уплотненным в средней зоне, а уплотненность, собственно, и делает капкан столь эффективным. Ловушка работает на том же базовом принципе, по которому возникает затор — в средней зоне такое плотное движение, что часто не хватает места для ведения мастерской игры. Даже если пространство есть, обычно кому-то позволяются блокировки, что сбивает темп игры до скорости ползания. Мы пытаемся преодолевать такую оборону, засылая своего правого крайнего в тыл защитникам, что заставляет их оттягиваться назад, растягивает их глубину и создает пространство между нападающими и защитниками. В некоторых случаях целью бывает оттянуть всех пятерых соперников назад, чтобы они не могли выстраивать линию обороны на красной линии. Затем мы стараемся ввести шайбу в зону.

Как последнее средство мы используем заброс шайбы за спины защитникам, с последующей борьбой за нее, если они оказываются у шайбы первыми. Наши российские игроки любят «растягивать» оборону соперника, а на синей линии они скорее пойдут в обыгрыш, нежели будут пробрасывать шайбу в зону. Этот прием годится, если у тебя есть хорошая позиция или преимущество в скорости, но когда три-четыре обороняющихся игрока хорошо организованы и занимают правильные позиции, ошибка может привести к перехвату шайбы и организации контратаки, для чего схема 1-2-2 или 1–4, собственно, и придумана в первую очередь.

Доведение этого замысла до наших игроков заняло некоторое время, и с каждым днем мы играем все лучше и лучше. И все равно, я постоянно удивляюсь тому, сколько раз мы идем вперед один против трех без каких-либо, фактически, шансов на успех и теряем шайбу. С другой стороны, я не хочу, чтобы мы стали

командой, полагающейся исключительно на вброс шайбы, потому что при нашем уровне мастерства это не имеет смысла. Тем не менее, бывают моменты, когда заброс шайбы является единственным вариантом, и нам необходимо научиться распознавать такие моменты.

Моя задача состоит в том, чтобы научить игроков читать оборонительные построения соперника в средней зоне и принимать подходящее решение по мере приближения к синей линии. В этом и состоит тренировка по тактике. Ты создаешь игровую ситуацию, и через повторение хоккеисты, надеешься, научатся принимать решения с высоким процентом точности. Потому что с началом матча ты остаешься за скамейкой, и только они сами принимают решения на льду. Как тренер ты только можешь надеяться, что они будут принимать больше правильных решений, чем плохих. Если они понимают логику, лежащую в основе тактики, то, обычно, принимают более правильные решения.

21 февраля

Еще одна вещь, в которую я верю — количество побед прямо пропорционально количеству пакетов со льдом, которые хоккеисты прикладывают после матча. Легкого пути к победам нет — приходится бороться, закрывать броски, в общем, победы имеют свою цену. Наши парни устали до полусмерти. Мы тренируемся на льду с 15 числа, по три напряженных тренировки в день. Сейчас мы сбросили нагрузки до одной тренировки в день, потому что через пять дней, в дату олимпийского финала, возобновляется наш чемпионат. Затем будет финишный спринт в виде пяти туров регулярки и сразу же плэй-офф. Чтобы подготовиться к возобновлению регулярных игр, мы отправились на товарищеский матч в Уфу. В результате сильных морозов полотно трассы вспучилось, и вся четырехчасовая поездка на автобусе превратилась в езду по «лежачим полицейским». Уфа дома играет сильно. При наших тяжелых тренировочных нагрузках я не удивлен, что мы проиграли 3–1. Меня не обеспокоило, что мы проиграли, более того, я именно надеялся на такой результат. В последнее время мы так много побеждали, что стали воспринимать победы как должное. Состав у нас был не полный — понятно, что Малкин еще не вернулся с Олимпиады — но вполне боеспособный, такой, с каким мы должны были выигрывать в этом матче и не сделали этого. Думаю, парни вспомнили, что проигрывать — не очень-то приятно. Их внимание было привлечено, что само по себе неплохо.

Тем временем Блэки, одна из наших первоначальных собак, начинает полнеть, и Линда полагает, что скоро будут щенята. А,

да, еще Линда завела котенка. Вскоре после нашего возвращения из Калгари, она нашла котенка, семи-восьми недель от роду, барахтавшегося в снегу. Думаю, это было брошенное животное, как и многие другие. Так что, мы купили кошачий туалет, миску, и, уж не знаю насколько, но теперь это наш кот. Тот ещё маленький хитрюга, и ему здесь явно нравится.

Сегодня Линда отвезла большой хоккейный баул новой и ношеной одежды в детский дом. Наша невестка Сара прошлась у себя дома по детским кладовкм и передала нам много хорошей одежды для сирот. Я знаю, что им очень понравились эти одежки. Если мы вернемся сюда и на следующий год, мы продолжим заниматься и этим.

22 февраля

Из Турина пришла катастрофичная для меня новость — Канада проиграла России в олимпийском четвертьфинале. Возможно, мне придется на тренировку надеть маску. Естественно, здесь было шумное празднование. Тренировка прошла оживленно, все улыбались. После нее я поздравил игроков, но и предупредил их, что самой тяжелой игрой для России будет следующая. Большие победы часто оставляют после себя эмоциональный вакуум. Интересно будет посмотреть, каким будет последствие для матча с финнами через два дня.

Результат, показанный Канадой, хотя и разочаровал, не был совсем неожиданным, исходя из того, как этот турнир складывался для команды. Иногда просто требуется больше времени, чтобы команда сформировалась, чтобы хоккеисты начали интуитивно чувствовать игру друг друга. Можно взять много хороших игроков, собрать их вместе, и команда может сложиться моментально. Я бывал на мировых чемпионатах, когда ставишь троих парней в одно звено и думаешь: «Ну, посмотрим, что получится» — и начинаешь ощущать себя гением, потому что они моментально сыгрываются. Или, ставишь вместе трех хоккеистов, которые, ты знаешь, должны хорошо играть вместе, а они не могут. Мне показалось, что Канада так и не достигла комфортной сыгранности. Как-то не было у нее ритма. Ритм, по мне, получается тогда, когда последовательно выпускаешь четыре-пять смен. Сделай так пару раз за период, и возникнет импульс. Так вот и разворачиваешь игру. Так и забиваются свои голы. Эта сборная, кажется, ни разу так не делала. Они выглядели медленными. Говорят, что катание важно, и люди правы. Но катание стимулируется движением шайбы. Когда шайба начинает двигаться, и хоккеисты начинают хотеть овладеть ею, чтобы начать следующую атаку, игра вдруг получает некий пульс. Начинаешь чувствовать, как будто ты сам реально находишься на

льду. По игре Канады не было похоже, что у игроков была уверенность в прохождении следующего паса до цели. Просто два паса и бросок. Просто не срослось. Плохо. А сейчас все здесь взбудоражены выступлением России на этой Олимпиаде. Они не хотели встречаться с Канадой на столь раннем этапе плэй-офф. Теперь, после выхода в полуфинал, есть ощущение, что команда действительно может выиграть это турнир. Нападение у команды взрывное. Да и оборона оказалась гораздо лучше, чем ожидалось. Возможно, у них не самая динамичная защита, за исключением Сергея Гончара, бросающегося в атаку, но на своей половине они играют уверенно и быстро доводят шайбу до своих нападающих. Так что, их защитники — это невоспетые герои, а Евгений Набоков — ослепительно хорош. Он своевременно обеспечил охрану ворот. Единственный недостаток, с нашей точки зрения, состоит в том, что Малкин пропустит одну игру за удар Венсана Лёкавалье ногой с последующим удалением в конце матча. Интересно, не было ли это следствием некоей остаточной досады после поражения от Канады на молодежном чемпионате.

23 февраля

Пару слов о нашей системе плэй-офф. В лиге восемнадцать команд, и только две из них не попадут в розыгрыш кубка. Эта система пришла разом и полностью, и повторяет энхаэловскую систему начала 1980-х, где первая команда играет с шестнадцатой, вторая — с пятнадцатой и т. д. Если в первом раунде случится неожиданность, мы получим в соперники команду с самым низким посевом, прошедшую в следующую стадию, и мы получили преимущество своего поля на весь плэй-офф.

Девятое-десятое места занимают очень хорошие команды, которые в первом раунде вполне могут выбить команды с седьмого-восьмого мест. Они могут обыграть любую команду выше себя — включая нас. Так что, на первом этапе могут быть неожиданные результаты, и тогда мы сыграем с низшей из остающихся команд, прошедших в следующий раунд. Это — наше вознаграждение за первое место по итогам кругового турнира. Кроме того, серии ведутся до трех побед, а не до четырех, и это очень опасно. Первые две игры — дома, и если одну из них проиграешь, то на чужой площадке можно и серию проиграть, даже не добравшись до пятой, решающей игры дома. В данный момент битву за последнее место в зоне плэй-офф ведут Витязь, одна из пришедших в результате расширения лиги команд, и Новокузнецк.

24 февраля

Сегодня я поучаствовал в ток-шоу для одной радиостанции из

Питтсбурга, и весь разговор шел о Малкине. Все исходят из того, что в следующем сезоне он отправится в Питтсбург, но есть два фактора, о которых никто не говорит. Один: Магнитогорск строит новую арену, и Малкин обеспечит ее заполнение, если останется здесь на год. Второй: у ММК есть с ним контракт на следующую пару сезонов, и даже в России контракт есть контракт.

В Турине Россия проиграла полуфинальный матч Финляндии со счетом 4–0. Нашу команду и город охватило подавленное настроение. У большинства болельщиков привязанность к своей команде имеет глубокие корни, и ее проигрыш может восприниматься как предательство.

25 февраля

Россия проиграла 3–0 чехам в матче за бронзу, и все разочарованы, что турнир, начатый с таким мощным потенциалом, закончился столь плохо — ни медалей, ни каких-либо иных достижений у сборной, казавшейся самой многообещающей за последние годы. Мы с Линдой смотрели олимпийские игры каждый вечер. Когда живешь за границей, трудно не почувствовать ком в горле, наблюдая за тем, как канадские спортсмены сражаются на мировой сцене. В один момент ты можешь почувствовать огромную радость за атлета, выигравшего медаль, и тут же — у тебя чуть сердце не разрывается от сочувствия тому, кто, показав свой лучший личный результат, самую малость не добрал до медали. Причем, боль может быть острее, когда подбираешься к цели совсем близко. Я часто вспоминаю нашу хоккейную олимпийскую сборную 1988 года. Мы закончили турнир четвертыми, и немногие признавали это хорошим результатом, хотя то время было порой расцвета Большой Красной Машины Советского Союза. Многие из тех, кто видели в этом результате провал, понятия не имели о том, как страстно и упорно наши спортсмены бились за Канаду. Мы дважды обыграли Россию в товарищеских матчах накануне Олимпиады, что, вероятно, было наихудшим из всего, что мы только могли сделать, потому что с началом Игр они не собирались смотреть на нас сквозь пальцы. Наше собственное маленькое Канадское Чудо на Льду было бы очень кстати в столице Олимпиады — городе Калгари, но в тот год карты к этому не располагали.

Некоторым может показаться странным, но я, наблюдая Олимпиаду-2006, обнаруживаю, что отношусь к лыжникам и конькобежцам лучше, чем к мужской сборной по хоккею, при том, что она полностью составлена из игроков НХЛ. В течение девяти лет моего участия в национальной программе мы работали с группой очень небогатых хоккеистов, приносивших

значительные финансовые жертвы ради возможности участвовать в Олимпиаде. В те времена наши хоккеисты получали небольшую стипендию 8,000-10,000 долларов от спортивного ведомства Канады и примерно столько же от Федерации хоккея Канады. Официально в тот период своей жизни они существовали ниже черты бедности. Наша концепция в то время была проста: может быть, мы не такие талантливые и умелые, как наши европейские соперники, но мы будем полагаться на свою физическую готовность, строгий оборонительный план игры и мужество в борьбе, и эта концепция работала. В 84, 88 и 92 Российская федерация хоккея не разрешала своим игрокам выступать в НХЛ, а чехи со словаками играли за одну страну, так что нашей команде противостояли хоккеисты из числа лучших в мире, и мы не уступали ни дюйма. Я гордился еще и тем фактом, что наша команда следовала изначальным олимпийским ценностям и идеалам. Поэтому теперь, когда я смотрю энхаэловцев на Олимпиаде, я рад видеть состязания лучших из лучших, но и задаюсь вопросом: проведя всего лишь одну-две тренировки перед турниром, могут ли они проникнуться настоящим олимпийским духом? Или, раз уж на то пошло, могут ли они сплотиться так, как должна сплотиться любая хоккейная команда, чтобы побеждать? Очевидно, что в этом году ответом стало оглушительное нет.

26 февраля

В день хоккейного олимпийского финала среди мужских команд мы возобновили турнир своей лиги победой 4–1 над Молотом. После игры мы пошли домой вместе с двумя скаутами New York Islanders — Сергеем Радченко и Райаном Янковски — на пиццу и пиво и посмотреть по телевизору матч за золото. Они оба приехали сюда, чтобы посмотреть Кулемина, так хорошо сыгравшего на молодежном чемпионате мира в Ванкувере и допущенного к энхаэловскому драфту новичков летом этого года. Во время игры Величкин позвонил мне по пути из Турина и сообщил, что Малкин эмоционально «истощен», и ему не следует играть в нашем следующем матче против Лады. Мне тоже так кажется.

27 февраля

Илья Воробьев — не единственный бывший игрок Лады в нашем составе. Летом мы подписали ставшую неразделимой пару защитников, Александра Селуянова и Владимира Маленьких. Я уже привык называть их «Близнецами золотой пыли» (по аналогии с комедией 1975 г. Rafferty And The Gold Dust Twins), потому что они почти как срослись — и на льду, и вне его. Выходцы из школы Лады, они — мастера стиля «руби-коси». Даже

на тренировках они задают жару своим одноклубникам, если те пытаются обыграть их один-в-один. Вне льда они напоминают мне сиамских близнецов из кинофильма Stuck on You (Застрял в тебе, 2003 г.). Они — две противоположности: Александр похож на рок-звезду Джона Бон Джови; Владимир — на боксера в гроге, наполучавшего слишком много ударов в голову. Они садятся рядом в самолете, занимают соседние места в раздевалке, едят одинаковую еду, ходят по магазинам и гуляют вместе. Даже в Магнитогорске, когда приезжает жена Александра, они опровергают старое изречение «двое — это компания, но трое — это толпа», потому что проводят вместе так много времени. Иногда я пытался разбить их пару и составить какие- нибудь новые сочетания, и в итоге неизменно получалась полная катастрофа. Они играют как один. Они в любой ситуации знают, что будет делать партнер, и именно такое взаимодействие делает их эффективной парой. Жена Селуянова беременна. Если это будет мальчик, предполагаю, они назовут его Владимиром.

28 февраля

Сегодня мы вылетели в Самару, затем один час ехали автобусом до Тольятти, на матч с Ладой. Накануне, во время тренировки ко мне подошел Илья Воробьев и сказал: «Мне позвонил отец, и сказал, что, когда мы приедем туда, он приглашает вас поужинать со мной и моей семьей». Я сразу начал соображать, как ему живется; что он, должно быть, имеет нечто получше, чем мы, потому что Петр Воробьев — лицо в хоккее значительное, и работает в Ладе уже долгое время.

Ну и, когда мы пришли, там было что-то абсолютно потрясающее. Одна только кухня была, как из североамериканского дизайнерского журнала — огромная, как вся наша квартира. Там была и бильярдная, и гостиная, и столовая — все нарочито обставленные. В спальне был огромный аквариум, встроенный в стену. В ванной — джакузи на шесть человек. Я был парализован. Я не мог поверить своим глазам. Я думал, у Величкина — роскошный дом — и так оно и есть. Но это … Я подумал: «Где я?» Если бы мне сказали, что это — квартира Рашникова, я бы поверил. Но Воробьев. Бог ты мо-ой! Но он был здесь вполне успешен. Он тренировал олимпийскую команду 1998 года в Нагано. Пару раз он финишировал с Ладой вторым. И недавно он был назван главным тренером сборной Латвии, принимающей чемпионат мира 2006 года.

Петр совсем не говорит по-английски, но немного говорит по-немецки. Неловко, потому что Илье приходится быть переводчиком. Его жена тоже немного говорит по- немецки, так что мы намешивали немного немецкого, немного английского, а

остальное переводил Илья. Жена Петра, Нина, приготовила невероятные свиные котлеты, блюдо из рыбы, моллюски и креветки. Нас за столом было пять человек. Этим ужином можно было накормить двадцать. Это был великолепный вечер, и мне было очень приятно, что меня пригласили. Будучи тренером сборной, я много раз играл против команд Петра, приезжавших в турне по Канаде. В один момент он достал какую-то картину и спросил: «Дэйв, ты помнишь? Ты подарил мне ее в 1990 году». Это была репродукция картины Кена Дэнби. Мы дарили рамочные репродукции его знаменитых картин с изображением хоккейных катков всем русским командам, приезжавшим к нам в тот год. Великолепный вечер.

Март

1 марта

Мы проиграли в овертайме Ладе — 2–1, при этом решающий гол был забит при игре 4х3 после удаления нашего хоккеиста уже в овертайме. В целом мы играли плохо и провели слишком много времени на штрафной скамейке. Есть новости и не со льда: видимо, казанец Сергей Зиновьев, четвертый бомбардир лиги, будет вновь допущен к играм. Ранее у Зиновьева был получен положительный результат теста на какое-то запрещенное вещество, но допинговый комитет лиги решил, что его аномально высокий уровень тестостерона — естественный, и, в результате, он не будет отстранен или как-то наказан.

2 марта

Погода в Магнитогорске меняется; похоже, весна на подходе. Мы с Линдой купили для детдома шесть электрических самоваров, и сегодня они с Игорем отвезли их по адресу. Когда они привезли самовары, Юлии, директор детдома, на месте не было, но два ее заместителя без устали благодарили Линду и Игоря за этот подарок.

4 марта

Мы выиграли у омского Авангарда 5–3, но Трэвис Скотт был в воротах не очень надежен, и я начинаю понемногу беспокоиться, потому что, похоже, возвратились его хронические проблемы с бедром. Во время перерыва на Олимпиаду у него был восьми- или девятидневный отпуск, и он съездил домой повидать семью, а после возвращения у него были подряд две тяжелые тренировки. Как тренер, ты всякий раз оказываешься в затруднительном положении. Хоть его бедро и болело, и он играл не очень хорошо, он хотел продолжать тренироваться, чтобы восстановить свою игру. Понятно, я переговорил с врачом, который сказал, что его бедру не станет хуже, если он будет играть. Это — просто хроническая проблема, которая была у него раньше и которую ему надо решать. Я хотел поддержать его настроение и не стал говорить, что недоволен его игрой. Вместо этого, я спросил, не хочет ли он дать своей ноге немного отдохнуть. Он ответил: «Нет-нет». Затем признал: «Я должен играть лучше, поэтому хочу продолжать».

Но меня беспокоит то, что он выглядит более медленным, чем раньше. В его игре я вижу некую попытку компенсации в виде какого-то пластания и прыгания, какого раньше я не замечал. Как раз сейчас между руководством клуба и его агентом идут переговоры о новом контракте на следующий сезон, но он пока

сыграл всего около шестидесяти матчей — не та нагрузка, какую он имел бы в НХЛ или низших лигах. Поэтому, надеюсь, он вернется к своему уровню, потому что эта травма бедра определенно замедляет его действия — и я заметил что-то вроде тени сомнения, закрадывающегося в нашу команду, по поводу его игры. Чтобы облегчить ему нагрузку, мы решили вызвать из фарма нашего третьего голкипера, Илью Проскурякова, на оставшуюся часть сезона.

7 марта

Вчера мы вылетели рейсом Птеродактиль Эйр в Казань, перед этим предсказуемо задержавшись с вылетом из Магнитогорска из-за погоды. Сегодня мы проиграли Казани 2–1, что стало нашим всего лишь четвертым поражением в чемпионате и первым с того момента, когда Салават Юлаев (Уфа) выиграл у нас аж 4 ноября. Вновь Скотт выглядел неловким и с трудом поднимался со льда после отражения шайбы.

Что касается Малкина, он выглядел уставшим и не был сколько-либо значительным фактором в матче. Прошло уже больше недели с тех пор, как он вернулся в команду. С Ладой он не играл, потому что выглядел просто смертельно уставшим по возвращении с Олимпиады. Он не тренировался в течение трех дней, а когда мы вернулись из Тольятти, он потренировался с нами в первый раз. Затем мы дали ему еще пару дней отдыха после домашнего матча с Омском. Я не знаю, проблема в усталости или отношении, потому что после его возвращения кажется, что он снова как будто выполняет задачу делать все индивидуально. Он так хорошо играл на Олимпиаде, что, я думаю, он несколько утратил уважение к лиге. Помимо усталости, это было одним из моих опасений — какова будет его реакция после того, как он поиграл с крутыми парнями. Сейчас он несколько увлекся собственной программой, и мы должны быстренько вывести его из этого состояния. После матча мы перекусывали, и впервые в каком-либо российском ресторане я увидел зеленый салат. Я попросил Игоря, переводчика, узнать, не продаст ли ресторан мне немного салата, чтобы я привез его домой, Линде. Менеджер ресторана продал мне четыре головки, Игорь и Андерс Эрикссон тоже купили по чуть-чуть. Менеджер сказала нам, что в магазине через улицу продают хорошие фрукты, и я прикупил свежей черники, клубники и малины.

8 марта

Новые признаки нестабильности нашей лиги: ХК МВД, играющий в Чехове (клуб базировался в Подольске — прим. пер.), перенес чуток революции, потому что хоккеистам не платили зарплату уже два месяца. Клуб должен был сыграть против ЦСКА

в предпоследнем матче регулярного чемпионата, но хоккеисты объявили забастовку и отказались играть. Вместо основного состава сыграл фарм, уступив со счетом 7–1. Меня по-прежнему озадачивает, даже после девяти проведенных здесь месяцев, что так много клубов лиги обязывают строить новые арены и вкладывать деньги в их хоккейные брэнды, и при этом все еще присутствует такая нестабильность. Речь не идет о «пограничных» клубах. Лада, усеченная в декабре, является одной из основных команд. Динамо, действующий чемпион, тоже является одной из основных команд, и они пережили еще два месяца без выплаты денег игрокам. Где-то в январе хоккеисты получили зарплату задним числом, но затем весь февраль и март им снова не платят. На последней неделе регулярного чемпионата хоккеисты Динамо очень неохотно отправились на матч в Новосибирск. В конечном итоге они поехали, но после сильных сомнений.

Динамо — это один из самых стабильных клубов нашей лиги, но когда посреди сезона они потеряли основного спонсора, возникла настоящая проблема — нехватка денег. Тем не менее, они выходили на рынок в поисках хоккеистов, не имея необходимых финансов на зарплату даже тем, кто уже играл на клуб. Клуб подписал Вацлава Плетку, довольно хорошего игрока из чешской лиги; он пробыл в клубе дней пять-шесть и уехал. Павел Роса, выступавший за них последние два года, в декабре ушел, потому что ему задолжали зарплату за три или четыре месяца, и даже еще какие-то деньги за предыдущий сезон, все еще не выплаченные. Я не понимаю, как они выходят на рынок и подписывают всех этих игроков, не имея бюджета. Просто выходят и подписывают — и плевать на последствия.

9 марта

После тренировки мы с Линдой пошли искать одну из наших собак, Блэки, не появлявшуюся уже с неделю. До сих пор она не пропускала ни одной кормежки. Она часто спит в конуре на складском дворе, и мы заглянули туда. К моему, но не к линдиному, удивлению, Блэки была там, с шестью щенятами. Мы, так сказать, опять — гордые родители.

10 марта

Фиш снова доставляет нам проблемы. Он не может сегодня играть, потому что все еще восстанавливается после своей очередной таинственной травмы. Как обычно, мы задержали его после предматчевой тренировки на льду для выполнения дополнительной работы вместе с другими игроками, не одевавшимися на матч. Федор Канарейкин учуял от него запах алкоголя. Это уже третий или четвертый случай с ним; обычно это происходит после перерыва, во время которого он оказывается

без присмотра и уходит в загул. Мы предупреждали его несколько раз и, в конце концов, ввели по отношению к нему политику недопустимости. Он знал, что, если еще раз появится со следами загула, у него будут проблемы. Поэтому после тренировки мы провели собрание и сказали ему паковать баул в фарм. Он может тренироваться в фарме, пока не докажет нам, что заслуживает еще одного шанса.

В своем последнем матче регулярного чемпионата мы сыграли с ярославским Локомотивом. На кону для нас не было ничего, кроме гордости и желания войти в плэй-офф с высоким настроем. Им же была нужна победа, чтобы завершить регулярку на втором месте. Мы сыграли свой лучший матч после олимпийского перерыва, победили со счетом 4–1, показав хороший настрой. Я заметил, что их тренер, Юрзинов, в течение первых двух периодов терпеливо стоял позади игроков, но к третьему периоду он дозрел. Он встал перед хоккеистами, часто не обращая внимания на происходящее на льду, чтобы иметь возможность «делать игрокам внушение». Не помогло. Они остались третьими. Последнее место в плэйофф зацепил Новокузнецк, а Витязь с Молотом не прошли. Мне было жаль Витязь, потому что им, новичкам за счет расширения лиги, не хватило чуть-чуть. Их лучшим хоккеистом был бывший игрок San Jose Shark Королюк, сыгравший и на Олимпиаде. В четвертом матче олимпийского турнира Королюк получил травму и больше не появлялся. У Витязя оставалось пять матчей на то, чтобы догнать ХК МВД или Новокузнецк, но он не смог этого сделать, потому что лучший игрок был выведен из строя.

Я весь сезон старался не смотреть на таблицу Суперлиги, но теперь, когда круговой турнир окончен, не могу удержаться от мысли — насколько экстраординарным он получился, даже с парой досадных послеолимпийских осечек. Мы закончили турнир на первом месте, со 127 очками. В последнем туре чемпионата казанский Ак Барс обошел ярославский Локомотив в борьбе за второе место. Казань финишировала с девяноста восемью очками, отстав от нас на двадцать девять очков. Мы одержали 38 побед в основное время и еще четыре в овертаймах. Еще четыре матча мы свели вничью, проиграли один в овертайме и четыре — в основное время. Задумайтесь об этом на минуту: всего четыре поражения в основное время за 51 матч регулярного чемпионата. Выдающееся достижение, новый рекорд Суперлиги. Мы забили 175 шайб — больше всех в лиге. Мы пропустили 75 голов — меньше всех в лиге. В первом раунде матчей навылет мы будем играть с шестнадцатой командой, Новокузнецком. На протяжении всего плэйофф это будут серии до трех побед. Как имеющие

наивысший посев, по мере продвижения мы будем играть с командой с самым низким посевом из остающихся. Это значит, что, если в первом раунде случится что-то неожиданное, мы останемся в плюсе благодаря общему первому месту. Плэйофф для хоккейной команды — это как Новый год для детей, то, чего они ждут весь год. Сейчас, когда мы подошли к играм навылет вплотную, я ощущаю в раздевалке новый уровень взбудораженности. Во время собрания, проведенного накануне плэйофф, и Величкин, и его помощник Олег Куприянов обратились к команде. Они говорили о дисциплине на льду и вне его и о важности игр плэй-офф для клуба. Когда наступила моя очередь выступить, я сказал хоккеистам, что мы, быть может, не самая лучшая команда на бумаге, но самая стойкая из лучших команд.

У нас в раздевалке есть дежурная шутка о влиянии Виктора Гудзика, нашего вдохновляемого фармакологией тренера по общефизической подготовке. Гудзик бывает хвастлив, на протяжении всего сезона он всем рассказывает, что основа нашего успеха — его программа восстановления. И сегодня, после того, как я закончил свое выступление, Величкин встал и сделал нечто странное. Он воскликнул: «Гудзик — волшебник! Фармакология важна в сегодняшнем спорте. Все клубы Суперлиги хотят заполучить Гудзика, он — маг!» Когда он вышел, вся раздевалка содрогнулась от смеха, и я думаю (я надеюсь) — именно на это он и рассчитывал. Я знаю фактически, что хоккеисты вне себя от того, что Гудзик пользуется, или использует, таким доверием. Наш успех основывается, главным образом, на их характере и решительности, а не на каких-либо программах физподготовки или восстановления.

В июле месяце, в мои первые дни с командой я не знал, с чем буду работать. Сейчас я уверен, что могу пойти с этой командой в бой. У нас еще есть немного «пуха» — игроков, которые не желают платить цену за победы, но у нас есть достаточно хоккеистов другого рода — преданных всей душой, что позволяет мне думать о хороших шансах нашей команды. Одно могу сказать стопроцентно: есть огромная, как день и ночь, разница между этими хоккеистами и теми, которые были у меня в прошлом году, когда я тренировал клуб в Германии. Почти ровно год назад у меня был один из худших моментов в карьере — меня уволили из Гамбурга, всего за пару недель до окончания регулярного турнира. Мы прошли через сезон невероятных травм у ведущих игроков. У нас было всего 5–6 легионеров из разрешенных одиннадцати, и нам пришлось позаимствовать пятерых хоккеистов фарма у Пьера Пажа из клуба Айсбэрен, чтобы

завершить чемпионат. При этом, мы бились и были близки к выходу в плэй-офф, почти вышли, когда мне сказали: «Мы хотим внести кое-какие перемены, ты слишком жестко обходишься с этими парнями».

Я упаковал свои чемоданы и отправился домой, размышляя: «Бог ты мой! Неважно кто ты, чем занимаешься — увольнение наносит удар по уверенности в себе. Оглядываясь назад, я тогда понимал, что был, как бы, не на своем месте. Я ожидал такой уровень тренировок и соревнований, к какому они и близко не подходили. В то время я задумывался — не во мне ли самом дело? Что мои ожидания были завышены, и что я, старея, удалялся от реалий нового профессионального хоккея, к которому более не мог относиться. И когда я впервые встретился с этой командой в Магнитогорске, я задавал себе те же вопросы. Я думал: может, все будет хорошо, а может — все рухнет так же слишком рано, потому что я мог и не вписаться. В Германии я всегда шел на компромиссы, постоянно. Я не мог понять, почему эти парни не занимаются тяжестями по окончании ледовых тренировок. Меня это смущало, пока я, наконец, не понял. Они приехали в Европу в отпуск. Они «натерпелись» от тренеров, которые требовали с них — именно поэтому, в первую очередь, они приехали в Европу. Я не мог понять этого тогда и по-прежнему не понимаю такого рода отношение к делу. По мне, неважно на каком этапе своей карьеры ты находишься, никогда не переставай стремиться быть на максимуме своих возможностей. Не думаю, что в таком подходе есть что-то неправильное. И не думаю, что должен извиняться за то, что верю в это. Так что, эта попытка оказалась для меня и моего подхода к тренерскому делу гораздо более подходящей. Может быть, мне следовало приехать сюда на более ранней стадии своей карьеры, потому что русский стоицизм в тренировках и подготовке соответствует моим личным взглядам. Я не знаю, работаем ли мы больше, чем другие команды, но мы работаем столь же упорно, как и все. Моя работа — подготовка; я должен обеспечить, чтобы в игре не сложилась ситуация, к которой мы оказались бы не готовы.

Каждый вечер, после ужина, когда Линда садилась за свой компьютер, я садился за свой стол и работал над планом тренировки на следующий день. Иногда она спрашивала: «Почему ты просто не повторишь какое-нибудь удачное занятие из уже когда-то проведенных? Почему ты так много времени проводишь за планированием завтрашней тренировки?» Я обычно даю один и тот же ответ: «Завтра будет другое время, и у нас будут другие задачи. Дело не в том, чтобы вскрыть очередную банку консервированного супа.

Дело в том, чтобы проявлять на кухне творчество». Я провожу много времени над организацией, потому что хочу проводить тренировки эффективно. Я не хочу транжирить драгоценную энергию на достижение малого результата. Тренер не вправе путать деятельность с производительностью. Мы используем такое выражение — работай много, но с умом — потому что, как только чемпионат начинается, одной из твоих самых больших проблем становится: как справляться с усталостью. Чтобы оставаться в форме, надо тренироваться, но никогда — до той точки, когда начнешь выпускать на лед уставшую команду. Одни только игры, плюс переезды, плюс напряжение соперничества сами по себе уже достаточно утомят твою команду. Тренеру вовсе не нужно добавлять что-либо к этой усталости.

Мои российские хоккеисты, похоже, были довольны, когда сезон вступил в этап «полного разгара», потому что тренировались мы интенсивно, но не подолгу. Мы поддерживали высокий темп. Варьировали. Концентрировали тренировки обычно на одном из двух моментов: видео разбор предыдущего матча или изучение следующего по расписанию соперника. Это особенно важно теперь, на стадии плэй-офф, когда матчи проводятся сериями до трех побед, а не разовыми поединками. После тренировок мы оставляли молодых и т. н. вспомогательных игроков на льду для выполнения дополнительной работы, но я удивился, увидев, что Королев, Юшкевич и теперь еще Эрикссон тоже задерживаются на льду после каждой тренировки, совершенствуя какие-то элементы своей игры.

Их профессионализм по-настоящему пронизал нашу команду. Теперь после каждой тренировки лишь немногие хоккеисты сразу уходят со льда. Такого рода индивидуальная работа после общей тренировки может внести решающий вклад в исход матча, и эти российские парни, в отличие от моих игроков в Германии, вовсе не кажутся раздосадованными такой необходимостью.

11 марта

Одним из первых вопросов, которые мне задавали по приезду в Россию, был: «Буду ли я тренировать как русский?» Этот вопрос меня озадачивал, и я спрашивал в ответ: «А как тренирует русский?» Ответом было: «Пятерками». Имелось в виду, что хоккеисты сводятся в пятерки согласно традиции, принятой в российских хоккейных кругах. Во времена звена КЛМ его три форварда — Крутов, Ларионов и Макаров — выходили на лед с одной парой защитников, с Фетисовым и Касатоновым. Этот порядок никогда, или почти никогда, не менялся. Поэтому я отвечал: «Нет, мы не планируем наигрывать таким образом».

Я люблю варьировать и составлять новые сочетания.

Например, иногда я выпускаю свою третью тройку на розыгрыш большинства, потому что они хороши в таком розыгрыше, но вместе с этой тройкой нападающих я использую лучшую пару защитников. Я делаю все так, как делают североамериканские тренеры, но здесь так не делает никто. Даже в Казани Зинатулла Билялетдинов, много поработавший тренером в НХЛ, вернулся к русскому принципу.

Было такое время, когда хоккеисты спрашивали меня, почему я поступаю таким образом; даже мои тренеры-помощники иногда удивлялись. Защитников меняет Федор Канарейкин, и ему бывает нелегко, потому что он хочет выставлять первый состав против первого, и т. д. Я постоянно говорю ему: «Не беспокойся о целостности звеньев. Просто дай мне на лед двух защитников». Если я вдруг решаю выставить другое звено, он стремится успеть выставить пару защитников, которые обычно играют с этой тройкой. Я говорю ему не беспокоиться. «Оставь тех же двух защитников, которые играли… Если у нас на площадке есть пять игроков, мне этого достаточно. Если потом кто-нибудь будет нас критиковать, это будет моя головная боль».

Чего я пытаюсь добиться, так это, конечно, избирательного противопоставления звеньев, что, похоже, здесь больше никто не считает важным. Бывают моменты, когда я могу выставить Малкина, лучшего игрока лиги, против четвертой тройки противника — и даже наши парни не понимают, что я делаю. Малкин сам иногда не понимает. Однажды, как раз перед Олимпиадой, в матче против ЦСКА он обернулся и посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Почему мы не выходим? Наша очередь». Я говорю: «Я — направляю, ты — играешь». Дело в том, что я ставил свое сдерживающее звено против их лучшего центра — Сергея Мозякина. Мозякин как раз соперничает с Малкиным в гонке снайперов, а Малкин отчаянно хочет завоевать титул лучшего бомбардира. Он не понял, что, если я сдержу Мозякина, тот сегодня ничего не забьет, и мы выиграем матч. Поэтому, какие бы Малкин ни набрал бомбардирские очки, для него такой размен — «малина». Иногда я меняю порядок смен, чтобы выпустить свою первую тройку против четвертой соперника. И я просто знаю, что они должны забить — а наши парни не понимают этого замысла. Это бывает здорово, на самом деле.

Пропуск матча против Лады на прошлой неделе не способствовал устремлениям Малкина в борьбе за титул лучшего бомбардира, а сегодня мы получили новость еще хуже. Ввиду того, что бомбардирские очки присуждаются по-разному, в зависимости от того, кто судит и где проходит матч, Суперлига решила изучить на видео очки, зачисленные всем лучшим

снайперам лиги. В результате Малкин потерял четыре передачи и опустился на второе место, позади Мозякина. Еще мне сказали, что спор бомбардиров продолжится в играх на вылет. В Северной Америке и других европейских странах это спор охватывает только матчи регулярного сезона, в то время как в России, если лучший бомбардир регулярки выступает за клуб, не пробившийся в плэй-офф, у него не будет шансов завоевать титул, потому что сезон для него закончился. Игрок вроде Королюка, выступавшего за Витязь, с началом игр на вылет камнем пойдет на дно списка, потому что он не вышел в плэй-офф.

12 марта

Сегодня депутация от игроков в составе Варламова, Королева, Юшкевича, Атюшова и Бульина пришла ко мне по поводу Фиша. Все было очень прилично. Не то, чтобы они подвергли сомнению мои действия. Они сказали: «Послушайте, мы знаем его. Он в этой команде уже два года, мы знаем об этой его проблеме, знаем что и почему Вы делаете, но он только упадет еще ниже, если Вы сделаете это». Я сказал: «Ценю, что вы заботитесь о нем и пришли ко мне по этому поводу. Что вы предлагаете делать?» Они сказали: «Мы знаем, что он не должен бы играть, но можно ему вернуться в команду и поработать — и доказать Вам, что ему следует дать шанс?» Я сказал: «Окей. Не знаю, получится ли, но давайте попробуем». Я согласился позволить ему вернуться потому, главным образом, что меня впечатлило желание его товарищей по команде помочь ему вернуть свою жизнь на правильный путь. Фиш, тем временем, согласился посещать лечебный центр и пройти программу реабилитации. Так что, он к нам вернулся, и посмотрим, как пойдут дела дальше. В России колоссальные проблемы с алкоголизмом. Огромный талант, всего лишь 1983 года рождения; у него мастерство прям из ушей прет. Он задрафтован, и энхаэловский клуб, обладающий правами на него, постоянно звонит и спрашивает о нем, но, пока он не справится с этой проблемой, он не сможет заиграть в НХЛ.

13 марта

В соперники на первом этапе плэй-офф нам достался Металлург из Новокузнецка, команда из «глубины сибирских руд», и серия началась сегодня. Перед матчем я зашел в раздевалку выпить чашку кофе и увидел какого-то человека, которого никогда раньше не видел. Я спросил хоккеистов — они тоже не знали, кто этот человек. И Федор, мой ассистент, не знал. В конце концов, я нашел ответ: это был наш новый массажист. Теперь их у нас трое. Оказывается, он — зять одного из наших тренеров. Уверен, он отличный парень и хороший массажист, но это — раздевалка нашей команды, а с нами никто не

разговаривал. Я просто покачал головой.

Мне необходимо поговорить с Величкиным. В последние недели две и он, и Куприянов находятся рядом с командой гораздо больше, чем обычно, топчась повсюду. На последний матч регулярки они ездили вместе с командой в Казань, что они обычно не особенно-то делают. Могу сказать, что оба они начинают сильно нервничать по поводу плэй- офф. Очевидно, что на таком этапе сезона менеджеры и их помощники становятся очень активными, и, как неуместный побочный продукт, болтаются у тебя на дороге. Мы в Казани, я захожу в раздевалку, чтобы перед матчем поговорить со своими игроками, а там — Величкин. Он там же в момент моей предматчевой установки, он там же перерывах между периодами, он на скамейке по ходу игры. На следующий день мы возвращаемся, и он — у меня в тренерской. Он никогда не бывал у меня в тренерской. Я начинаю думать: «Какого черта? Что происходит?» Может, я суеверен, но мы так хорошо провели регулярный чемпионат, что я не хочу ничего менять сейчас, когда начинается плэй-офф. Сегодня мы начали игру здорово, поведя в первом периоде 3–0. Счет открыл Кулемин, затем дважды забил Малкин, с передач Юшкевича. Мы завершили матч голом Платонова в третьем периоде, со счетом 4–0, при этом Трэвис Скотт «засушил сухарь» и был назван третьей звездой матча.

И все равно, я не очень доволен. Выйдя в самом начале вперед, мы решили, что будет легко, и перестали упираться. Наш третий период был особенно ужасен — мы нахватали кучу штрафов и насоздавали кучу возможностей для контратак Новокузнецка, теряя шайбу в средней зоне.

14 марта

Сегодня мы сыграли один из самых драматичных матчей навылет, в которых я когда- либо участвовал. Наша команда играла лучше, чем в первом матче серии, но за полторы минуты до конца мы проигрывали в одну шайбу, и я поменял Трэвиса Скотта на полевого игрока, попытавшись добыть ничью.

За шесть секунд до конца Станислав Чистов — наш молодой, талантливый, раздражающе непостоянный форвард, недолго поигравший за Mighty Ducks в сезоне накануне их выхода в финал Кубка Стэнли — забил невероятный гол, сравняв счет — 2–2. В российской лиге, если основное время заканчивается вничью, играется овертайм 4х4 до «мгновенной смерти». Если за десять минут овертайма счет остается ничейным, пробиваются буллиты.

Сейчас я должен сделать отступление. После первого матча серии Чистов меня глубоко разочаровал, что, в общем, характерно для его отношений с тренерами. После того, как мы повели 3–0, и

он, и Малкин, игравшие в одном звене, сбились на индивидуальную игру вместо того, чтобы сконцентрироваться на командных целях. Поэтому сегодня на тренировке я сказал Чистову, что я не восторге от его игры в последнее время. Он слишком много терял шайбу. Он пытался обыграть каждого один-в-один. Короче говоря, он не был хорош в первом матче, и в первые 59 минут второго матча тоже не блистал. Например, сегодня, когда мы забивали первый гол, он находился с шайбой прямо на точке вбрасывания, при этом вратарь лежал, и что Чистов сделал? Бросил? Нет, он отдал шайбу дальше на фланг Нуртдинову, находившемуся на позиции под очень острым углом к воротам, вовсе не для броска. Но Нуртдинов, слава Богу, обладает броском с лазерным прицелом, он как по лучу направил шайбу в ворота с невероятного угла. Чистов заработал очко за голевую передачу, хотя сыграл неправильно и не заслуживал ничего. Поэтому я перевел его из первой тройки в третью, к Королеву и Воробьеву, где он может терять шайбу хоть весь вечер — эти двое всегда его подстрахуют. Но в тот момент мы проигрывали в одну шайбу на предпоследней минуте третьего периода, я взял таймаут и — не спрашивайте меня почему — снова выпустил Чистова.

С полторы минуты мы контролировали шайбу и делали все правильно и хорошо, но примерно за пятнадцать секунд до сирены соперник выбросил ее из зоны, и показалось, что все кончено. Но Юшкевич подобрал шайбу и предпринял последний рывок. Я посмотрел на табло — оставалось 14 секунд. Юшкевич быстро отпасовал Кайгородову, который приблизился к синей линии и перепасовал дальше на Платонова. Платонов обыграл защитника и выдал шайбу Чистову, который оказался один на один перед вратарем. Вот оно! — подумал я. Увы, Стэн попытался финтом обмануть вратаря, потерял шайбу и уже падал за линию ворот. Но каким-то невероятным образом, падая, он толкнул шайбу в сторону пятака перед воротами. Этот на-последнем-издыхании пас в центр пришелся в тыльную сторону ноги вратаря, и шайба срикошетила в ворота. Это был тот самый гол, которым он сравнял счет и перевел матч в овертайм. На табло оставалось шесть секунд. Мы продолжили матч и выиграли его затем по буллитам.

Этот эпизод, как в капле воды, отражает суть Станислава Чистова. В один момент он может довести тебя до бешенства, а в следующую минуту хочется обнять его до хруста. Когда Майк Бэбкок еще тренировал Анахайм, накануне его перехода в Детройт, я в виде жеста вежливости позвонил ему и сказал, что, видимо, мы подпишем Чистова, и он уедет из НХЛ. Мы начали

говорить о нем, и Майк дословно сказал мне следующее: «Мы тут полагаем, что он не нацелен на голы. Мы думаем, что он больше стремится к хитроумным финтам». Я помнил эти слова на протяжении всего сезона, и он абсолютно прав. Чистов обладает удивительным мастерством. Просто приходится признать, что он может сделать нечто такое, что у тебя волосы встанут дыбом от восторга, но тут же может сделать такое, что ты сам вскочишь на ноги, как ужаленный.

Опыт научил меня одной важной вещи — серия на вылет может развернуться из-за мельчайших случайностей. Если бы тот гол не прошел, и счет в серии бы сравнялся, а нам предстояло играть два матча на их поле, кто знает, что могло бы случиться? Когда их дворец забит, там собирается восемь тысяч болельщиков, и играть там нелегко. Одно мелкое событие может изменить всё. Однажды, когда я тренировал Flames, мы играли седьмой матч серии плэй-офф против San Jose Sharks, и в третьем периоде мы дважды попадали шайбой в набалдашник вратарской клюшки Уэйда Флэерти. Шайба не проходила в ворота, и мы проиграли серию во втором овертайме. Вот так вот бывает в спорте. В обоих случаях, когда мы забивали голы в основное время, Чистов поступал совершенно неправильно — переводил шайбу из зоны поражения ворот в зону, откуда голы не забиваются … и всё-таки мы забивали.

Это были моменты из тех, которые не должны бы были привести к голам, но они привели. Иногда эта игра бывает поразительна.

15 марта

В Магнитогорске наступила весна; температура поднялась выше ноля, и все вокруг тает. Но сегодня мы три часа летели в Сибирь — на третий матч против Новокузнецка — и не обнаружили и намека на весну. Когда мы сошли с самолета, на улице было минус 16, да еще с ветром и снегопадом. Мы как будто вернулись во времени обратно вглубь зимы. Магнитогорск находится на краю Сибири, а Новокузнецк — в самом ее сердце. Если вы на карте найдете Монголию, а затем проведете линию от ее самой западной оконечности прямо на север до центра Сибири — там и обнаружите Новокузнецк. Это — самая восточная точка всей лиги. Город — тоже сталелитейный, и команда тоже называется Металлург, как и мы, потому что их спонсором тоже является металлургическая компания. Перед матчем нам сказали, что руководство Новокузнецка гарантировало каждому хоккеисту по 7000 долларов, если они выиграют. Так что мы знаем — у них будет высокая мотивация.

16 марта

Три наших хоккеиста — Юшкевич, Воробьев и Маленьких — получили повреждения во втором матче, закончившемся победой по буллитам. Все они травмировались при блокировании бросков. Двое из них травмировались подряд, когда Чистов и Малкин вышли из зоны слишком рано, не вынеся из нее шайбу. Юшкевичу пришлось лечь под бросок, шайба отскочила опять на ударную позицию, и в этот раз под шайбу бросился и заблокировал щелчок Воробьев. Затем, из-за боли передвигаясь кое-как, Воробьев закрыл собой и второй бросок, который пришелся ему в спину, и теперь из-за боли он едва может кататься. Мы не уверены, сможет ли он играть или выходить на вбрасывания, но он говорит, что обязательно выйдет на лед.

У этого парня невероятное сердце. И болевой порог. Когда Новокузнецк забивал первый гол, Воробьев проиграл вбрасывание, шайба отскочила на голевую позицию, и защитник как по лазеру вогнал ее в сетку. Я подумал: бедный Илья, он раз за разом выигрывает нам вбрасывания. Он возвращается на скамейку с видом умершего от горя человека — настолько он расстроен. Но в следующий раз, когда нам необходимо выиграть вбрасывание, я вновь выпускаю его на лед, и знаете что? Он больше не проиграл ни одного вбрасывания до конца матча. Ни одного. И мы выиграли матч 3–2, а с ним и всю серию под ноль.

Как довольно часто бывает в плэй-офф, победную шайбу забил игрок, у которого это первый гол в сезоне — Бойков. Гол так себе, но они ведь все считаются, так ведь? Мы выиграли вбрасывание в их зоне. Шайба отлетела на его позицию. На него давил соперник, поэтому он просто бросил с кистей в сторону ворот, шайба скакнула разок и юркнула между ног вратаря. В это было трудно поверить, и не только потому, что он в предыдущих матчах серии не участвовал. После двух приездов сюда в ходе кругового турнира я знал, что в этом дворце играть тяжело, он такой шумный. И я предложил снять Бирюкова, нашего молодого защитника, сыгравшего на молодежном чемпионате мира, выставив Бойкова, потому что «у него ж опыта больше». Все согласились, что это — хорошая мысль, и вот он забивает победный гол.

Именно так и выигрываются серии игр навылет — героями, неожиданно забивающими или, как Илья Воробьев, платящими цену в каждой своей смене. Он просто борется, а те, кто борются, платят физическую цену. Те, кто мелькают на виду и в газетных заголовках, не получили и царапины. Он сделал нашу команду лучше в очень многих вещах. Мы играем с большей твердостью. Я вознаграждаю Илью бОльшим игровым временем. Остальные игроки видя, как он играет, думают: «Раз так, я, пожалуй, тоже

буду играть так же».

17 марта

Послематчевые пресс-конференции здесь не сильно отличаются от того, к чему я привык. Если только ты не пытаешься передать через газеты какой-нибудь сигнал, они сводятся к классическому «много шума из ничего». Хотя… сегодня я от новокузнецкого тренера узнал кое-что о том, что происходит с командой, выбитой из плэй-офф. В Северной Америке это лишь означает, что ты окажешься на поле для гольфа чуть раньше. Но здесь не так. Их тренера спросили: «Какие планы?» Он ответил: «У нас будет пять дней отдыха. Затем вернемся на лед — двухразовые ежедневные тренировки в течение трех недель». Затем две недели отдыха, еще три недели тренировок, и потом, наконец, летний перерыв.

Если мы вылетим в следующей серии, я поеду домой, а команда останется на месте и будет тренироваться. Тут никогда не дают парням четыре месяца отдыха. Они будут на льду до конца апреля. Они будут заниматься на земле еще пару недель в мае. Потом только получат 6–8 недельный летний отпуск. А когда уж они сезон закрывают, то действительно его закрывают. Вы можете дать им программу для поддержания формы в межсезонье — она отправится куда-нибудь на дно ящика письменного стола. Они просто отключаются и не делают ничего.

Пока в первом раунде случилась одна неожиданность — Лада выбила московское Динамо, действующего чемпиона, в четырех матчах. Кроме того, Нефтехимик (11-е место) играет пятый матч против мытищинского Химика (6). Если Нефтехимик выиграет, он станет нашим следующим соперником; если нет, мы встретимся с Ладой, командой Петра Воробьева. И Илье придется играть против своих прежних одноклубников.

18 марта

Вот что мне не нравится по ходу этой серии — и беспокоит уже с недели две — это то, как Величкин продолжает сновать туда-сюда, путаясь под ногами и пугая всех, как привидение, своим присутствием. Во время матча против Новокузнецка, который мы выиграли по буллитам, я, по окончании основного и до начала дополнительного времени, зашел в тренерскую и смотрю — он совсем расклеился. Я пытаюсь управлять командой. Я говорю парням: «Давайте попробуем выиграть (дополнительный) период», но, в то же время, мы просматриваем список буллитеров, на случай необходимости, кого и в какой последовательности ставить. Величкин все это выслушивает и затем, когда мы выходим, он не то, чтобы на скамейке, — он встает у края скамейки и смотрит. Когда мы выиграли по

буллитам, у него просто крыша съехала. Затем мы переехали в Новокузнецк, на третий матч, и он приходил на видеоразбор, приходил в раздевалку. В том дворце тренерская комната очень маленькая для нашего большого тренерского штаба. Но туда пришли и Куприянов, и Величкин, подоставали свои компьютеры и телефоны. Им звонят, они болтают, пьют кофе, а я сижу, думаю. Нам нужно готовиться к игре. Наконец, я ухожу, но при этом говорю своему помощнику Федору: «Надо бы с ними поговорить. Так нельзя. Они слишком отвлекают внимание».

Перед игрой я произношу перед хоккеистами маленький спич: «Парни, мы ведем 2–0, и сегодня будет трудный матч. Если мы оступимся, и завтра нам придется играть четвертый матч, он будет еще тяжелее. Но мы держим нож у их горла. Пришло время перерезать им глотки и увидеть их истекающими кровью».

Не знаю, приходил ли Величкин когда-либо в большее возбуждение. Он просто приторчал от этих слов. Не думаю, что он или Куприянов способны выдерживать такое давление. Я спросил Федора: «Это общепринято?» Он ответил: «Да, в России так принято. Они считают это демонстрацией поддержки». Они, конечно, могут так считать, но мне это вовсе так не видится.

19 марта

Мы с Линдой решили взять подобранного котенка Роки к себе в Канаду, поэтому купили сегодня переносную клетку и сделали ему у ветеринара прививку от бешенства. Роки будет жить в Саскачеване у нашей дочери Дженн, которая любит кошек. У нее уже есть маленький котенок Шарлота, которая составит Роки хорошую пару. Сегодня Химик обыграл Нефтехимик в последнем матче первого раунда, так что в четвертьфинале мы будем играть против Лады с ее молодежным составом и моим новым другом Петром Воробьевым у скамейки. Это должно быть интересно.

20 марта

О, прогресс! Мы на днях обнаружили абсолютно новый ресторан под названием Dublin Irish Pub, и бифштексы там великолепны. Мы ужинали у них два раза за последние три дня. Иногда, когда открываешь что-то новое, напоминающее тебе о доме, поначалу можно слегка переборщить. Сейчас эти искусственные ирландские пабы можно найти по всей Европе, и они удивляют своей достоверностью — импортированное пиво, характерная для паба еда, а в данном случае — и красивые витражные окна. Магнитогорск, к лучшему это или к худшему, осторожно ставит ногу еще на один шаг в двадцать первый век, даже если это означает заимствование чьей-то чужой культуры. А затем происходит что-нибудь еще, что заставляет тебя понять — прошлое, время российского «дикого запада» — все еще маячит

не очень далеко.

У Дениса Абдуллина, выступающего за Ладу, сегодня в семье случилась трагедия. Абдуллин — молодой хоккеист из Магнитогорска, не сумевший пробиться в состав в начале сезона, поэтому мы отдали его в аренду в клуб второго дивизиона из Челябинска. Затем он приглянулся Ладе, и этот клуб взял его к себе после своего ноябрьского усечения. В общем, у Абдуллина есть брат, который живет в Челябинске и оказывается вовлечен в любовный треугольник. У него есть подруга, которую своей подругой считает некий милиционер. По всей видимости, три сотрудника российской милиции решили в этом деле разобраться. Они устроили погоню на автомобиле за братом Абдуллина, настигли его на трассе в ста километрах перед Магнитогорском и застрелили, устроив расправу в виде смертной казни. Мда… только начинаешь думать о налаживании нормальной жизни, случается такое.

21 марта

Меня беспокоит состояние бедра Трэвиса Скотта. Он так здорово играл перед олимпийским перерывом — за весь сезон мы не проиграли с ним в воротах ни одного домашнего матча — но как и многие другие современные вратари, он страдает хроническим болями, и эти боли в последнее время усилились, поэтому мы организовали ему иглоукалывание. У него мышцы вокруг бедра сильно напряжены, мы надеемся, что иглоукалывание облегчит его положение.

22 марта

Слышали про закон Мёрфи — что, если что-то может пойти не так, оно и пойдет не так? Первая игра в серии с Ладой прошла что-то в духе закона Мёрфи. Мы проиграли 1–2, что ознаменовало наше первое домашнее поражение в сезоне и первое поражение Трэвиса Скотта в основное время в матчах Суперлиги. Во второй же смене Пестунов, мой 21-летний центральный нападающий, порвал связки и выбыл из игры. Где-то в районе девятой минуты второго периода Малкин вышел на ворота, бросил, и когда вратарь накрыл отскочившую шайбу, снова ковырнул ее. Абдуллин (у которого убили брата) увидел, как Малкин пытался выковырять шайбу, и тут все сдерживаемые эмоции выплеснулись — он просто атаковал Малкина.

Он просто сбесился. Малкин отступил несколько шагов, но, в конце концов, у него не осталось иного выбора, как ответить — и оба получили удаление до конца матча. Вы только подумайте: Малкин удален за драку с Абдуллиным — игроком, права на которого принадлежат нам. Его брат был убит два дня тому назад теми людьми из милиции, и он пропустил вчерашнюю

тренировку из-за похорон. Трое милиционеров из Челябинска сейчас арестованы и обвинены в убийстве брата Абдуллина. Абдуллин, центр четвертого звена, увел с собой нашего первого центра — и мы проиграли 1–2. Не очень-то хороший для нас размен. Поскольку Абдуллин из Магнитогорска, они с Малкиным, очевидно, вместе играли и знали друг друга с детства. До игры я сочувствовал парню, но в середине матча я был взбешен. Могу без риска ошибиться сказать, что за более чем 30-летнюю карьеру тренера я никогда не встречал такой ситуации — когда обезумевший от горя хоккеист атакует нашего лучшего игрока, выводит его из игры, и мы не можем вернуться в игру. Вот так вот в России. Думаешь, что уже всё повидал в этой жизни, затем приезжаешь сюда и понимаешь, что ничего-то ты еще не видел.

23 марта

Сегодня мы оглушительно отыгрались, с убедительным счетом 7–0, при этом Дмитрий Юшкевич забил трижды — рекорд плэй-офф Суперлиги для защитников. Это был действительно знаковый матч для нашей команды. Мы не могли позволить себе проиграть, но, кроме того, мы должны были доказать кое-что себе самим. Сегодня наши лучшие были лучшими. Юшкевич был великолепен, и его партнер по обороне Андерс Эрикссон тоже сыграл блестяще. Перед игрой я сказал нашим парням: «Слушайте, все очень просто. Мы классно отыграли регулярку, мы были самой стойкой командой в лиге, поэтому просто поверьте в себя. Не позволяйте этому поражению выбить себя из колеи. Вы умеете играть. Вы умеете бороться. Если мы просто останемся коллективом, все будет отлично. Нужно просто держать шайбу в постоянном движении. Если будем, мы их растянем и навяжем свою игру». Я не пророк или кто там, но мы действительно хорошо пасовали, а в большинстве были просто устрашающи; мы их просто затоптали.

Но нам не удалось обойтись без потерь. Когда судьба матча была уже давно решена, один из наших парней кольнул клюшкой одного из их игроков перед воротами. Когда тот упал, наш капитан Варламов щелкнул и случайно попал в игрока Лады. Варламов подъехал, чтобы извиниться, а тот парень вскочил и неожиданно ударил Варламова. Варламов падает мешком. Он в нокауте, его уносят на носилках.

Наш генменеджер Величкин взбешен. Он заявил СМИ, что Варламов в коме, у него сломан позвонок, и что это один из худших инцидентов, какие он когда-либо видел. Затем он поручил секретарю написать письмо в лигу; вместе с Рашниковым, нашим владельцем, они подписали жалобу. Хотя Варламов определенно получил сотрясение мозга, оно было не

столь серьезным, как это представил Величкин. Он выбыл до конца этой серии и, может быть, пропустит пару игр полуфинала, если мы туда пробьемся, но врач говорит, что он, скорее всего, будет в состоянии сыграть еще в этом плэй-офф. Отсутствие Варламова будет означать больше времени на льду для Юшкевича и Эрикссона.

С тех пор, как перед Новым годом мы подписали Эрикссона, я ставлю его в пару с Юшкевичем. Они оба много поиграли в НХЛ, оба бегло говорят по-английски и прекрасно подходят друг к другу на льду. Швед Эрикссон, выигрывавший Кубок Стэнли с Детройтом, и вне льда пришелся ко двору. Он оказался парнем с твердым характером. Чем больше я работаю с ним, тем больше я осознаю, насколько популярен он стал в команде за такой короткий период времени. На полднике перед матчем он нарочно садится за столом с пятью русскими хоккеистами, которые не говорят по-английски. Например, он часто подсаживается к Селуянову. Селуянов, наверное, самый брюзгливый парень, каких я встречал, он вечно чем-то недоволен. Андерс, напротив, обычно всегда улыбается и говорит. Он говорит беспрестанно. Ну, так вот, садится он к тем пяти русским и начинает вести разговор за обе стороны. Он спрашивает у них про их клюшки, не надо ли подать соус к котлете или кетчуп к картошке. Или: «Отличный денек сегодня, погодка ништяк, у меня в семье все в порядке, спасибо, что интересуешься, Сели». И так болтает и болтает. Я сильно верю, что юмор — это катализатор, помогающий создавать команду. С такими шутниками в раздевалке создаются команды, или, в любом случае, они помогают создавать.

25 марта

Мы провели блестящий, жесткий, настоящий плэй-оффный матч, выиграли 4–3 и вышли в серии вперед 2–1, но провели при этом весь вечер на скамейке штрафников. Лада так много симулировала на льду, чтобы выпросить удаления соперника, что наша команда была просто вне себя от этих клоунов. Поэтому, по дороге на послематчевую пресс- конференцию я решил обратить внимание СМИ на этот вопрос. Там присутствовали все большие московские газеты, и я просто пошел в атаку. Я говорил и говорил о том, насколько нелеп этот театр в нашей серии. Я сказал: «Я не виню судей, потому что этого симулирования так много, что становится трудно отличить, была ли на самом деле игра высоко поднятой клюшкой, или задержка клюшкой, или удар локтем, или что еще». Я добавил: «Это — игра для мужчин, а не для мальчиков. Мы играем во взрослой мужской лиге». Затем я говорил о спортивном духе и о том, что в Северной Америке нас часто критикуют за то, что мы позволяем хоккеистам драться.

Здесь драки рассматриваются как неспортивное явление. Я предположил, что симулирование — это еще больший грех, потому что для симулирования не требуется мужество, в то время как для того, чтобы сбросить перчатки, драться и, возможно, проиграть перед тысячами болельщиков, требуется большое мужество. Я закончил словами: «Если российская Суперлига хочет решить проблему «нырков», за драку следует давать только большой штраф, без удаления до конца игры, потому что некоторым из этих «актеров» пришлось бы ответить за свои действа». Сегодня удаления пару раз чуть не убили нас. Мы вели 3–2 примерно за 8 минут до конца третьего периода, когда при игре 4х4 Чистов схватил глупейшее удаление, какое только можно было получить, в нападении, и соперник реализовал преимущество 4х3, сравняв счет 3–3.

Я был зол на него, как никогда! И все же, с Чистовым всегда есть надежда на спасение. Оно пришло где-то за три с половиной минуты до конца, когда мы, наконец-то, получили большинство. К середине двухминутного преимущества мы еще не забили, поэтому я взял атйм-аут, потому что не хотел менять пятерку на второй состав. Я хотел оставить на льду первую пятерку, но немного изменил ее. Выставил Малкина с Чистовым и Кайгородовым, и что произошло? Чистов забил гол и принес победу. В этом он весь. Лучше гола и не придумаешь. По ходу одной игры в какой-то миг он может просто поразить, а в следующий недоумеваешь — что он творит?

Психологически поворотный момент в игре наступил, когда во втором периоде счет сравнялся. Опять же, мы находились в меньшинстве, очередном из, казалось, бесконечного ряда. Игорь Королев лег под бросок. Было столкновение, его соперник тоже упал, при этом Игорь получил рассечение коньком, на 23 шва. Оно было таким серьезным, что врач, практически, выбросил белое полотенце. Он сказал нам: «Игорь выбыл из игры, без вопросов». Я подумал: «Ну, мы еще посмотрим». Его увели в раздевалку, где Игорь не на шутку разозлился на врача, потому что тот делал свою работу «целый день». Врач думал, что с игрой в тот вечер у Игоря покончено. Игорь же, тем временем, рявкнул: «Шей! Я возвращаюсь». Врач: «Тебе нельзя играть». Игорь: «Наложи мне швы — я возвращаюсь на лед». Врач, в конце концов, заделал ему порез, наложил швы, и примерно на четвертой минуте третьего периода, как на взлетной полосе, появляется Игорь Королев с огромным пластырем на лице и кровью по всему свитеру и лицу. Он вернулся. Здесь принято, что, если у парня температура превышает нормальную на градус-другой, он не играет. У них тут есть теория, что, играя с

температурой, можно получить проблемы с сердцем. Никогда не слышал о такой теории, но здесь она бытует. Поэтому, когда Королев вернулся и сыграл просто великолепно, это сильно изменило наш моральный настрой. Он играет, как сумасшедший, и Юшкевич тоже, забивший пять или шесть голов. Все мои парни-ветераны, которых все здесь считали слишком старыми, действуют очень активно. Величкин никогда не признавался, что я был прав по поводу доверия этим двоим парням, но непосредственно перед началом плэй- офф он переговорил с Марком Гэндлером, агентом этих хоккеистов, и сказал ему, что хочет подписать обоих на следующий сезон. Думаю, они понимают, что, в конечном итоге, войны выигрывают с воинами такого типа. Необходимы навыки и мастерство, но обязательно нужны парни, цементирующие все в единое целое.

26 марта

Мы вырвали победу в серии за четыре матча, выиграв еще раз в одну шайбу — 2–1. Лада нас напугала; они играли, как дьяволы. Просто как одержимые. Они пахали и грызли. Делали ошибки и исправляли их ценой огромных усилий. Это была тяжелая серия — в очень высоком темпе, в самом высоком из всех серий нынешнего плэй-офф, которые я видел вживую и в записи. Я отдаю им должное — они играли очень хорошо.

После того, как моя обличительная речь о судействе обошла все газеты, мы получили желаемый результат. Судья отсудил великолепно. Нырки были — судья показывал им жест- нырок. Пару раз его все-таки обманули, но большей частью он очень хорошо выполнил свою работу. И думаю, их тренер Петр Воробьев тоже читал мои высказывания, потому что вместо сына Величкина он заявил на матч этого здоровенного парня по фамилии Стрелков, который вышел на лед, но едва умеет кататься на коньках. Я спросил у своих ребят: «Кто это?» Они сказали: «Он — боксер. Играет, в основном, в другой лиге, но это — боксер». Поэтому я сказал своим парням перед игрой: «Ввожу запрет на драки. Если этот парень выйдет на лед, его ясно выраженной целью будет вовлечь кого-нибудь в драку. Если он хочет подраться, пусть сначала отыграет шесть-семь смен, за это время мы забьем три-четыре гола. И тогда я сниму запрет на драки. Для него идеальным вариантом будет «одна смена — одна драка», с последующим удалением до конца матча вместе с кем-либо из наших играющей парней». Но игра была упорная, он, фактически, так и не вышел на лед.

Итак, мы в полуфинале, против омского Авангарда, с Нормом Мараклом в воротах. У них опытная команда. И большой бюджет. Большая глубина состава. Маракл обычно преображается в играх

плэй-офф. Они легко выиграли свою первую серию у ЦСКА (на самом деле, у СКА — прим. пер.), за три матча с большими счетами; и затем выбили за три игры клуб Красной Армии (в этот раз — ЦСКА — прим. пер.). Так что, до сих пор они крейсером шли по плэй-офф. Они сыграли всего шесть матчей, это будет, конечно, тяжелая серия. Мы выигрывали у них дома 5–0. Затем еще раз обыграли их 5–3 с месяц назад, когда Трэвис Скотт провел катастрофический матч, пропустив три нелепые шайбы, но мы все же выиграли. А проиграли мы им еще в сентябре. Так что, для нас это хороший соперник, потому что против них мы играли успешно.

В другом полуфинале сойдутся вторая и третья сеяные команды — казанский Ак Барс и ярославский Локомотив. Все получается очень похоже на то, что в середине регулярки предсказывал Величкин. В этом году из первых двенадцати серий только одна закончилась неожиданностью — Лада (9 место) выбила Динамо (8). Финансовые передряги Динамо (и тот факт, что они просрочили так много платежных чеков в этом сезоне), возможно, сказались на этом результате. Вероятно, они не были настолько мотивированы, насколько должны бы были.

В отличие от НХЛ, в российских играх на вылет, похоже, не бывает много неожиданных исходов. Четыре топовые команды — именно те, которые остались, и что интересно, во всех четырех играют канадские вратари: Норм Маракл в Омске, Стив Валикетт в Ярославле и Фредди Брэзуэйт в Казани. В лиге есть еще и другие канадские вратари, и это много говорит о наших киперах.

После прохождения практически всей регулярки без травм, сейчас нашей самой большой проблемой становится появившаяся серьезная нехватка людей. Платонов повредил ребра в игре, которая закончилась со счетом 7–0; он попытался продолжить матч, но не смог, потому что у него выскочило ребро. Сломался хрящ, и ребро стало торчать наружу, поэтому мы не знаем, как долго его не будет. Но его пока нет. Гусманов вышел вместо Платонова, но в середине своего первого матча, находясь перед воротами, он получил удар шайбой по пятке, приведший к перелому лодыжки. Так что, он тоже выбыл. Варламов сегодня работал на велотренажере, и мы надеемся вернуть его к матчам против Омска, но окончательно узнаем о его состоянии завтра. Пестунов не вернется до конца этой серии; если мы пройдем в финал, он, может, и вернется. Он порвал плечевые связки во второй смене первой игры с Ладой и не сможет играть довольно долго.

29 марта

Сегодня после тренировки наш тренерский штаб собрался,

чтобы обсудить сочетания игроков в звеньях в свете нашего положения с травмами. Мы снова думаем использовать Фиша, нашего «трудного ребенка». Он сыграл в последних двух матчах, но выглядел неважно. Он обладает огромным мастерством, но он не играл со времени проведения Олимпиады. Тем не менее, он вдруг вознесся «из опалы в генералы» и, возможно, будет играть с Кайгородовым. Но он вызывает опасения в напряженных ситуациях матча, потому что он игрок такого типа, которые не умеют жестко бороться. Иногда им восхищаешься, потому что он забивает голы, но он может и привезти пару голов своей команде. Он — прямая противоположность Малкину, который очень сильно провел серию против Лады. Он их так напряг, что Лада решила постоянно держать при нем игрока. При такой их стратегии я мог поэкспериментировать. Я ставил Малкина в центр двух звеньев; ставил его на фланг еще одного звена. Я говорил ему: «Отходи назад. Если твой преследователь идет за тобой, просто делай круг позади нашего защитника, оставив его вне игры. Мы будем входить в зону 4 на 4. После этого Малкин врывался в зону на большой скорости, отрываясь от своего преследователя, потому что никто не может догнать Малкина, если он разбежится. Итак, мы приближаемся к синей линии 4х4, и затем Малкин на скорости врывается в зону, открытый для паса.

Когда Малкина удалили до конца матча в первой игре, он получил большую дозу критики в прессе. Он вернулся, чтобы осуществить месть в матче, закончившемся победой 7–0. Затем, в третьей игре, мы вели 4–3, и нам дали удаление. Здесь, когда в матчах на вылет соперник снимает вратаря, почти стандартная процедура — в течение примерно полуминуты судьи выписывает вам штраф. Поэтому редко когда играют 6х5, всегда бывает 6х4.

Ну, и мы пытаемся продержаться, Малкин вышел к синей линии и заблокировал бросок. Затем он вскочил и, пока шайба оставалась бесхозной в средней зоне, в три шага дотянулся до нее и в падении отбросил ее за красную линию, тем самым сняв опасность и вырвав для нас победу. Я хочу сказать, он может становиться немного самоуверенным, но он — настоящий мужик и, бог ты мой, как он сражается! Вы можете делать с ним все что угодно — пытаться его закрыть, рубить, колоть — он продолжает играть. Он действительно играет. Кайгородов в жесткой серии против Лады исчез, потому что это Кайгородов. Но Малкин был только рад такому вызову, потому что он любит играть именно в такой хоккей Находясь рядом с Величкиным, я ощущаю, что теперь давление снято. Не то, чтобы он расслабился или что-то в этом роде, но большая часть ожиданий от этого сезона реализована. Мы выиграли Кубок Шпенглера. Мы здорово бились

в плэй-офф. И сейчас мы начинаем полуфинал, со всеми этими травмами. Не думаю, однако, что кто-либо может теперь чувствовать себя «сошедшим с крючка». Думаю, мы можем обыграть Омск, даже с травмами, но если сезон завершиться на этой стадии, мы будем третьими. Здесь такой порядок. Финалисты получают золото и серебро. Бронзу получает та команда из двух проигравших полуфиналистов, которая набрала больше очков в регулярном чемпионате. Соответственно, чтобы теперь ни случилось, мы финишируем не ниже третьего места, и медаль нам гарантирована. Я не ощущаю какой-либо самоуспокоенности, но, чтобы дальше ни случилось, мы можем считать сезон успешным.

Чем больше у нас случается травм, тем глубже, по моим ощущениям, мы окапываемся. Это хорошо для команды. Я вижу, что некоторые из ребят чувствуют себя исполняющими особое задание. Что некоторые игроки, не находившиеся на переднем краю, сейчас играют. Они пришли из фарма, и, я надеюсь, они соответствуют нашей команде. Трэвис в последнее время играл неуверенно. В последнем матче я почувствовал, после того, как мы допустили пару ошибок, а он выручил команду, что он вновь обретал свою игру. Я вижу это не по его сэйвам, а по тому, как он обращается с шайбой. В послеолимпийский период он, прям как Патрик Руа, часто отдает пас сопернику, затем вынужден стремительно возвращаться в ворота и делать великолепные сэйвы. Он принимает решения и играет недостаточно быстро, что вызывает некоторые затруднения. Если он вернется к своей игре, пробить нас будет нелегко. Начиная где-то с пятой минуты, он вдруг как будто стал чуть выше на своем пятачке перед воротами, к нему вернулась уверенность, он стал выглядеть активным, чего за ним с некоторых пор не наблюдалось.

Есть хорошая новость и с семейного фронта. У моего сына Скотта в Германии сезон закончился, и он через неделю едет сюда, посмотреть наше житье-бытье и одну из наших игр. Затем, когда мы поедем на третий матч серии в Омск, они с Линдой полетят в короткий двухдневный тур по Москве, после чего он вернется в Канаду. Он финишировал третьим бомбардиром лиги и подписал новый двухлетний контракт с Нюрнбергом, поэтому чувствует себя очень довольным.

31 марта

Варламов, Пестунов, Гусманов и Платонов играть не могут, поэтому сегодня, в первом матче серии против Омска, четверых парней, игравших у нас весь сезон, в составе нет. В обороне мы чередовали Бирюкова и Бойкова в качестве восьмого защитника — сегодня они играли оба. В нападении вышли Гладских и

Добрышкин. Это была очень вязкая игра. Они забили первыми: Артем Чубаров попал в цель в середине второго периода. У нас Чистов ответил через девять минут, и ничейный счет продержался до конца основного времени.

Уже заканчивалось время овертайма, когда один из их молодых игроков, Никита Никитин, забил невероятно удачливый гол — щелчок пришелся мимо ворот, шайба отскочила от борта, ударилась в Трэвиса и зашла в ворота. Это был всего лишь второй гол Никитина в сезоне, он случился за менее, чем две минуты до конца времени. Мы проиграли 2–1. Мы перебросали их 38–20, что вполне показательно говорит о голевых возможностях. Мы переиграли их, но Норм Маракл сыграл в воротах очень хорошо. После игры на пресс- конференции кто-то спросил их тренера Валерия Белоусова о Маракле. Он ответил: «Маракл — очень серьезный человек, настоящий профи», и рассказал, что когда он говорил с Мараклом перед играми плэй-офф, тот пообещал сыграть свою игру. Он и сыграл сегодня. Можно клясть себя до потери сознания по поводу упущенных возможностей или отсутствия у нас удачи, но такое бывает.

Апрель

2 апреля

С моим сыном Скоттом, присутствовавшим на матче в попытке привлечь удачу, и Варламовым, восстановившимся после сотрясения мозга, мы вырвали победу со счетом 4–3, не без ряда тревожных моментов по ходу игры. К середине матча мы вели 3–0 после голов Юшкевича, Эдуарда Кудерметова и Эрикссона, и тут начали отпускать хватку. Соперник сократил счет еще до конца второго периода, а в третьем сравнял, забив еще два гола. Когда дело шло, казалось, к тому, что опять будет овертайм, Воробьев забил гол, который должен бы стать победным, да только соответствующий свет за воротами не загорелся, и игра продолжалась больше, чем с минуту. Наконец, игру остановили, посмотрели запись, и, поскольку гол явно был, отмотали секундомер обратно, к тому времени. Но Омску не понравился такой разворот, и они взбесились. Их капитан, Рябыкин, бросил краги на лед и толкнул судью. Им удалось судью запугать, и он трижды возвращался за судейский столик для просмотра записи. На разрешение этой ситуации ушло минут двадцать пять. В конце концов, судья вышел, непреклонный, и показал на центр площадки — гол. Даже после этого их тренер не выпустил пятерку на лед, а судья ничего не делал — никакого наказания за неспортивное поведение; он просто принял это молча. За тридцать лет я никогда не видел ничего подобного.

В этот вечер на нашем матче присутствовал и второй в истории российской Суперлиги канадский тренер. Майк Крушелницки, за свою 14-летнюю карьеру игрока поигравший в Эдмонтоне, Бостоне и Детройте и завоевавший три Кубка Стэнли, а затем поработавший тренером в штабе Red Wings у Дэйва Льюиса, несколько дней тому назад был назначен новым тренером Витязя. Майк и люди из Витязя приехали посмотреть второй матч и, думаю, он хотел зайти в раздевалку поздороваться, но, наверное, из-за всей этой нервотрепки с результатом матча решил не заходить. Видимо, Игорь Ларионов, поигравший с ним в Детройте, вывел клуб на него. Все спрашивали: «Кто это — Майк Крушелницки?» Я знал его как игрока, но не знал его тренерской деятельности. Думаю, еще один-два североамериканских тренера могут приехать сюда. Во всяком случае, такие ходят слухи.

Думаю, наш хорошо проведенный сезон, возможно, приоткрыл кое-какие двери для других канадцев, которые, может, захотят попытаться.

3 апреля

Плохие новости про нашего вратаря, Трэвиса Скотта: вчера он усугубил травму бедра, полученную ранее — растяжение мышцы. Мы надеемся, что он сможет сыграть в третьем матче. Ему пришлось посетить сеанс иглоукалывания, и в первый раз это не очень помогло. Поэтому вчера мы нашли другого специалиста, и, похоже, ему немного полегчало. У него также стали случаться приступы головокружения. Пришлось взять кровь на анализ, и наш медицинский штаб, как и все остальные, весьма озабочен. Худшего момента и быть не могло. До сих пор он для нас был как неприступный утес.

4 апреля

Третья игра серии с Омском. Одно общее наблюдение, по мере приближения к кульминации: по ходу матчей на вылет в НХЛ напряжение матчей возрастает, а красота исполнения снижается, и это оказывается верным для России тоже. Каждый старается избежать ненужного риска, и, в результате, все игры проходят очень напряженно. В сегодняшнем матче мы вышли вперед только в начале третьего периода, после гола Гладских. Я сказал Трэвису перед игрой: «У нас проблемы с выигрыванием вбрасываний у этой команды, поэтому, если нет необходимости прижимать шайбу, не останавливай игру».

Итак, мы дотянули до последней минуты, бережно храня свое преимущество в один гол, когда он ловит шайбу, фиксирует ее и затем смотрит на меня. Я увидел, как он произнес: «Ой!» Как бы то ни было, они выигрывают вбрасывание, Гусев бьет по воротам сквозь толпу игроков, и шайба проходит в ворота. Они сравняли счет ровно за минуту до конца основного времени.

В овертайме Виталий Ячменев, в НХЛ немного поигравший за Nashville Predators, а затем ставший известным как новичок лиги, оказавшийся в тройке с Уэйном Гретцки в Los Angeles Kings, забил победный гол. Это был его лишь четвертый гол в сезоне, но для нас он оказался убийственным. Команды играли 4х4.у нас на льду были Чистов и Воробьев. Оба оказались отыгранными в одном месте. Затем шайба была передана с этого места в угол площадки, а оттуда сразу же на пятачок, и Ячменев был тут как тут, отправил шайбу в сетку. В первом матче, который мы проиграли в овертайме, дома, мы выпускали на лед три двойки нападающих — две пары атакующего плана и одну пару, Королева и Воробьева, оборонительного плана. Тот замысел не сработал, поэтому сегодня мы решили уравновесить пары, выпустив по атакующему и оборонительному игроку — и этот план тоже не сработал. Упустить преимущество за 60 секунд до конца, а затем пропустить гол в самом начале овертайма — это была

катастрофа. Матч развернулся столь быстро. Мы все думали: «Выиграем выездной матч, и неважно, что будет в четвертой игре, вернемся домой, и все будет в порядке. Мы провели классный матч, играли так упорно. У нас так много получалось, и вдруг, вот так вот, победа ускользнула сквозь пальцы. Естественно, первой мыслью было: «Как команда переживет этот момент?»

5 апреля

Сегодня Трэвис Скотт сдал кровь на анализ, и результаты не дали ясной картины. Он временами чувствует головокружение, но следует отдать должное его бойцовскому характеру. Выходные в Омске не дают особенно много возможностей в это время года, потому что мы опять в Сибири, и здесь все еще холодно. Температура всего минус десять, но из-за ветра кажется намного холоднее.

6 апреля

Оказавшись перед угрозой вылететь, сегодня в 4 м матче мы начали очень хорошо. Нам нужна победа, чтобы вернуться на пятый матч домой. Чистов открыл счет в первом периоде, реализовав большинство, но соперник ответил почти сразу — Чубаров сравнял. Затем, на первой минуте второго периода, они вышли вперед 2–1, и такой счет сохранялся до самых последних минут третьего периода, когда нам был отчаянно нужен гол, чтобы сравнять и перевести игру в овертайм. И мы его забили.

Платонов пропустил первые две игры этой серии, но вернулся в последней и принес нам этот гол. Мы называем эту ситуацию «внутренние 2х1», потому что один из их защитников при нашей атаке 3х2 оттеснил игрока с шайбой, поэтому он прокинул ее игроку, набегавшему на ворота, и вдруг у нас получилась атака 2х1. И Платонов просто вогнал ее. В овертайме Платонов убежал в отрыв и не смог забить. Затем Чистов убежал в отрыв и тоже не забил. Два наших хороших голеадора, обычно использующих свои шансы, не смогли забить при выходах один на один — у меня после этого появилось плохое предчувствие. Снова судейство оказалось странным, и сегодня они нас просто убили. Дважды за овертайм нам пришлось играть в меньшинстве — из-за каких-то дешевых, сомнительных удалений. Ни одно из этих нарушений не затрагивало кого-либо перед воротами или во время движения к воротам. Одно случилось в углу. Другое — на синей линии, около борта. Мы выстояли первое меньшинство, но во второй раз мы просто не смогли уберечь свои ворота. Гусев, сравнявший счет в Матче 4 (автор, видимо, подразумевает матч 3 — прим. пер.) и обычно играющий последнего защитника, забил и в этот раз — и выбил нас. Он у них даже не атакующий защитник, скорее, он — стабилизирующий оборону защитник, но в двух подряд матчах

его дальние броски нашли дорогу в наши ворота. Если какие-либо два игрока создали нам проблемы, так это два их защитника — Гусев и Кирилл Кольцов, задрафтованный Ванкувером, великолепный атакующий игрок. Эти двое плюс Чубаров поучаствовали во всех победных голах.

Самым досадным было то, насколько сомнительными были удаления. Мы были в трех минутах от серии буллитов, а буллиты мы весь сезон пробивали очень хорошо. Я всерьез полагал, что, если дойдем до буллитов, то потом отправимся домой на пятый, решающий матч серии. Я ничего впоследствии не сказал о судействе, потому что толку-то? Но наше руководство просто штурмовало судейскую комнату, возмущаясь, как они могли так поступить. Но было уже поздно. Игра сделана, с нами покончено, и наш экстраординарный сезон оборвался в мгновение ока. Ребята были крайне расстроены — они на самом деле хорошо играли и бились. Нам не удалось развернуть овертайм в свою пользу, но это произошло не из-за недостатка усилий.

Вот в этом мы искали утешение, а также в том, что выиграли бронзовые медали. В российской Суперлиге разыгрываются золотые, серебряные и бронзовые медали, как на Олимпиадах. Позже в раздевалку пришел Величкин, чтобы сказать команде, как упорно они сражались, и это было прекрасно. Но затем он сказал ребятам, и он был этим очень горд: «Мы выиграли бронзу; мы стали третьими». Затем стал говорить об установленных нами рекордах. Он был очень доволен, в то время как все были расстроены. Все же, я отдаю ему должное, потому что знаю — он хотел всех приободрить, но не уверен, что момент был выбран правильный.

Что касается Малкина, он сыграл настолько сильно, насколько был способен, но думаю, все из нас согласятся, что случилось то, что мы предполагали. В концовке он выдохся. Он — отличный малый, и играл на максимуме своих возможностей, но, по ходу серии с Омском он уже не был так эффективен, как в предыдущих раундах. Он не забил ни гола. У него набралось четыре голевых передачи за четыре матча. Он выглядел очень уставшим после серии с Ладой. В тех матчах он играл много, после удаления впервой игре за драку с Абдуллиным. Против Омска он набрал несколько очков при игре в большинстве и выиграл несколько вбрасываний, но не был столь же динамичным, как по ходу сезона. Я не был удивлен. Он много поиграл в этом году, и на высоком эмоциональном уровне — молодежный чемпионат мира, Олимпийские игры. На чемпионате они вышли в финал и не смогли выиграть. На Олимпиаде они обыграли Канаду, и после этого все были так увлечены, что

Россия может выиграть золото — и не выиграли. Для Малкина цена эмоционального разочарования была намного выше физической усталости. Он выкладывался полностью. Я был абсолютно горд этим молодым человеком, но в концовке он потерял обороты. Российские газеты довольно жестко писали о нем во время плэй-офф. Когда его удалили в матче с Ладой, газеты писали: «Он не справился в матче за золото в Ванкувере; он не привел свою команду к медали на Олимпиаде». Они писали, что он — человек молодой и импульсивный, и должен учиться быть более хладнокровным. Вот какого рода комментарии читал этот парень, и, думаю, эти комментарии были несправедливыми. Ради Бога, ему же всего девятнадцать лет! У него все будущее впереди, и ожидать от него больше, на данном этапе его карьеры — это, наверное, слишком.

Вдобавок ко всем огорчениям, наш чартер уже подлетал к Магнитогорску, когда объявили, что аэропорт накрыло туманом, потому что весной туман, задерживаемый уральскими горами, часто повисает над городом. Так что, нас перенаправили на Уфу, где мы сели в пол-первого ночи, и на автобусе отправились в 4,5-часовую поездку до дома. Мы приехали в Магнитогорск в 5-30 утра, что увенчало весь этот неудачный для нас день. Мы проиграли, выбыли из розыгрыша, и даже до дома не могли добраться без четырехчасового окольного пути.

7 апреля

Прошлой ночью, или, точнее говоря, этим утром, никто особенно не спал. В час дня мы вновь собрались во дворце для проведения интервью с игроками, для обсуждения их летних программ поддержания физической формы и для того, чтобы договориться с травмированными игроками о продолжении их лечения до полного выздоровления. На вечер был организован завершающий ужин в «Магнитке», одном из лучших ресторанов города. Как человек, все еще пытающийся смириться с фактом окончания сезона, это я ожидал увидеть в последнюю очередь. Там была еда, там было вино, там была водка — много водки — и там был коньяк. Там была живая музыка, и выступала танцевальная группа. Если бы мы выиграли чемпионат, вряд ли можно было бы организовать более широкое празднование. В НХЛ вы бы всё еще пребывали в трауре по поводу проигрыша в плэй-офф, даже после такого сезона, какой был у нас. Мы чувствовали, что не доиграли, и если бы не овертаймовый гол тут да овертаймовый гол там, мы бы еще продолжали играть, а прощальный ужин имел бы Омск. У нас, если только дело не заканчивается выигрышем Кубка Стэнли, день после окончания сезона обычно напоминает поминки. А тут — празднование, в

честь нашего великолепного сезона. Думаю, важнейшим является тот факт, что мы выиграли бронзовые медали.

Для меня, Игоря Королева, Юшкевича, Бульина и еще нескольких хоккеистов, поигравших в НХЛ, это празднование не имело значения. Мы дошли до полуфинала, и это было довольно хорошо, и проиграли в очень упорной серии, да, это тоже нормально, но мы хотели играть дальше. Некоторые ребята были по-настоящему довольны тем, чего мы достигли, но могу точно сказать, что другие не особенно праздновали. Мои североамериканские русские думали как энхаэловцы. Они были расстроены, что не смогли пройти в следующий раунд. Это — культурное различие, несомненно. В Северной Америке ты доходишь до кондиции в том плане, что рассуждаешь: всё, кроме чемпионства (Кубок Стэнли, или золото Олимпиады) — неуспех. И, естественно, ежегодно для 29 команд НХЛ или в этом году для 11 команд на Олимпиаде — всех, кроме Швеции — сезон или турнир оказывается неудачным.

Мы провели 51 матч регулярного чемпионата и еще 11 матчей на вылет. В плэй-оффе мы проиграли в основное время один матч, Ладе, и затем в овертайме три раза Омску. В сумме, мы проиграли в основное время всего пять игр из 62. Разум подсказывает мне, что это был дико успешный сезон, но сердце говорит, что, всё равно, недостаточно успешный, что мы хорошо играли в этом сезоне и против Омска, и против Казани. Хоть они и потратили на зарплаты хоккеистам тонны денег больше нас, мы могли выиграть. Но все команды были очень близки по классу, а в таких условиях различие между выигравшей и проигравшей командами очень небольшое. На заключительном вечере многие ребята говорили: «Мы провели отличный регулярный чемпионат и не могли сделать больше, коуч. Мы старались изо всех сил, но по какой-то причине не смогли забить в нужный момент. В каждой игре, заканчивавшейся овертаймом, у нас были шансы закончить ее раньше, чем это сделали они — но не забили». Иногда дело упирается в такую банальную причину, как разыгрался ли вратарь. Таков хоккей в плэй-офф: вратари значат очень, очень много. И в омской серии Норм Маракл значил очень много. Всего десять месяцев тому назад я позвонил ему, чтобы расспросить, что мне ожидать от жизни в Магнитогорске, потому что он поиграл там два года. Норм — очень открытый, общительный парень, несколько полноватый. Он как вратарь старой школы, Гапм Уорсли нынешнего поколения, вот почему он так и не получил постоянной работы в НХЛ. Он умеет останавливать шайбу, но его физическая подготовка всегда оставалась ниже, чем мы ожидаем от энхаэловца, даже от вратаря,

как в этом случае. Он не строен и подтянут, но, черт возьми, он умеет играть! И в этой серии для него многое было на кону. Регулярку он провел не очень хорошо, но хотел подписать новый контракт, потому что Омск и Казань дают лучшие в России зарплаты. Играя за эти клубы, можно заработать больше, чем где-либо еще. К тому же, его не оставили в Магнитогорске, вот почему он оказался в Омске. Соответственно, у него были две веские причины сыграть хорошо, что он и сделал.

Я очень доволен своими способностями работать с российскими хоккеистами. В пятницу многие из них подходили ко мне и благодарили за помощь. Денис Платонов через переводчика сказал: «Вы вытащили меня из мрака. В течение двух лет моя карьера была в мраке. Я не знал, смогу ли стать игроком. Но Вы дали мне шанс, поверили в меня, чего никогда ранее я не ощущал». Он добавил: «Я так доволен этим сезоном, и с нетерпением жду следующего». Затем подошел Юшкевич и сказал: «Кингер, я никогда не играл за кого-либо, кто относился ко мне так, как относился ко мне ты. Ты действительно верил в меня». За первые 15 матчей, я не уверен, был ли у Юшкевича хоть один гол, но закончил он одним из самых забивных оборонцев в лиге. А его статистика в плэй-офф абсолютно поразительна. У него, возможно, второй-третий результат в общем зачете бомбардиров, а ведь он уже старый вояка, да с больной ногой. Я ответил: «Я ведь очень верил в тебя, Юшки. Я ценю парней, которые бьются. Когда ты не мог забить в начале сезона, ты был тем, кто закрывал собой броски. Ты всегда находил способ принести пользу».

Я выслушал самые разные чудесные признания от хоккеистов, и это было волнительно. Иногда у меня чуть не выступали слезы. Я думал: «Да, жаль, что этот вечер не состоялся много раньше». Варламов, наш капитан, подошел и сказал: «Я просто хочу сказать Вам, от имени всех ребят, мы слышали, что вы, может случиться, не останетесь в команде, и все парни, даже те, кто, возможно, уйдет в другие клубы, действительно хотели бы, чтобы Вы остались».

Вечер оказался потрясающим. Мне очень понравилось. Обычно я ухожу с таких мероприятий рано, но сегодня я увидел, что все веселятся и так хорошо общаются, что я решил остаться. Это был наш последний совместный вечер, и он прошел великолепно. Было много руководителей ММК, с женами. Малкин танцевал и весело проводил время — давление с него, наконец, было снято. Выступил мэр, поздравил нас с бронзой. Также выступил вице- президент ММК (Рашников был в Питтсбурге, покупал сталеплавильный завод). К тому времени, когда я пошел

домой, я уже вполне смирился с результатом. На такой стадии плэй- офф выбор среди остающихся четырех команд невелик, поэтому серии разворачиваются очень упорные. У меня вовсе не такие же ощущения, какие были, когда я тренировал Flames, например, и когда мы проиграли все те овертаймы в плэй-оффе Ванкуверу и Сан-Хосе. У нас ничего не осталось в запасе. Мы опустошили свои баки. Всё равно досадно, когда ты находишься так близко и упускаешь шанс сыграть в финале, но мы отдали всё, что у нас было. Все матчи, что мы проиграли, мы проиграли в дополнительное время, и в каждом из них у нас было 2–3 хорошие возможности выиграть — но мы просто не смогли забить. Мы весь год здорово играли в формате 4x4, но в двух из этих матчей мы допустили индивидуальные ошибки, которые дорого нам обошлись. Так, к сожалению, иногда бывает в хоккее.

8 апреля

Мне предстоит, и очень скоро, принять решение. В понедельник у меня будет встреча с Величкиным для обсуждения вопроса, остаюсь я в клубе или нет. Мне понравился этот год, но хочу ли я повторить? Не знаю. В этом году для меня существовала некая интрига, некое очарование. В следующем сезоне, если я вернусь, я уже буду знать базовые правила. Я буду знать тренерский штаб. Буду больше знать лигу. И все это будет преимуществом. Но я частично удовлетворил свое любопытство, поэтому испытываю колебания. Тренировать на иностранном языке — очень тяжелая работа, потому что требуется быть очень хорошо подготовленным.

Мне всегда приходилось предварительно говорить с Игорем Королевым, чтобы убедиться, что моя мысль понятна ему, потому что, если он ее не поймет, ее гарантированно не поймут и остальные хоккеисты. Всё же, я могу и остаться, потому что в финансовом плане это очень даже имеет смысл. Это фактор, который мне придется учесть. Мне 58 лет, в конце концов, и после какой-то черты приходится обустраивать себе гнездо на будущее. Я подписывал контракт на два года, но подразумевалось, что после первого года они посмотрят, подхожу я клубу или нет, и у меня была бы возможность оглянуться и принять свое решение.

В пятницу, перед тем, как идти домой, я поговорил с Малкиным, просто узнать его мысли. Он знает, что может заработать гораздо больше в России, но не очень озабочен этим обстоятельством. Прежде всего, и это главное, он — хоккеист. Я удивлюсь, если он не уедет в Питтсбург; я думаю, он хочет ответить на вызов — поиграть с этими парнями из НХЛ. И ему понравилась Олимпиада. Когда я спросил его, что там произвело

на него самое большое впечатление, он ответил: «О, хоккеисты». Я надеялся, что он ответит что-нибудь подобное.

Он благоговел перед их профессионализмом — именно это слово он употребил. Он сказал, что после матчей они делали упражнения на растяжку и крутили велотренажер, и у него понятия не было, что профессиональные хоккеисты так преданы своему делу. Он сам очень предан хоккею, но думаю, он представлял себе, что жизнь в НХЛ — это большие автомобили, бифштексы на ужин и красивая одежда. Вместо этого он увидел, что эти парни относятся к хоккею как к профессиональной карьере, и что они ежедневно делают множество мелочей, позволяющих им выступать столь хорошо и постоянно. Вот такие впечатления он привез домой с Олимпиады, я меня обрадовало, что он усвоил этот урок столь хорошо…

Эпилог

1 июня

Казань, с моим старым другом Зинатуллой Билялетдиновым за скамейкой и Фредди Брэзуэйтом в воротах, стала чемпионом Суперлиги. Через две недели после того, как мы с Линдой вернулись домой, они вынесли Омск в три матча. Омск, как мне рассказали, после нас был никакой; они проиграли две первые игры на выезде и покорно сдались в последнем матче дома.

Итак, Казани, во время локаута потратившей миллионы на игроков НХЛ в надежде выиграть чемпионат к тысячной годовщине Республики Татарстан (так у автора, на самом деле — 1000-летие города Казань, — прим. пер.), пришлось довольствоваться чемпионством на своем тысяча первом году. К тому времени мы с Линдой проводили отпуск в Финиксе, свозили внуков в Дизнилэнд и смотрели окончание плэй-офф в НХЛ.

Когда я оглядываюсь назад, на эту свою безумную авантюру, вижу, что очень многие вещи, которые беспокоили меня в связи с поездкой в Россию, оказались преувеличенными. Проблема перевода разрешилась очень быстро. Это вообще не было особенной проблемой. К концу я выучил некое количество русских слов и выражений и мог читать вывески. Я знал, что мне придется немного поучить язык, иначе я оставался бы в полном мраке, и меня бы это никак не устроило. Поэтому я сделал для себя небольшую карточку с кириллическим алфавитом и всякий раз, сидя в автобусе и видя какую-либо надпись, я доставал эту карточку и читал по буквам. За пару месяцев я освоил эти буквы, и, хотя с парой из них у меня всегда были трудности, через некоторое время я вполне хорошо читал. А вот разговорный русский язык может быть очень труден для восприятия, но удивительно, как, в конце концов, слух приспосабливается. Я не распознавал все слова, но мог слушать разговор и понимать по его ходу достаточно, чтобы схватить суть. Иногда, когда мы вместе находились на льду, и я догадывался, что мои помощники собирались спросить, я отвечал им до того, как вопрос переводился на английский. Было забавно. Они не ожидали. Через какое-то время я почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы самостоятельно, без переводчика, выходить в город. Даже со своим ограниченным знанием кириллицы я мог понять, куда я шел, читая названия улиц и прочие вывески. Так что, чуть-чуть изучив язык, я мог больше управлять своей повседневной жизнью.

Когда я впервые приехал в город, все меня предупреждали насчет мер предосторожности. Но, как только я научился читать

вывески и обходиться самостоятельно, я расслабился. Не думаю, что когда-либо особенно беспокоился о безопасности. Иногда мы возвращались домой с выезда часа в четыре утра, и автобусом нас довозили до дворца спорта. Поскольку до моей квартиры было всего метров пятьсот, я говорил: «Игорь, я дойду пешком». Он в ответ: «Нет-нет, нельзя пешком». Он нервничал, если я шел домой пешком, а у меня вовсе не было никакого беспокойства. Ну, кто там, в Магнитогорске, может попасться на улице темной зимней ночью, в 4 часа?

Когда я впервые приехал в Россию, я думал, что достаточно много знаю об их тактике и подготовке, но мне всегда было интересно — а что же бывает за кулисами? Какая внутренняя жизнь в этих командах? Что творится за закрытыми дверями? Были ли они все как Сергей Макаров, который, как только тренировка заканчивалась, просто исчезал и жил своей жизнью?

Мне также было интересно распределение определенных ролей среди хоккеистов. В Северной Америке всегда бывает распределение ролей. Не у всех в команде одинаковая мера таланта, поэтому начинаешь расставлять людей по ролям. В России Малкин является топовым игроком первой тройки, но у меня и в четвертом звене центр — тоже весьма мастеровитый хоккеист. В Северной Америке парни из первой и второй троек умелые и талантливые, а в третьем-четвертом звене — не настолько, поэтому приходится решать этот вопрос. Они не могут играть так же, как играют два первых звена. Поэтому уяснение ролей — вот что нам было необходимо проработать, попытаться убедить некоторых парней, что от них мы ждем другое.

У нас был игрок, Алексей Тертышный, который в предыдущий сезон забил около 15 голов, но с самого начала этого сезона у него не получалось. Где-то в середине регулярки я сказал другим тренерам: «Могу ли я поговорить с этим парнем и попросить его делать кое- что другое? Примет ли он изменение своей роли? Если у него не получается много забивать, давайте не будем списывать ему год. Давайте посмотрим, может ли он внести какой-то иной вклад, и может быть, это поможет ему в атаке». Они ответили: «Давайте попробуем. Он парень разумный». Мы стали говорить с ним о других аспектах его игры. У него отличная скорость, поэтому мы сказали: «Мы хотим, чтобы ты встречал соперника первым (в североамериканской терминологии — форчекинг, прим. пер.). Врывайся в их зону и оказывай на соперника давление». Я показал ему видеоклипы о том, насколько эффективным он мог быть в такой роли. Ему, похоже, понравилось. Мне же понравилось, что этот парень смог согласиться на изменение своих обязанностей — стать для нас

«энерджайзером» и принести дополнительную пользу в последней трети регулярки. Он добывал для нас шайбу; он вынуждал соперника ошибаться. Он не стал зарабатывать очков намного больше, но был полезен. Так что, я пытался вносить подобные изменения, и иногда они даже срабатывали.

Мой опыт из времен тренерской работы в Северной Америке говорит, что тренер всегда что-то, какую-то роль, «продает». Именно так Боб Джонсон, тренер из Зала Славы, описал нашу профессию. Он говорил: «Мы — торговцы. Именно так. Мы всегда что-то продаем своим хоккеистам». В России я понял, что мне не пришлось ничего продавать. Хоккеисты «купили» коллективный, командный подход. Здесь не звездная система, хотя в команде есть доля звездных игроков. Когда бы Малкин ни перегибал палку, его одноклубники вправляли ему мозги. Они говорили: «Слушай, мы играем все вместе». Мои ассистенты, особенно Виктор Королев, всегда находили время поговорить с Малкиным. Он говорил: «Уважай своих партнеров по команде». Под этим он имел в виду простое «делись с ними шайбой, и результат будет лучше».

Это подход, базирующийся преимущественно на коллективистской природе их общества. Они хотят, чтобы игра оставалась такой же, и я думаю, что она будет оставаться такой же, в России, во всяком случае. С годами я пришел к пониманию того, что культурно- социальные системы стран отражаются в их хоккейных культурах, так что лучше эти системы знать. Когда я работал тренером в Японии, например, уважение к старшим было настолько глубоким, что молодые хоккеисты старались не играть жестко против более возрастных из боязни обидеть старшего. Одной из самых трудных задач у меня там было убедить игроков оставлять, при выходе на лед, свои культурно-социальные условности за бортом. Им приходилось принимать новую для себя, соревновательную хоккейную культуру, где выживает самый подготовленный, независимо от возраста или старшинства. Это была одна из самых тяжелых задач.

В сердце российского хоккея лежит четко выраженное советское наследие. Хоккеисты находятся под столь же строгим надзором и контролем, как и в тихоновскую эру. Считается, что, если игрокам позволить думать самим за себя (контролировать свои программы общефизической готовности, например), командная дисциплина будет потеряна.

Руководители команды (тренеры, менеджеры и т. д.) не доверяют хоккеистам право принимать ответственность на себя. Игроки не научены думать, они научены выживать. Они взрослеют, но с ними продолжают обращаться, как с детьми. В

своей книге Larionov Игорь Ларионов снова и снова подчеркивает это — элементарное отсутствие уважения к личности. Значение имеет только команда и ее общий успех.

Российские тренеры хорошо образованы и кажутся весьма цивилизованными, но они могут обращаться с хоккеистом грубо и иногда очень жестоко. Неоднократно я наблюдал, как в перерывах или на скамейке молодых хоккеистов ругают и распекают до точки, когда, казалось бы, они должны взорваться. Но этого никогда не происходило, и я часто удивлялся, почему они мирились с такими злоупотреблениями. Ответ: Россия, может быть, сегодня и демократия в теории, но ее руководители не умеют действовать демократическими методами. В Северной Америке мы считаем, что великие игроки рождаются с талантом, который нельзя уродовать, и который делает их великими. В России тренеры твердо верят, что великих игроков можно делать, и ключом к этому является обучение. Они считают, что в великих игроков вырастают те, у кого повышенная терпимость к тренировочным нагрузкам, кто может психологически справляться с объемами работы и стрессом лучше, чем средний хоккеист.

Мне было очень увлекательно наблюдать за детьми. В каждой возрастной группе я выделял пару игроков, которые становились для меня ориентирами при наблюдении командных тренировок. Обычно я отбирал одного из лучших, и одного из менее успешных хоккеистов и наблюдал, как они от месяца к месяцу развивались. Увидев, насколько целеустремленно и много они работают на тренировках, понимаешь, что рост их мастерства не обязан ничему иному, кроме большой и тяжелой работы.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти к этому заключению, но, конце концов, меня осенило: да, они делают разнообразные упражнения и да, они растут несколько по-разному, но все это, преимущественно, косметические вещи. Что на самом деле видишь, так это то, что мальчишки становятся мастеровитыми хоккеистами через повторение и огромное количество времени на тренировках. Их подгоняют, но через какое-то время их не надо сильно подгонять — они уже сами гонятся.

Подозреваю, такой же подход практикуется и вне хоккейного мира — в гимнастике, балете, музыке. Когда видишь, откуда они берутся и как они живут — большинство в мрачных, без излишеств, спартанских условиях — начинаешь хорошо понимать, что есть российский спортсмен. Эти дети на своем пути проходят множество испытаний. Их подгоняют как спортсменов. Их подстегивают в школе. Они приходят домой и помогают своим

мамам и папам по дому. У них нет всех этих игрушек и развлечений, которые есть у каждого ребенка в Северной Америке. Их жизни не легки. Поэтому, когда они чего-то добиваются, ты за них радуешься, потому что им пришлось упорно работать, чтобы достичь этого. Это не как у нас, где мама и папа носят твой хоккейный баул на каток и с катка, и, если ты хороший игрок, то все тебя одобрительно похлопывают по спине. Там, если ты хороший игрок и не отдал пас, — получишь ниже спины, и вовсе не одобрительно.

В целом, я стал очень уважать спортсменов в России и понимать, как тяжело, должно быть, приходилось предыдущим поколениям — третьякам, фетисовым и ларионовым. Они выступали за свои клубы в условиях той же системы и играли за сборную страны. Когда у других бывали перерывы, какие бы короткие они ни были, этим парням приходилось быть на базе, со сборной командой. У них редко когда было время отдыха — может быть, один месяц в сезон.

Даже сейчас, когда сезон закончился, и более возрастные игроки разъехались по домам, наша молодежь получили всего пять дней отдыха и затем вернулись во дворец спорта. В день, когда мы уезжали, я пришел в свой кабинет забрать пару вещей, и когда я выходил, Кулемин и Ибрагимов выходили на лед. Их было человек 12–13, и они тренировались вплоть до середины мая. Таков российский хоккей. Сезон не заканчивается, пока не закончится весенняя тренировочная сессия. Затем у них бывает отпуск с месяц-полтора. Последнее, что я сделал до своего отъезда, было вето на предложение Гудзика, нашего тренера по силовой подготовке. Он предложил провести еще один сбор, где-нибудь в мае, для всех, кто не уехал домой или не играл за молодежную команду или не участвовал в чемпионате мира. У нас набралось бы, максимум, человек восемь. На это я сказал nyet, и думаю, остальные тренеры вздохнули с облегчением. Последнее, что было нужно хоккеистам, так это дополнительное время на льду. Им была нужна возможность восстановиться после жерновов долгого сезона, как физически, так и ментально.

Что касается нашей тактики, я, будучи североамериканским тренером, собирался делать некоторые вещи иначе, при игре в меньшинстве и в обороне на чужой половине. Я думал, что некоторые концепции мне придется продавливать с трудом, но не пришлось. Хватило нескольких упражнений на тренировках и видеоразборов. Хоккеисты оказались очень восприимчивыми. В своей тренерской деятельности я никогда не упускал возможности предварительно объяснить, почему мы делаем то-то и то-то. Мне не надо просто хорошо выполнить упражнение и

затем забыть о нем; нам нужно практическое его использование в игре. Я обнаружил, что хоккеисты в Суперлиге в этом плане очень хороши; мне никогда не приходилось принуждать их принять какую-либо новую мысль или выполнять работу, необходимую для ее реализации. Это, как раз, еще один момент, над которым я задумывался в начале: буду ли я обращаться слишком мягко? Или окажусь слишком жестким для этих ребят? В Германии я был слишком тверд. Здесь я нашел, что мой подход отлично соответствует их уровню самоотдачи, и их ответная реакция на мой вклад была действенной.

Российское общество меняется, и североамериканские ценности приходят все больше, но атмосфера внутри хоккейной раздевалки остается такой же. В ней мало юмора. Раздевалка в Северной Америке — священное место. Там наступает один из моментов, которые хоккеистам нравится больше всего — когда пресса уходит, и раздевалка становится их раздевалкой, где они могут подурачиться, напустить бритвенного крема в коньки соседу, да что угодно, что расслабляет людей и объединяет их в команду. В России такого встретишь немного. Им всем хочется побыть наедине. Они проводят так много времени на тренировках, иногда по три раза в день — две на льду и одна на земле, что просто устают друг от друга. Они постоянно вместе, пять дней из семи. Это сродни монашескому заточению. Поэтому, когда бы им ни выдалось свободное время, время для семьи, они просто хотят выбраться к себе домой, побыть в узком кругу. Им не нужно никакое дополнительное общение. Моими лучшими игроками были россияне, прошедшие Северную Америку. Поиграв с североамериканцами и испытав их влияние, они пока остаются самыми словоохотливыми. И еще они увлекают примером. Благодаря именно им возникала сплоченность, в отличном виде поддерживавшаяся на протяжении большей части сезона. Одной из настоящих загадок в любом командном виде спорта является то, как в команде «развивается химия». Обычно это бывает такой зыбкий, переменчивый процесс; сплоченность может прийти неожиданно и уйти так же резко. Многие годы тренеры и спортивные психологи анализируют, анатомируют и теоретизируют по поводу «химии» коллектива. Многие заключают, что развитием этого процесса можно управлять в рамках своей команды. Я бы предположил, что, хотя некоторые меры по строительству команды могут помочь этому процессу, в целом «химия» развивается на основе повседневной жизни. На тренировке, во время матчей, в раздевалке, в автобусе или самолете, за едой или на собраниях — вот те моменты, когда она возникает.

Отправляясь в Россию, я думал, что российские команды играют, не показывая свои эмоции, но, возможно, они их просто контролируют. Поскольку раньше они казались в игре столь машиноподобными, мне было очень любопытно узнать — есть ли у них страсть к игре и победам. Пришло ли это к ним естественным путем, или они впитали это в себя, играя в Филадельфии и Торонто? Именно благодаря Юшкевичу и Королеву, в первую очередь, по ходу сезона возрастала нацеленность нашей команды на достижение результатов и преодоление препятствий. Вот когда химия может реально ускориться. Сплоченность также растет, когда партнеры по команде видят друг друга упорно работающими на тренировках и после них. Они проникаются уважением друг к другу, и это уважение в конечном итоге перерастает в доверие — они доверяют друг другу делать то, что требуется для достижения победы на льду. Они подстегивают друг друга. Здесь нет исключений, нет двойных стандартов.

Российские игроки меняются, когда они приезжают в Северную Америку. Там они обнаруживают, что существует воздаяние — буквально — за набранные очки, за способность хорошо сыграть один на один. И они очень скоро узнают, что от них ждут хорошей наступательной игры — энхаэловские клубы не особенно везут к себе российских чеккеров. Так что, понять игровую концепцию клуба было здесь для меня наименьшей из проблем.

Жизнь вне льда была не менее, или даже более познавательна. Много раз я задавался вопросом: а что, если бы я был россиянином, и это было бы моей повседневной жизнью — ходить по утрам не в ледовый дворец, а на меткомбинат? В предыдущие свои поездки в эту страну я никогда не встречался с обычными людьми. Только однажды мне довелось побывать в жилом многоквартирном доме, это было в Москве, мы ездили к художнице за расписными яйцами, которые я коллекционирую. Поэтому проведенный здесь год дал мне реальную картину того, как живет средний российский гражданин начала двадцать первого века.

Я ежедневно ходил по тем же лестничным маршам, что и они. Я каждый день ходил на работу и возвращался домой, закупался в тех же магазинах, что и они, покупал товары у тех же уличных торговцев.

Одна очевидная вещь, которую там осознаёшь, это то, что такая жизнь трудна. Изолированная жизнь. И регламентированная: разрыв между богатыми и бедными огромный. Для немногих «избранных» в их обществе, Величкиных

и Куприяновых, жизнь вполне хороша. Они живут так же, как живем мы в Канаде или США. У них есть большие дома и огромные машины. У них есть всё. Они осуществляют североамериканскую мечту в России, но это — не про нас. Мы жили по-другому. У нас не было авто. Мы пользовались общественным транспортом. Мы находили удовольствие в самых малых радостях. Когда я приходил домой, а там Линда напекла свежего хлеба, я приходил в восторг. Даже в конце, пойдем мы, бывало, поесть в этот новый ирландский паб, «Дублин», начнем заказывать что- нибудь из меню, какой-либо гамбургер, — а их уже нет. Или покажешь в меню на салат (их там в меню штук семь перечислено) и скажешь: «Вот этот?» В ответ — нет. «Этот?» Нет. Наконец, скажут: «Только вот этот». Потому что овощи в этот день есть только для этого салата.

К концу я узнал, как тяжело приходится этим людям, особенно пожилым, чьи пенсии были съедены обесценением рубля. По соседству с нами жил старик, которого между собой мы называли Семечник, потому что он на углу продавал семечки. Его жена периодически подменяла его, чтобы он отдохнул. У них есть небольшая емкость с семечками, которую они ставят на бетонный блок около стоянки, стаканчики и пластиковые мешочки и газеты, в которые можно насыпать купленные семечки, а потом их доставать и есть на ходу. Он продает семечки круглый год. За исключением самых холодных дней в феврале, он всегда там стоит — потому что именно так они пополняют свои мизерные пенсии. За маленький стаканчик он берет шесть рублей, за стакан побольше — десять. Мы обычно брали большой стакан и давали ему сто рублей — он не мог поверить в это. В последний день мы дали ему пятьсот рублей — это около семнадцати долларов, и составляет его месячный приработок от продажи, потому что много продавать не удается. Трудный способ вымучить какие-то дополнительные средства на жизнь. Тут ты понимаешь, что к лучшему жизнь меняется только для молодых. Для людей среднего и старшего возраста вопрос стоит о выживании. Нетрудно понять, почему некоторые из них тоскуют по старым, коммунистическим временам. По крайней мере, они были сыты, им не приходилось голодать.

Есть русская пословица, которая приблизительно переводится: «Ты — то, кого ты знаешь». Эти пожилые люди не знают никого. У них нет этих связей, которые нужны, чтобы достичь успеха в современном мире. В этом отношении мало что изменилось. Даже в коммунистические времена коридоры власти контролировались системой связей между друзьями и родственниками. Многие эксплуатируют модель демократии и,

поскольку переход от коммунизма к демократии регулировался и регулируется столь плохо, паразитируют на этой системе. Эта способность использовать к своей выгоде любую форму государства, какой бы она ни была, всегда превалировала в российской истории. Сильные отбирают у слабых, и, в то время как в демократических странах право основывается на прецедентах, в России оно основывается на исключениях. Здесь работает некий оруэлловский (автор ссылается на роман Дж. Оруэлла «1984») элемент — законы могут существовать, но они не применяются одинаково ко всем; и иногда этот факт не особенно-то и скрывают. Жизнь становится лучше в крупных мегаполисах типа Москвы и С.Петербурга, но в остальной стране инфраструктура остается бедственной и устаревшей. Задаешься вопросом — а смогут ли они модернизироваться вовремя, чтобы демократия выжила, или в какой-то момент народ демократическим голосованием вернется к старому, коммунистическому образу жизни — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Такое вполне может случиться.

В последний день пребывания в Магнитогорске мы пошли накормить собак в последний раз. Они смотрели на нас такими большими глазами, когда мы уходили. Удивительно, как развивалась вся эта ситуация с собаками. Когда мы здесь появились, собаки буквально умирали от голода. Леди, та собака со щенятами, не вытянула бы. К моменту нашего отъезда собаки уже были хорошо откормлены. Они переместились с того места, где мы их нашли, на огороженную территорию около продовольственного склада на окраине города. Работавшие там люди иногда тоже подбрасывали им корм. У собак был довольно высокий уровень жизни к концу нашего срока, и, что интересно, в день нашего отъезда к их группе присоединились еще четыре. Было увлекательно помочь собакам пережить холодную русскую зиму. Мы осложнили себе жизнь, но это было здорово.

Когда мы вышли на последнюю прогулку, стояла великолепная погода, но город выглядел таким грязным. Зимой снег частично скрывал мусор. Весной все вернулось в полном цвете — повсюду стекло, грязь, мусор. Я доволен тем, что побывал здесь, у меня нет сожалений, но я очень хочу домой. В клубе к нам относились очень хорошо. Мы не особенно общались с ними — и это был скорее наш выбор, чем их — но если были какие-то заботы или требовалось что-то отремонтировать, они тут же решали проблемы. Никогда, ни секунды я не пожалел о решении приехать сюда. Хорошие болельщики, хорошие люди. Каждый день приносил что-то новое.

Когда мы уезжали, мы сомневались ровно половина-на-

половину — возвращаться сюда или нет, но, несмотря ни на что, решили приехать на второй год. Мы подумали, что у нас было еще, что узнать об этой стране. После одного сезона в России нам показалось, что мы только начали понимать их менталитет и культуру. Если бы мы провели еще один год, мы могли бы еще лучше понять, какой бывает по-настоящему очаровывающая, озадачивающая, эволюционирующая страна.

В следующем сезоне российская Супепрлига будет выглядеть совершенно иначе, благодаря введенным в межсезонье новым правилам и положениям. Будущее ряда команд, включая Спартак, одну из старейших и утвердившихся команд России, почти снявшийся по финансовым причинам, находится в опасности. Вместо 18 команд будет 20, включая Хабаровск (в оригинале — Khaborosk), город на восточной границе России, прямо напротив Японии. Чтобы добраться до Хабаровска из Магнитогорска потребуется лететь на самолете десять часов (в действительности — шесть, на среднемагистральном лайнере, прим. пер.) — примерно столько же, сколько до Канады, чтобы сыграть матч. Даже с Третьяком во главе федерации, ее основным способом действия, похоже, остается сначала прыгнуть в огонь, потом реагировать на ожог. Они принимают решение идти каким-либо путем, не просчитывая, какие проблемы могут встретиться на этом пути. Еще Суперлига ввела налог на легионеров. Видимо потому, что в этом году их было так много, и они выступали так хорошо, самой высокой ставкой будут облагаться вратари — где-то 125,000–150,000 долларов США за человека. Полевые игроки обойдутся в более умеренную сумму — 25,000 долларов США за человека. Трэвис Скотт останется, но непохоже, что мы сможем позволить платить Эрикссону, Юшкевичу и Королеву, из-за нового потолка зарплат в 11 млн долларов США. Как они собираются отслеживать соблюдение этих ограничений, является для меня тайной, но, зная то, что я теперь знаю об их методах работы, я уверен, что крупно-бюджетные клубы найдут все и всяческие лазейки, чтобы скрыть свои реальные зарплатные ведомости. Магнитогорск подчинился новому ограничению зарплат и намерен его соблюдать. Фактически, судя по составам команд, в которые мы отпустили игроков, в сравнении с другими клубами мы, вероятно, единственные наивные, кто пытается действовать в рамках бюджета, почти вдвое урезанного с предыдущего сезона. Я знаю следующее: на бумаге у нас самая молодая команда в Суперлиге, с пятью 20-летними, двумя 19-летними и двумя 18- летними хоккеистами, планирующимися для включения в заявку из двадцати трех игроков. Мы будем выглядеть как Лада в прошлом году, после проведенного посреди

сезона усечения. Шансы таковы, что мы проиграем побольше, нежели четыре матча регулярки. Я не уверен, будем ли мы бороться за чемпионство. Такая возможность выпадает всего лишь раз- два за одно поколение команды, и я до сих пор не могу избавиться от ощущения, что в прошедшем сезоне у нас был такой шанс, и он просто не реализовался. С другой стороны, работа с молодыми хоккеистами — это то, что мне всегда нравилось. В прошедшем сезоне я видел многих из этих ребят во время матчей и тренировок, поэтому очень хочу увидеть, насколько лучше они смогут стать. Таков вызов — и благословение, и проклятие — каждого нового сезона. Никогда не знаешь, что может произойти в будущем.

Послесловие

Мой второй сезон не пошел и близко столь же гладко, как первый. Я продержался 8 туров. Мы сыграли 3-4-1 и возвращались домой с выезда в Мытищи и Омск, с игр против двух топовых команд лиги. Мы проиграли оба матча с разницей в единственную шайбу. На самом деле, я был вполне доволен тем, как мы играли, и направлением, в котором мы двигались. В понедельник утром Величкин попросил меня зайти и… он меня уволил. Я не мог поверить своим ушам.

Есть в спорте пословица про тренеров — что их принимают, чтобы уволить — но когда ты оказываешься в такой ситуации, обычно видишь ее приближение: твоя команда переживает длительный провальный отрезок. Не видно усилий по выходу из такой ситуации. Тренеры и игроки, кажется, работают над перекрестными целями. Выглядит так, как будто все просто ждут, когда же слетит второй ботинок. Ничего подобного в этот раз не происходило, поэтому у меня не было ни малейшего подозрения, ни намека на то, что надвигался конец. У меня было шесть месяцев раздумий о том, что же случилось, и я до сих пор не уверен, что могу выделить хоть одну причину, почему они это сделали. Некоторым образом, я даже подозреваю, что мы слишком рано становились слишком успешными.

Снова тренировочный сбор начался в середине июля в Гармиш-Партенкирхене, подготовкой на высокогорье. Мы сыграли в тех же самых летних турнирах, как и годом ранее, и сыграли очень хорошо. Мы выиграли больше, чем проиграли. Снова победили на Кубке Тампере в Финляндии. Лучше бы мы не выигрывали его, но мы выиграли. Некоторым образом я полагаю, что они посчитали — я нарочно принижал наши шансы, когда высказывал опасения по поводу молодости нашего состава и по поводу тех сроков, которые могли потребоваться для сплочения команды. Я считал, что мы сможем выйти в плэй-офф и, вероятно, закончим седьмыми-девятыми, и сказал им об этом. На основании тренировочного сбора они, возможно, подумали, что мы можем пробиться в четверку или тройку.

Но я знал ситуацию с другой стороны. Кайгородов принимал участие в тренировочном сборе, но неожиданно уехал в Оттаву. Я рассчитывал, что он вернется. На Малкина я не рассчитывал. Даже когда они объявили, под звуки фанфар, что он подписал с нами новый контракт и останется еще на один год, у меня были сомнения. Но Чистов ушел, Эрикссон ушел, Юшкевич оставил спорт. Королев на тот момент еще не вернулся. Так что, многие

из моих вояк и лидеров, лучшие нападающие покинули команду, и, честно говоря, я не совсем понимал, о чем наш клуб думает. У нас ведь на январь запланировано открытие новой арены, где зрительских мест будет вдвое больше.

Наш клуб был тем, кто инициировал потолок зарплат, и, тем не менее, все лето я читал в Интернете: то Казань подписала этого игрока, то Уфа подписала тех двоих. Как эти клубы могли, при потолке зарплат, делать все это, в то время как мы только и делали, что отпускали своих игроков? Я сказал Величкину: «Не думаю, что этот потолок сработает, потому что невозможно отслеживать его соблюдение. Зарплаты не раскрываются. Никого нет на другой стороне стола, никакой ассоциации хоккеистов, которая помогла бы следить за тем, что творится в клубах. Все, кого мы отпускаем, подписываются за другие клубы за бОльшие деньги. Но цифрам контрактов увеличиваться не разрешено, и они не увеличиваются. Что происходит?» У него не было ответа для меня, хотя я подозреваю — они знали, что я прав, и это их беспокоило, судя по тому, что сразу после моего увольнения они начали сами прикупать игроков. Как только открылось первое трансферное окно, были сделаны изменения. Вернули Кайгородова. Подписали двух защитников. Нашли еще одного чешского форварда. Вдруг дела снова пошли в гору, и они сумели обойти потолок зарплат точно так же, как его обходили все другие клубы.

Еще одним возможным фактором было то, что я недостаточно заигрывал сына Величкина и жестко гонял его. Я действительно считал важным для команды, чтобы другие хоккеисты знали — Величкину-младшему придется зарабатывать свои «лычки». Вероятно, это фактор тоже повлиял на их решение.

Но ещё до этих событий у нас в разгар тренировочного сбора развернулась самая мыльная из всех мыльных опер — и в центре ее оказался Малкин. Когда весной я уехал домой, все казалось уже свершившимся фактом — Малкин отработал свой срок у нас, он оставался дома на год дольше, чем Овечкин; и отыграл на совесть. Он был готов ехать в НХЛ и уехал бы с нашим благословлением. Ну, или я так думал. Затем, однажды, где-то в середине лета, Величкин заходит ко мне и объявляет хорошую новость: Малкин, в конце концов, остается. Он подписал продление контракта, под принуждением, в предрассветные часы, в присутствии всех руководителей клуба, оказывавших на него давление и до конца разыгрывавших карту «преданности родному клубу». Они разъяснили Малкину, что он им кое-что должен. Конечно, Величкин не рассказывал это именно в таком виде; детали я выяснил позже: в начале августа, посреди ночи, в

присутствии своих родителей, после того, как Рашников прилетел из Италии специально для встречи с ним, и чувствуя на своих плечах" тяжесть всего мира», Малкин, в конце концов, подписал контракт. На следующий день меня попросили прийти в офис к 9-10 часам утра для встречи и разговора с Малкиным. К счастью, они вышли из комнаты, и мы остались втроем — Малкин, я и Игорь, переводчик, которому я доверял.

Я сказал: «Malk, что ты думаешь насчет своего возвращения?» И он ответил: «Я не хочу оставаться». Тогда я спросил: «Если так, почему ты подписал контракт?» Он сказал: «Там было так много людей. Я запутался. Я знаю, что я обязан клубу». Все это висело на нем тяжелым грузом. Он — всего лишь молодой парень. Я думаю, все это задавило его, и он подписался. На следующий день он понял, что натворил и какую сделал ошибку. Поэтому я сказал: «В таком случае, делай не то, что тебе говорит разум. Делай то, что тебе говорит сердце. Тебе надо поступать так, как ты считаешь правильным для себя. Подумай хорошенько об этом. Сезон еще не начался, так что — еще не поздно».

Не очень-то я осознавал, насколько близко к сердцу он воспримет эти слова. Но через пару недель, по пути в Финляндию, мы остановились в Москве, чтобы сыграть матч с новой командой — Крыльями. Я стоял в углу переполненной раздевалки, вглядываясь во всех ребят и в Малкина особенно, и он был в абсолютном трансе. Я почти осязаемо видел мысли, роящиеся в его голове: зачем я все ещё здесь? что я тут делаю? Только не это опять. Он вышел на лед, по ходу игры забил дважды и сделал результативную передачу, но, когда вернулся, в его глазах не было никакой радости. И улыбки тоже не было — а ведь этот парень всегда улыбался. Я подумал: дела идут не так, как ему хотелось бы. Я точно знаю — душой он не здесь.

После игры мы все отправились в аэропорт и вылетели в Хельсинки. Самолет приземлился, мы все сошли и направились в зону получения багажа, чтобы забрать свои сумки и потом сесть в автобус. Но вдруг я увидел какой-то переполох: людей, громко разговаривавших и размахивавших руками. Я спросил Игоря, в чем дело, и он сказал: «Не можем найти Малкина». Я тут же подумал про себя: боже, он решился и ушел. Игоря и Геннадия отправили обратно в терминал на поиски Малкина, но он исчез. Его не могли найти. Он не проходил через досмотр для получения своего багажа. В ближайшее время оттуда вылетал рейс на Нью-Йорк, и мы подумали, что он сел в этот самолет. Позже мы узнали, что кто-то из его агентского окружения встретил и разместил его на несколько дней в надежном месте в Хельсинки, а затем, когда мы отыграли на Кубке Тампере, он

спокойно вылетел в Северную Америку.

Впоследствии многие люди интересовались — что, если вообще что-либо, мы знали об обстоятельствах побега Малкина. У меня не было никаких подозрений, но я вспоминаю разговор с Варламовым, нашим капитаном. Он в достаточной мере говорит по-английски и может общаться со мной напрямую. Но он не является одним из «моих русских энхаэловцев». Он — настоящий русский хоккеист. И у Varly на лице была такая большая ухмылка, когда он сказал: «Он уедет в НХЛ.» И все ребята знали об этом, ни один не был разочарован, расстроен или хотя бы удивлен. Я думаю, они все считали, что так будет правильно для Малкина — все, до единого. Думаю, они знали, что его вынудили к принятию решения. У всех на лицах были улыбки, как будто кое-кто кое-кого одурачил. Я подумал: а не знали ли они о нем больше, чем знал я? Ведь команда даже глазом не моргнула. Не удивило меня и ничего из того, что Малкин сотворил в свой первый сезон в НХЛ. Я знал, что он штурмом возьмет ее. Он и в нашей лиге уже был более чем состоятелен как игрок. Это был не такой парень, кто может выдать великолепный вечер и затем ничего не показать в следующих двух играх. Решающие голы, передачи, с которых забиваются победные голы — он был великолепен. Если матч подвисал в неопределенности, он усиливал свою игру.

Некоторые игроки проявляются иначе — они не справляются с давлением момента. Он же забивал, порой невероятные, важнейшие голы, как в кино. Помню, однажды Малкин выкрал шайбу, перехватив пас одного защитника другому при игре в меньшинстве. Его преследовали двое, один из них непосредственно мешал обработать шайбу, вратарь бросился вперед, на перехват. И тут Малкин нырнул, вытянув клюшку, подцепил шайбу и перебросил ее через вратаря. Они, скользя по льду навстречу друг другу, столкнулись. Ребята поразились: «Нет, вы видели!?»

После того, как Малкин покинул команду, наступило некое затишье, эмоциональный штиль. Но через месяц я уже стал замечать, что мы начали формироваться как команда. И затем меня уволили — это было самое странное увольнение в моей жизни. Обычно, когда увольняют, ни одна из сторон не имеет желания говорить, присутствует некое напряжение, неловкость ситуации. Здесь же всё было в таком извиняющемся тоне. Мне говорили вещи вроде: «Вы были так важны для команды. Нам будет реально вас не хватать». Мы прошли в офис, заполнили мой последний расходный формуляр. Я дал им свой табельный номер, введенный по типу энхаэловского, и меня пунктуально рассчитали. Может быть, для многих людей ехать или не ехать в

Россию работать и было большим вопросом, но у меня никогда не возникало никаких проблем. Зарплата поступала исправно и точно. Меня всегда впечатляло то, как здесь выполнялась эта часть работы.

Через четыре дня меня везли в аэропорт, наливали мне чай, обнимали и спрашивали: «Если в январе вы не будете работать, приедете сюда на открытие новой арены?» Естественно, я к тому времени работал. Я взялся поработать с клубом Мальмё, занимавшем последнее место в шведской Элитной Лиге, имея скромную цель попытаться помочь им избежать вылета во второй дивизион.

Но тот последний день в России был сюрреалистическим. Никогда раньше у меня не было такого. Даже сейчас, пытаясь проанализировать, почему так всё получилось, я все еще не знаю все ответы. Думаю, мне придется прибегнуть к той фразе, которая стала моей мантрой для этого маловероятного, необычного, непредсказуемого приключения: «Ты был в России, и просто не мог знать, чего ждать».